

СОДЕРЖАНИЕ

■ Общетеоретические вопросы

В. И. Ивченков (Минск, Беларусь)
Медиалингвистика в Беларуси: условия
формирования и особенности развития 7

М. И. Конюшкевич (Гродно, Беларусь)
Двуязычное медиапространство. Статья вторая.
Влияние русского языка на тексты белорусских
СМИ 18

■ Понятия, категории, методики анализа в медиалингвистике

О. И. Десюкевич (Минск, Беларусь)
Концептуальная публицистика Светланы
Алексиевич: кристаллизация жанра 31

О. М. Самусевич (Минск, Беларусь)
Феномен речевой агрессии в белорусской прессе ... 41

■ Типология медиаречи

А. В. Дубровский (Минск, Беларусь)
Современная литературная рецензия как результат
жанрово-стилистических трансформаций
(на материале публикаций в еженедельнике
«Літаратура і мастацтва») 55

П. П. Жолнерович (Минск, Беларусь)
Информационная строка на телевизионном
экране 65

■ Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления

Л. П. Саенкова-Мельницкая (Минск, Беларусь)
Функции авторской колонки о кино как культурно
значимого медиатекста 77

Главный редактор

Л. Р. Дускаева
(Санкт-Петербург,
Россия)

Шеф-редактор номера

В. И. Ивченков
(Минск, Беларусь)

Редакционный совет

М. Войтак
(Люблин, Польша)

Ст. Гайда
(Ополе, Польша)

Дж. Ш. Аята
(Стамбул, Турция)

Т. ван Дейк
(Барселона, Испания)

Т. Г. Добросклонская
(Москва, Россия)

И. П. Лысакова
(Санкт-Петербург,
Россия)

О. Б. Сиротина
(Саратов, Россия)

В. З. Демьянков
(Москва, Россия)

Чжан Хуэйцин
(Пекин, Китай)

В. Е. Чернявская
(Санкт-Петербург,
Россия)

Т. В. Шмелева
(Великий Новгород,
Россия)

Ю. Н. Лукьянюк, Л. Г. Шестернёва (Минск, Беларусь)
Стилистически маркированная компьютерная
лексика в белорусских СМК: структурные типы
и моделирование 89

■ **Функционирование языковых средств
в массмедиа**

И. И. Минчук (Гродно, Беларусь)
Русский и белорусский языки в эфире белорусских
телеканалов 105

Е. А. Shcheglova (Saint Petersburg, Russia)
Text forming role of vocabulary in travel sketches
(illustrated with travel sketches by I. A. Goncharov
“Frigate Pallada”) 115

■ **Хроники**

Ивченков В. И. (Минск, Беларусь)
Стилистика: язык, речь и текст 127

Коньков В. И. (Санкт-Петербург, Россия)
Речевая практика СМИ и Интернета в аспекте
стилевого взаимодействия 134

Аннотации 137
Abstracts 146

**Редакционная
коллегия**

И. В. Анненкова
(Москва, Россия)

А. Г. Баранов
(Краснодар, Россия)

Д. Бжозовска
(Ополе, Польша)

В. И. Ивченков
(Минск, Беларусь)

М. Ю. Казак
(Белгород, Россия)

М. И. Конюшкевич
(Гродно, Беларусь)

М. А. Кормилицына
(Саратов, Россия)

Л. Цонева
(Велико-Тырново,
Болгария)

Отв. редактор

Н. А. Прокофьева
(Санкт-Петербург,
Россия)

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Институт
«Высшая школа
журналистики
и массовых
коммуникаций»

199004, Санкт-Петербург,
1-я линия В. О., д. 26
E-mail: rech@jf.pu.ru

MEDIA LINGUISTICS

2017 INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL No 2(17)

<https://medialing.ru>

Scientific journal
of the Media Linguistic
Commission of
the International Slavists
Committee
(under the auspices
of UNESCO)

CONTENTS

■ General theory

- V. I. Ivchenkov* (Minsk, Belarus)
Media linguistics in Belarus: conditions of formation
and peculiarities of development 7
- M. I. Konushkevich* (Grodno, Belarus)
Bilingual media space. The second article. The Russian
language influence on the Belarusian mass media
texts 18

■ Concepts, categories, and methods of analysis in media stylistics

- O. I. Desyukevitch* (Minsk, Belarus)
Conceptual journalism of Svetlana Aleksievich: genre's
crystallization 31
- O. M. Samusevich* (Minsk, Belarus)
Phenomenon of speech aggression in the Belarussian
press 41

■ Typology of media speech

- A. V. Dubrovski* (Minsk, Belarus)
Contemporary reviews of literary works as an outcome
of genre and stylistic transformations (based on
publications in the Literature and Art journal) 55
- P. P. Zhauniarovich* (Minsk, Belarus)
Information line on the TV screen 65

■ Media text: structure, composition, tendencies of evolution

- L. P. Sayenkova-Melnitskaya* (Minsk, Belarus)
The author's column about the movie functioning as
culturally relevant media texts 77
- Ju. N. Lukyanyuk, L. G. Shesternyova* (Minsk, Belarus)
Stylistically marked computer vocabulary in
Belarusian QMS: structural types, and modeling 89

Chief editor

L. R. Duskaeva
(St Petersburg, Russia)

Editor in chief

V. I. Ivchenkov
(Minsk, Belarus)

Editorial Council

M. Wojtak
(Lublin, Poland)

St. Gajda
(Opole, Poland)

C. Şenöz-Ayata
(Istanbul, Turkey)

T. van Dijk
(Barcelona, Spain)

T. G. Dobrosklonskaya
(Moscow, Russia)

I. P. Lysakova
(St Petersburg, Russia)

O. B. Sirotinina
(Saratov, Russia)

V. Z. Demjankov
(Moscow, Russia)

Zh. Huiqin
(Beijing, China)

V. Ye. Chernyavskaya
(St Petersburg, Russia)

T. V. Shmeleva
(Veliky Novgorod, Russia)

Editorial Board

I. V. Annenkova
(Moscow, Russia)

A. G. Baranov
(Krasnodar, Russia)

■ **Functioning of linguistic means in mass media**

I. I. Minchuk (Grodno, Belarus)
The Russian and the Belarusian languages
on Belarusian television 105

E. A. Shcheglova (Saint Petersburg, Russia)
Text forming role of vocabulary in travel sketches
(illustrated with travel sketches by I. A. Goncharov
“Frigate Pallada”) 115

■ **Chronics**

V. I. Ivchenkov (Minsk, Belarus)
Stylistics: language, speech and text 127

V. I. Konkov (Saint Petersburg, Russia)
Speech practice of the media and the Internet in the
aspect of style interaction 134

Abstracts (rus.) 137

Abstracts (engl.) 146

D. Brzozowska
(Opole, Poland)

V. I. Ivchenkov
(Minsk, Belarus)

M. Yu. Kazak
(Belgorod, Russia)

M. I. Konyushkevich
(Grodno, Belarus)

M. A. Kormilitsyna
(Saratov, Russia)

L. Tsoneva
(Veliko Tŭrnovo,
Bulgaria)

Resp. editor

N. A. Prokofeva
(St Petersburg, Russia)

**St Petersburg
State University**

**Higher School of Journalism
and Mass Communications**

199004, St Petersburg,
V. O., 1st Line 26.
E-mail: rech@jf.pu.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

.....

УДК 659.4:81'42;
ББК Ш100.3;
ГРНТИ 16.21.33;
КОД ВАК 10.01.10; 10.02.19

В. И. Ивченко
Минск, Беларусь

**МЕДИАЛИНГВИСТИКА
В БЕЛАРУСИ:
УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ**

Виктор Иванович Ивченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.
220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 407.
E-mail: diskurs03@mail.ru.

© Ивченко В. И., 2017

Постановка проблемы. В августе 2013 г. в Минске на XV Международном съезде славистов была создана Медиалингвистическая комиссия при МКС, в состав которой вошли ученые России, Беларуси, Украины, Польши, Словакии, Болгарии, Испании, Австрии, Германии, США, Китая, Турции и других стран мира. Тогда и состоялось аффилирование интегрированного научного направления в сферах речеведения и журналистики — медиалингвистики. Этому предшествовала большая работа многих ученых в советский и постсоветский периоды. Многосторонняя деятельность комиссии хорошо скоординирована и плодотворна, в чем несомненная заслуга ее председателя — заведующей кафедрой речевой коммуникации СПбГУ, доктора филологических наук, профессора Л. Р. Дускаевой.

Медиалингвистические центры формировались прежде всего на соответствующих кафедрах факультетов журналистики: речевой коммуникации СПбГУ (ранее стилистики и редактирования, затем кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации), стилистики русского языка МГУ, стилистики и литературного редактирования БГУ и др. На профильных кафедрах закладывались основы медиалингвистики: стилистика публицистических жанров, лингвистика публицистического текста, дискурсный анализ СМИ (БГУ), практическая стилистика, стилистика текста (МГУ), теория речевой коммуникации, культура речи журналиста, лингвистический анализ жанра статьи (СПбГУ).

Белорусская медиалингвистика берет начало с работ М. Е. Тикоцкого, А. И. Наркевича, С. М. Грабчикова, М. П. Карпович, которые, несомненно, основополагались на теоретическом осмыслении трудов К. И. Былинского, Д. Э. Розенталя, Г. Я. Солганика, К. А. Роговой и др. Устремления ученых объединял поиск как методологии исследования речевой орга-

низации СМИ, так и методов преподавания языковых дисциплин на факультетах журналистики, в чем наблюдается своя специфика.

Методика анализа. Изучение языка в целях инструментального использования принципиально отличалось от рассмотрения его в структурном плане. Исследовать языковой факт вне системы — значит не видеть его в действии, пренебречь персуазивным эффектом: для чего были использованы те или иные слова, формы, словосочетания, предложения? почему существует текст как целостная система взаимосвязанных единиц? и какую функцию в речи выполняет сам текст? Будущему журналисту важно знать язык в виде элементной структуры (парадигмы), однако более значимым для него является понимание языкового варьирования (синтагматики), бесчисленных семантических комбинаций, заданных стилистической перспективой. Так рождается творчество, которое не может нивелировать стандарт. Именно последний долгое время держал моду в медиатексте.

Современная медиаречь деконструировала соотношение стандарта и экспрессии в сторону последней. Достигается это не только на вербальном, но и на визуальном, акустическом, парасимвольном, симулярном уровнях. Языковой знак в таком рассмотрении выходит за рамки, узаконенные лексикой и грамматикой, в общем — языковой традицией, и приобретает черты новой формы, связанной с параметральной действительностью настолько, насколько это подвластно авторскому изобретению. Иными словами, медиатекст — не замкнутая в себе система, а такой же элемент действительности, как и сам его создатель. Существуют они похоже: нельзя повторить текстовый облик человека, как и его ДНК-образ. Под медиалингвистическим микроскопом исследователь способен рассмотреть и социальный знак, и текстовый маркер журналиста.

Исторические предпосылки. Стилистика в XX в. пользовалась особым вниманием лингвистов. Ее называли душой каждого развитого языка. Появлялись многочисленные направления стилистики: кодирования, декодирования, синхроническая, диахроническая, сопоставительная, типологическая, функциональная, речеведческая, ресурсов, структурная, практическая, строя языка, экспрессивная, аналитическая, языка, речи, текста и т. д.

Традиционная стилистика ресурсов уступила место процедурной (динамической, речеведческой). Этому способствовали научные труды ученых, которые изучали язык в действии, в речевом воплощении, как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, объединенных системой текста.

Возрождение стилистики и новые приоритеты. Станислав Гайда считает, что «в стилистике Центрально-Восточной Европы до настоящего времени доминировал стилистический образ мира, представленный функциональной стилистикой. Изменения в самой лексико-стилевой действительности, а также в ее новых исследовательских подходах затуманили / деформировали этот образ, он уже не является достаточно адекватным» [Гайда 2015: 20].

Ключевым в формировании новой интегральной теории стиля является «осознание того, что в познании мира уже недостаточна детерминистическая рациональность и методологические правила эмпиризма, логического позитивизма, фальсификационизма или модели гипотетико дедуктивного объяснения. Необходимо выйти за пределы наивного реализма, детерминизма, редукционизма и статичных моделей, использующих пусть и самые совершенные количественные методы корпусной лингвистики. Наука находится в фазе перехода к новой рациональности, которая выходит за пределы детерминистической рациональности и опирается на идеи сложности» [Там же: 17].

Обращение к функциональной природе речи позволяет расширить диапазон исследований, связанных с включением в стилистическую проблематику аспектов, ранее даже не имевших к ней отношения: «С развитием диахронического аспекта функционально-стилистических исследований в сочетании с использованием данных и методов гносеологии, психологии, социологии, науковедения и т. п. создается возможность не абстрактно в общетеоретическом плане, а конкретно изучать проблемы взаимодействия языка/речи и мышления, различных „типов рациональности“ (или стилей мышления) в истории развития общества. Кроме того, глубже понять и описать, например, законы построения, развертывания и интерпретации смысловой структуры научного текста» [Кожина и др. 2008: 63].

Несмотря на недавнее забвение стилистики, в XXI в. интерес к ней растет. «Сам термин *стилистика* или исчезает из научного обихода, — рассуждает Станислав Гайда, — или же остается в силу традиции и инерции. Стилистику пытаются заменить новые субдисциплины, теории, исследовательские поля, обозначенные такими терминами, как прагмалингвистика, социолингвистика, теория / анализ дискурса и т. д. Они занимаются разнообразными аспектами функционирования языка. Может ли стилистика выжить? Кажется, однако, что положение стилистики во гроб было бы решительно преждевременным» [Гайда 2015: 17].

Условия формирования белорусской стилистики. Развитие стилистических учений и становление самой стилистики в Беларуси неразрывно связаны с именем доктора филологических наук, профессора Михаила Евгеньевича Тикоцкого. Основопологающей работой, в которой системно выстраивалась наука о языке и стиле СМИ в Беларуси, явилось его докторское исследование «Проблемы языка и стиля публицистического произведения», представленное к защите в 1972 г. Инициировав в 1969 г. создание кафедры стилистики и литературного редактирования в Белорусском государственном университете и возглавив ее, М. Е. Тикоцкий своими научными работами кардинально повлиял на становление белорусской стилистики. Это вылилось в решение стилистических задач через призму исследования публицистического произведения.

В своих работах ученый дает ответ на обострившуюся в те годы полемику о специфике публицистики, о ее предмете и функциях, жанровой и видовой дифференциации. Тикоцкий показал, что признание равноправия «публицистики среди других видов литературного творчества» ведет к «эстетической нивелировке произведений публицистики и художественной литературы, к попытке оценивать качество публицистического произведения всеобщей мерой искусства» [Тикоцкий 1972: 4]. Углубляясь в дискуссию, начатую в 1970-х годах журналом «Вопросы литературы», исследователь задается вопросом: «Почему публицистика — жанр (а не вид или род) литературы, и почему именно художественной, а не общественно-политической?» [Там же: 5].

В подходе к специфике публицистики Тикоцкий усматривает узость и односторонность попыток противопоставить «художественную» публицистику «деловой». Добиваться, чтобы «каждое публицистическое произведение... было одновременно художественным (по-своему!) и деловым — в этом своеобразном синтезе нужно видеть основу дальнейшего расцвета нашей публицистики, обогащения ее новыми яркими средствами отображения богатых и многообразных жизненных явлений» [Там же: 6].

Что есть публицистика и каково соотношение ее с видами литературы — вопрос, кардинально не решенный и в наше время. Споры ведутся в зависимости от исследовательских, эмпирических и профессионально опосредованных предпочтений.

Аналитическая публицистика. Проф. М. Е. Тикоцкий ценит в публицистике аналитическое начало, которое подталкивает читателя к размышлениям, побуждает к действию: «Настоящая публицистика начинается там, где есть мысль, где ведется поиск причин тех или иных общественных и экономических явлений» [Там же: 52]. Сегодня эти слова чрезвычайно важны. Суть их применима к нашей информационной жизни. Современная журналистика призвана сконцентрироваться на трех факторах: информируя, доказывать истинность того, о чем сообщается, чем побудить аудиторию к действию, и, влияя на ее эмоциональное состояние, завоевать симпатии, склонить на свою сторону.

Журналистика приобрела выраженные авторские черты, где явно присутствует говорящий, который думает, рассуждает, анализирует, обобщает и делится своим мнением с аудиторией. Он индивидуален, персонифицирован, и его мнение — одно из многих. Актуальность такого мнения во многом зависит от коммуникативных качеств сообщаемого: речевое действие (локуция) предполагает наличие прагматического компонента, выражающего смысл и цель (иллокуция), что приводит к достижению эффекта (перлокуция). В отличие от господствовавшего в советское время «анализма» передовой статьи, обезличенной, пропагандистской и трафаретно заданной, профессиональная колумнистика и блогерская журналистика придали аналитизму «человеческий вид», призвав авторов стать коммуникативными лидерами. Предвидение таких перемен «в действии» публицистики есть в докторском исследовании М. Е. Тикоцкого.

Язык и стиль публицистического произведения. Анализируя работы советских лингвистов, ученый уже тогда предостерегал: «К языку и стилю газеты в целом или отдельного публицистического произведения нельзя подходить с теми же мерками, что и к произведениям художественной литературы. Судить о качестве газетной речи можно только по внутренним, имманентным законам этой речи» [Там же: 6]. Тикоцкий в последующем много говорил об эстетике публицистического слова. Им же был разработан одноименный авторский курс.

Разделяя большой интерес тех лет к развитию публицистического стиля, М. Е. Тикоцкий вырабатывает свой взгляд на проблему: «Настоящей движущей силой стиля публицистики, любого литературного произведения, его „внутренней пружиной“ является исследовательская, творческая мысль, идея автора» [Там же: 7]. Тем самым определялся комплексный подход к проблемам стилистики, «когда языковые средства, стили речи ставятся и изучаются во взаимодействии и взаимосвязи с другими элементами литературного произведения, главным образом во взаимодействии стиля и содержания, идеи и стиля», именно он открывает «широкие возможности и перспективы для стилистики публицистических жанров» [Там же: 10]. Таким образом унифицируется виноградовская мысль о тенденции к объединению лингвистических и литературоведческих концепций формы и содержания [Виноградов 1971: 104].

«Слово и образ». Напомним, что выработка такой концепции предшествовала творческая дискуссия 1959–1960 гг. «Слово и образ», по поводу которой акад. В. В. Виноградов писал: «Вопрос об образе переносится в сферу общей эстетики, а тем самым выдвигается пока еще неразрешенная и сложная проблема о необходимости разграничения двух стилистических аспектов изучения структур словесно-художественных произведений в сфере поэтики и стилистики художественной литературы, а именно аспектов — стилистики лингвистической и стилистики литературоведческой, связанной с теорией других искусств» [Виноградов 1963: 115–116]. Критически оценивая концепцию А. И. Ефимова о слове и образе [Ефимов 1957; 1959], статьи П. Пустовойта

[Пустовойт 1959], В. Назаренко [Назаренко 1958], В. Турбина [Турбин 1959], П. Палиевского [Палиевский 1959], Ю. Рюрикова [Рюриков 1960], А. Чичерина [Чичерин 1960], Л. Поляк [Поляк 1959], Д. Шмелева [Шмелев 1960], В. Левина [Левин 1960], Виноградов показал, что вопрос об образности художественного или поэтического языка сложен и функционально многообразен: «Он во всяком случае не сводится к проблеме переносного словоупотребления слов и выражений, к проблеме тропов, метафор и сравнений. Он относится к центральным вопросам эстетики художественного слова» [Виноградов 1963: 123].

Полемизируя с А. М. Пешковским по теории «общей образности» слов, А. И. Ефимов выделяет в художественном произведении «сплав литературных образов и образных (а также необразных) речевых средств» [Ефимов 1957: 23], называет образные речевые средства в качестве конструктивного элемента в художественном произведении, проводит резкую специализацию образности как категории литературоведческой и языковой [Там же: 22].

Как указывает М. Е. Тикоцкий, в синтезе лингвистической и литературоведческой направленности исследования текста заложено оптимальное разрешение диалектического единства формы и содержания. Это соответствовало выводу авторитетного советского ученого В. В. Виноградова: «Тенденция к объединению лингвистических и литературоведческих концепций формы и содержания словесно-художественного произведения на основе углубленного синтеза их, на основе изучения смысла, идеи, замысла как словесно-структурного элемента художественного целого плодотворна и перспективна» [Виноградов 1963: 104].

Стандарт и экспрессия. Тикоцкий-исследователь обращается еще к одной важной проблеме публицистического стиля — проблеме сочетания в тексте стандарта и экспрессии. «Высказывается мнение о том, — говорит он, — что развитие публицистического стиля определяет постоянная борьба между двумя противоположными тенденциями — стремлением к стандартизованности, штампованности в языке, с одной стороны, и стремлением к максимальной экспрессивности, „живости“ изложения, — с другой» [Тикоцкий 1972: 6]. Осмысливая концепцию В. Г. Костомарова [Костомаров 1971] (шаблонизация языка газеты вызывается ростом экспрессивности и, в свою очередь, вызывает экспрессивность), профессор Тикоцкий уже в то время указывал на односторонность подобных рассуждений, так как они дают «только внешнее, формальное представление о предмете», указывают на «недифференцированный подход к специфике и функциям газеты, недооценку индивидуального фактора в ней» [Тикоцкий 1972: 7].

Язык газеты и ранний Винокур. Последователи теории штампованности газетного языка считали, что словарный состав газеты однозначно фиксированный состоит из устойчивых словосочетаний, заданных рамками новостей. По мнению Г. О. Винокура, журналистская деятельность полностью автоматизирована: «Небольшой словарный запас газетной речи отличается совершенно исключительной механизированностью. В газетной речи нет почти ни одного слова, которое не было бы штампом, клише, шаблоном. Наиболее употребительные слова из газетного лексикона — уже не слова, а своего рода термины. Газетная лексикология — есть *sui generis* терминология. И недаром принято называть „газетной прозой“ неудачное поэтическое произведение. В газетном языке как раз не хватает того, что составляет основу поэзии, позволяющей ощутить каждое слово заново, словно в первый раз его слышишь» [Винокур 1924]. Мнение талантливого ученого-филолога, много полемизовавшего с литературоведами, лингвистами и философами, подтверждает его концепцию: поэтическая функция

решительным образом противопоставлена общекоммуникативной направленности языка, потому что она (функция) усложнена эстетическими коннотациями. Это было вызвано, вероятно, узко эмпирическим подходом к языковому материалу, в котором не просматривалась необходимость качественных характеристик последнего, не давалась оценка эстетике публицистического текста: «Итак, я продолжаю утверждать, что штампованность, механичность есть неотъемлемое качество, при том качество в данных социально-культурных условиях положительное, всякой газетной речи. Эта механичность, этот шаблон необходим для того, чтобы газета могла правильно выполнять свою культурную функцию. И не надо думать, будто штампованный язык нашей печати обязан своим происхождением только невежеству или бесталанности нашей пишущей публики» [Там же].

Вывод, к которому пришел ранний Винокур, неутешителен: «Газетные штампы приходится, поэтому, подновлять, заменять, в чем лучшей помощницей газетной речи является сама социальная действительность, снимающая с очереди старые вопросы и темы и выдвигающая новые. Важно, однако, помнить, что когда изношенное словарное клише сдается в архив, оно заменяется хоть и новым, но все же клише. Сегодня это „керенщина“, завтра — „германская керенщина“, сегодня — „смычка с крестьянством“, завтра — „союз с крестьянством“, но суть дела не меняется. Иными словами, словарь газеты всегда носит характер фразеологии, т. е. суммы фиксированных, штампованных речений с заранее известным уже, точно установленным, механизированным значением, смыслом» [Там же].

Каким должен быть язык газеты? Фокусировавшаяся Г. О. Винокуром проблема породила многочисленные дискуссии в среде рабкоров: каким должен быть язык газеты? Своеобразным ответом на вопрос стала статья ученого «Язык нашей газеты», вышедшая в 1924 г. После обзора работ современников и анализа публикаций рабкоров «Правды», вызванных обсуждением работы Льва Троцкого «Вопросы быта», он приводит доводы своим оппонентам — активным участникам совещания рабкоров Вячеславу Карпинскому и Льву Сосновскому: «Да, писать нужно просто. И, конечно, писать просто — это самое трудное. Писать просто можно только тогда, когда в совершенстве владеешь механизмом литературного языка. Но если это действительно так, то давайте учиться, работать так, как делал это Пушкин, а не будем завидовать лаптям, лучинам и „показательному хозяйству — шкафу“. Не будем говорить, что „борзописцев“ повернуть легче, чем массу. Не будем разучиваться писать на литературном языке» [Там же].

Проф. М. Е. Тикоцкий выступал против подобных подходов к изучению языка и стиля газеты: «Недостаток лингвистической теории газетного языка — очень общий подход к нему, изучение языка без учета разнообразия жанров и их особенностей, — подход, дающий лишь внешнее представление о предмете и искажающий перспективу его рассмотрения» [Тикоцкий 1971: 25–26]. Ученый убеждал: «Плодотворная разработка эстетики газетной речи возможна только на основании углубленных и разнообразных исследований языка газеты на всех его уровнях, и „не вообще языка газеты, а языка газетных жанров“» [Там же: 28].

Дискутируя с Винокуром, Тикоцкий указывает на тот факт, что после 1920-х годов, когда «советские газеты еще только искали новые пути, еще только начинали перестраиваться» [Тикоцкий 1972: 7], прошло полвека. Усилилась роль радио и телевидения, с которыми газета не может и не должна конкурировать. «На ее долю выпадает теперь качественно иная, более ответственная и более творческая задача: живо и ярко, „по-своему“ комментировать события и факты, публицистически их осмысливать, де-

литься своими рассуждениями и выводами с читателями» [Там же: 8]. Далее ученый говорит о новых формах «публицистических выступлений», таких как «раздумье», «письмо из редакции», «командировка по просьбе читателей», «обозрение» и др., в которых важными для читателя являются личные мысли журналиста, индивидуальный взгляд на те или иные проблемы.

Настойчивое видение в газетном тексте эстетического начала, понимание роли перераспределения функций СМИ приводят к актуальному и сегодня образу мыслей о месте традиционных и новых медиа на информационном поле и особенностях организации медиатекста.

Речеведческий аспект стилистики. М. Е. Тикоцкий обращает особое внимание на работы М. Н. Кожиной, в которых указывалось на то, что «характер языковой «ткани» (потока речи в ее языковых средствах и их системе или структуре) определяется характером мысли, отражает последний» [Там же: 10]. Позже пути исследований двух ученых пересекались, что было вызвано интересом к проблемам функциональной стилистики.

Научный взгляд Кожиной на стилистику как эволюционную науку послужил отправной точкой для развития парадигмы динамической (речеведческой) стороны исследований языка и стиля, связанной с экстралингвистическими факторами коммуникации и осознанием стилистической сути локутивного действия, иллюкутивной установки и перлокутивного эффекта.

Известно, что в первой половине минувшего столетия основным аспектом изучения языка был структурно-системный. «Одно из гениальных открытий в истории языкознания — справедливо утверждает М. Н. Кожина, — это двуаспектность языка, а именно различие системы языка (в терминологии В. Гумбольдта — *ergon*, кладовая, продукт, совокупность языковых единиц) и его функционирования, динамической стороны (*energeia*, употребление языка, узус). Если одна из сторон единства «*ergon* — *energeia*», а именно структурно-системный аспект языка, уже в достаточной степени изучена, то исследование функциональной — иначе речеведческой — стороны языка, причем как лингвистического, а не лишь психологического феномена, началось недавно» [Кожина 2008: 13].

Язык отражает действительность и человека, является формой знаний о действительности, аккумулирует знание реальных сообществ, опосредованно отражающее глубинные структуры их социального бытия. В лингвистических и смежных исследованиях последних десятилетий утверждается предмет научных интересов, в круг которого входит семиотическая связь между явлениями жизни, презентация их в языке не только на интралингвистическом уровне, призванном обеспечивать технологическую функцию коммуникации, но и на уровне иллюкутивных сил, включающих в себя многочисленную гамму речевой деятельности. «Большим достижением лингвистики XX в. явилось изучение системы языка, его структурной организации. Однако случилось так, что оно заслонило некоторые существенные признаки языка (в том числе особенно актуальные для стилистики). В настоящее время в связи с развитием коммуникативно-функциональных направлений исследования языка все шире обнаруживается интерес к его функциональной стороне, к речи, к тексту, в целом к комплексу речеведческих дисциплин» [Там же].

С точки зрения современных представлений об устройстве науки о языке стилистика должна активно включиться в теорию языкового варьирования, где фиксируется одно и то же содержание, но при этом дополнительно сообщается об отношении говорящего к коммуникативной ситуации, к содержанию высказывания, к адресату и само-

му себе. Стилистические варианты рассматриваются с точки зрения их образования, сферы употребления и принципов отбора в зависимости от целей речевой ситуации.

Белорусская стилистика: традиция и новые приоритеты. Проф. М. Е. Тикоцкий стал основателем традиции белорусской стилистики и в то же время продолжателем традиции русской стилистики. Однако есть некоторые национальные особенности. Если русская стилистика имела для развития мощный арсенал — исследования языка Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова и др., то перед белорусским ученым стал вопрос о формировании стилистики белорусского языка без такой базы. Значительно позже русских работ по языку художественной литературы появится множество диссертаций, статей, монографий по изучению языка Якуба Коласа, Янки Купалы, Владимира Короткевича, Кузьмы Черного, Максима Лужанина, Ядвига Ш., Ивана Мележа и др., в которых представлялась синтагматика белорусского языка в многообразии его парадигматических возможностей, речевых вариаций, преломленных сквозь призму индивидуально-авторского стиля.

Современная стилистика определяет способы и приемы организации текста, предполагает выявление и описание каждой микроструктуры — совокупности речевых средств в соответствии с их языковой (вероятностной) реализацией. В связи с этим актуализированы семантические процессы, происходящие в наше время. Их изучение может проходить в русле дискурсного анализа, воплощение которого находим в генерализации текста как сложного коммуникативного явления, иерархии знаний о мире. «В европейской интеллектуальной атмосфере с эпохи Ренессанса центральное место в целостном видении мира занимала идеология гуманизма. Ход истории, в том числе и развитие науки нашего времени, привел к ее редукции до убогого антропоцентризма и превосходства цивилизации над культурой. Она может даже отвергнуть культуру, из которой выросла, однако трудно сказать, переживет ли это. Сегодняшнее кризисное время нуждается в новом ренессансе и новом гуманизме, в том числе в так называемой третьей культуре, интегрирующей точные науки и пренебрегаемые ныне науки гуманитарные. Роль гуманитарных наук заключается, кроме всего прочего, в том, чтобы содействовать росту общественной рефлексивности. И здесь есть место для лингвистики, в том числе и для стилистики» [Гайда 2015: 19]. В постиндустриальную эпоху усиливается исследовательское видение «социального начала» в медиатексте, который принципиально меняется. В медиалингвистике принципиально важно вычленить стилистику с новым предметом и новыми задачами, которые вытекают из активной медийной практики. Она характеризуется максимальной вербоцентричностью как в профессиональной среде, так и в сфере гражданской журналистики. Можно сказать, что через двадцать столетий античный форум эволюционировал в виртуальный. Это стало затруднительным обстоятельством даже для выявления форм существования языка. Традиционные — устная и письменная — пополняются виртуальной, чем-то усредненным между первой и второй, но обогащенной паравербальным уровнем. Вспомним, стилистика стала нужна в исследовании индивидуального творчества, когда пришло понимание, что за структурой языка кроется неисчерпаемое множество сочетаемостных (синтагматических) вариаций, которые неповторимы в каждом конкретном случае его использования. Образно это можно назвать ДНК-текстом, который, по-видимому, еще более совершенен, чем тест на молекулярном уровне. Нельзя повторить (угадать, описать, установить) то, что человек создает за свою жизнь в речи, в мыслях. Активное включение современника в текст, беспрецедентное погружение его в речевую практику может стать возрождением вербали-

стики, а значит, действенного поиска быть услышанным и исследованным в непрерывном речевом потоке.

Выводы. Стилистическое учение о предмете и задачах публицистического произведения, интегрированное в докторском исследовании М. Е. Тикоцкого «Проблемы языка и стиля публицистического произведения», развитое им же в монографических работах по стилистике публицистических жанров, стилистике белорусского языка, практической стилистике, стилистике текста, послужило отправной точкой формирования лингвостилистических и далее — медиалингвистических приоритетов: лингвистической организации художественного текста [Ивченко 2002а], лингвостилистике тропов [Ивченко 2002б], дискурсном анализе белорусских СМИ [Іўчанкаў 2003], парадигматической возможности и синтагматической необходимости включения метонимии в публицистическую речь [Горбач 2000], установления роли речевого факта в определении жанра на базе публицистического дискурса Владимира Короткевича [Жаўняровіч 2006], интертекстуальности как выразителя постмодернистской манеры письма журналиста [Зелянко 2012] и др.

В белорусской науке сформировалось и разрабатывается новое направление, которое вытекает из следующего постулата: текст — это не простая лингвистическая единица, а явление речевой деятельности, коммуникации и познания. Отсюда важно изучить механизмы организации текста в системе реальных ситуаций, где он предстает как коммуникативный процесс. Текст, созданный журналистом, динамично функционирующий, экстралингвистически структурированный, привлекает внимание своей сложностью и разнообразием, что вынуждает учитывать и размытость, и стохастичность, и в то же время речеобразующую системность его.

В ракурсе медиалингвистического изучения попадают сложнейшие явления, связанные с устройством общественной жизни, с тем, как конкретный носитель языка (журналист) воспринимает и выражает окружающий мир. В этом он неповторим, что открывает перспективы изучения его «текстовой жизни» в реальном (устном / письменном) и виртуальном пространствах, сконструированных по только ему свойственной стилистической модели.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высш. школа, 1971.
- Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963.
- Винокур Г. О.* Язык нашей газеты // ЛЕФ. 1924. №2 (6). URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2979.html>.
- Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 11–21.
- Горбач В. А.* Метанімія ў публіцыстычным маўленні: парадыгматычныя здольнасці і синтагматычная неабходнасць: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2000.
- Ефимов А.* Образная речь художественного произведения // Вопр. лит. 1959. № 8. С. 91–108.
- Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
- Жаўняровіч П. П.* Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт у вызначэнні жанру: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2006.
- Зелянко С. В.* Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2012.
- Ивченко В. И.* Лингвистическая организация текста: в творческой лаборатории Владимира Короткевича. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2002а.

- Ивченко В. И.* Лингвостилистика тропов Юрия Казакова. Минск: Пачатковая школа, 2002б.
- Ўчанкаў В. І.* Дыскус беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2003.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта; Наука, 2008.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
- Левин В.* Язык художественного произведения // *Вопр. лит.* 1960. № 2. С. 80–90.
- Назаренко В.* Язык искусства // *Вопр. лит.* 1958. № 6. С. 69–96.
- Палиевский П.* Образ или «словесная ткань» // *Вопр. лит.* 1959. № 11. С. 84–99.
- Поляк Л.* Мастерство критика // *Вопр. лит.* 1959. № 9. С. 91–112.
- Пустовойт П.* Через жизнь — к слову // *Вопр. лит.* 1959. № 8. С. 109–120.
- Рюриков Ю.* Тропинка тропов и дорога образов // *Вопр. лит.* 1960. № 4. С. 148–167.
- Тикоцкий М. Е.* Проблемы языка и стиля публицистического произведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1972.
- Турбин В.* Что же такое стиль художественного произведения // *Вопр. лит.* 1959. № 10. С. 117–134.
- Цікоцкі М. Я.* Стылістыка публіцыстычных жанраў. Мінск: Вышэйш. школа, 1971.
- Чичерин А.* Идеи и стиль // *Вопр. лит.* 1960. № 2. С. 70–79.
- Шмелев Д.* Можно ли отвлечься от «речевой оболочки» // *Вопр. лит.* 1960. № 4. С. 136–147.

REFERENCES

- Chicherin A.* Ideas and Style [Idei i stil] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1960. No. 2. S. 70–79.
- Efimov A.* Figurative speech artwork [Obraznaya rech hudozhestvennogo proizvedeniya] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1959. No. 8. S. 91–108.
- Efimov A. I.* Stylistics of artistic speech [Stilistika hudozhestvennoy rechi]. Moscow, 1957.
- Gayda S.* Actual problems of stylistics [Aktualnyie zadachi stilistiki] // *Topical Issues of Stylistics [Aktualnyie problemyi stilistiki].* 2015. No. 1. S. 11–21.
- Gorbach V. A.* Metonymy in journalistic language: paradigmatic and syntagmatic possibilities need [Metanimiya ŷ publitsyistyichnyim maŷlenni: paradyigmatyichnyiya zdolnasti i sintagmatyichnaya neabhdnasts: aŷtaref. dyis. ... kand. flal. navuk]. Minsk, 2000.
- Iuchankau V. I.* The discourse of Belarusian media: organization of journalistic tex [Dyiskurs belaruskіh SMI: arganizatsyiya publitsyistyichnaga tekstu]. Minsk, 2003.
- Ivchenkov V. I.* Linvostilistika tropes Yuri Kazakov [Lingvostilistika tropov Yuriya Kazakova]. Minsk, 2002.
- Ivchenkov V. I.* The linguistic organization of the text: in Vladimir Karatkevich creative laboratory [Lingvisticheskaya organizatsiya teksta: v tvorcheskoy laboratorii Vladimira Korotkevicha]. Minsk, 2002.
- Kostomarov V. G.* Russian language in the newspaper strip [Russkiy yazyk na gazetnoy polose]. Moscow, 1971.
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A.* The style of the Russian language [Stilistika russkogo yazyka: uchebnik]. Moscow, 2008.
- Levin V.* Language of a work of art [Yazyk hudozhestvennogo proizvedeniya] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1960. No. 2. S.80–90.
- Nazarenko V.* Language Arts [Yazyk iskusstva] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1958. No. 6. S. 69–96.
- Palievskiy P.* The image, or “verbal fabric” [Obraz ili «slovesnaya tkan»] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1959. No. 11. S. 84–99.
- Polyak L.* Skill criticism [Masterstvo kritika] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1959. No. 9. S. 91–112.
- Pustovoyt P.* A life — the way [Cherez zhizn — k slovu] // *Questions of Literature [Vopr. lit.].* 1959. No. 8. S. 109–120.

Ryurikov Yu. Pathway tropes and images of the road [Tropinka tropov i doroga obrazov] // Questions of Literature [Vopr. lit.]. 1960. No. 4. S. 148–167.

Shmelev D. Is it possible to escape from the “verbal shell” [Mozhno li otvlechsya ot «rechevoy obolochki»] // Questions of Literature [Vopr. lit.]. 1960. No. 4. S. 136–147.

Tikotskiy M. E. Problems of language and style of journalistic works [Problemyi yazyika i stilya publitsisticheskogo proizvedeniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk]. Minsk, 1972.

Turbin V. What is a style of art [Chto zhe takoe stil hudozhestvennogo proizvedeniya] // Questions of Literature [Vopr. lit.]. 1959. No. 10. S. 117–134.

Tsikotski M. Ya. The style of journalistic genres [Styillistyika publitsyistyichnyih zhanraŭ]. Minsk, 1971.

Vinogradov V. V. Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics [Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika]. Moscow, 1963.

Vinogradov V. V. The theory of artistic speech [O teorii hudozhestvennoy rechi]. Moscow, 1971.

Vinokur G. O. The language of our newspaper [Yazyik nashey gazetyi] // LEF. 1924. No. 2 (6). URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2979.html>.

Zelyanko S. V. Intertext in journalistic language [Intertekst u publitsyistyichnyim maŭlenni: aŭtaref. dyis. ... kand. filal. Navuk]. Minsk, 2012.

Zhaŭnyarovich P. P. Reading Vladimir Karatkevich: voice fact in determining the genre [Publitsyistyika Uladzimira Karatkevicha: moŭnyi fakt u vyznachenni zhanru: aŭtaref. dyis. ... kand. filal. navuk]. Minsk, 2006.

УДК 81'271 + 161.3;
ББК Ш181.2;
ГСНТИ 16.21.33;
КОД ВАК 10.02.19

.....
М. И. Конюшкевич
Гродно, Беларусь

**ДВУАЗЫЧНОЕ
МЕДИАПРОСТРАНСТВО**
Статья вторая.
**ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
НА ТЕКСТЫ БЕЛОРУССКИХ СМИ**

.....
Мария Иосифовна Конюшкевич, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
230022, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22, к. 319.
E-mail: marikon9@mail.ru.

© Конюшкевич М. И., 2017

Постановка проблемы. Как уже отмечалось в нашей первой статье, языковая ситуация в Республике Беларусь характеризуется двуязычием — близкородственным, неоднородным и асимметричным. Аналогичная ситуация наблюдается и в медиапространстве Беларуси, в частности в печатных СМИ. В связи с этим актуальным представляется установление доли, частотности и функций каждого из иноязычных включений — белорусизмов в русском и русизмов в белорусском медиадискурсе. Выполнение первой части этой задачи — о включении белорусизмов в русскоязычный медиатекст — было продемонстрировано в нашей первой статье.

Было выявлено, что в двуязычном медиапространстве, где русский язык доминирует, русскоязычным газетным текстам «трасянка» (белорусско-русская смешанная речь) не свойственна, а белорусизмы в русскоязычных медиатекстах выполняют задачи: а) отражения белорусских реалий; б) манифестацию национальной идентичности; в) создание экспрессивных и других эффектов.

Цель данной статьи — показать факторы и последствия влияния русского языка на язык белорусских СМИ. Материалом послужили исследования белорусских ученых о взаимовлиянии контактирующих языков, а также публикации ряда районных газет Гродненской области (о русизмах в «Звездзе» и других белорусских СМИ см. [Жолнерович 2009; Жаўняровіч 2012; Іўчанкаў 2011; 2013]).

История вопроса. В дополнение к названному в первой статье исследованиям о месте и роли каждого из государственных языков в белорусском социуме и о связанных с этим социолингвистических проблемах приведем несколько источников последнего десятилетия.

В детальном обзоре трудов российских исследователей первой половины XIX столетия о феномене белорусского

языка (согласно обзору, другие названия этого периода — *беларуская, русская, русь-кая, літоўска-руская, руска-літоўская, руска-польская, польска-руская, крывіцкая, руска-крывіцкая, польска-славянская*) С. Н. Запрудский отмечает положительные моменты научного интереса к белорусскому языку и вместе с тем отрицательные, когда «смешанность» белорусского языка «стала рассматриваться на уровне социолингвистических и идейно-общественных обобщений, что могло провоцировать общую презрительную оценку белорусского языка» [Запрудскі 2013: 50]. Основаниями для такого вывода послужили ему высказывания О. Бодянского (1846), назвавшего старый книжный белорусский язык «самой отвратительной смесью, какую только можно себе представить и какая когда-нибудь существовала на Руси», и изложившего мысль Й. Крыжанича о белорусском языке, который «хуже, чем сам польский язык: заимствуя все у поляков, нравы, законы и язык, белорусцы черпали из мутного колодца, и поэтому не в состоянии подать нам чистого питья» (перевод наш. — М. К.) [см.: Там же: 49–50].

Небольшой исторический экскурс нам понадобился потому, что приведенные и другие негативные высказывания о белорусском языке не только «в некоторых случаях трансформировались в общую презрительную оценку белорусского языка» [Там же: 50], но и получили проекцию на современность. По прошествии времени и под влиянием политических, исторических и социальных катаклизмов XX в. сформировалась косвенная экстраполяция подобных взглядов в массовое сознание белорусского социума, который добровольно стал отрекаться от своего родного языка, проигрывающего в его глазах русскому языку в престижности и возможностях. Этот комплекс факторов отказа белорусов от использования своего языка в коммуникации продолжает действовать и сегодня, с тем лишь уточнением, что «на помощь» русскому языку в вытеснении белорусского пришел еще и английский.

Методика анализа. В решении исследовательской задачи использованы методы синтеза и обобщения опыта предшественников (при установлении научного интереса к межъязыковым отношениям в Беларуси и выявлении факторов включения русизмов); интроспективный анализ языкового материала (при определении и разведении русского и белорусского элементов языка); лингвистический анализ (при определении интерферирующих случаев).

Анализ материала. Языковая ситуация в Республике Беларусь. Общее состояние современного белорусского литературного языка в Республике Беларусь характеризуется, при незначительных расхождениях, как ситуация языковой стагнации, когда в результате проникновения русского языка во все сферы коммуникации Беларуси белорусский язык «утрачивает функции, необходимые для его естественного существования и развития» [Даніловіч 2013: 30]. А. А. Лукашанцем названы следующие парадоксы существования белорусского языка в Беларуси: а) дисбаланс между развитием системы белорусского литературного языка в XX столетии и его реальным функционированием в обществе; б) исключительно важная роль белорусского языка в формировании национального сознания белорусов в начале XX столетия и невозможность превратиться в единственное средство общения на протяжении всего XX столетия; в) актуализация двух противоположных тенденций развития белорусского языка — тенденции к интернационализации и тенденции к национализации; г) ограниченное использование белорусского языка в официальных сферах употребления и его интенсивное расширение в новых коммуникативных сферах (интернет-коммуникация, конфессиональная сфера); д) наличие в стране языкового законодательства и практическое его игнорирование;

е) недостаточная языковая компетенция и завышенные критерии к культуре собственной белорусской речи; ж) наличие двух уровней оппозиций: оппозиция «белорусский язык — русский язык» и противопоставление двух норм: «наркомовка» (официальный литературный язык) — «тарашкевица» (белорусский литературный язык до 30-х годов XX столетия) [Лукашанец 2013].

Вместе с тем отмечаются и новые тенденции в роли и оценке белорусского языка в обществе — как символа нации (по данным переписи населения в РБ в 2009 г. белорусский язык родным назвали даже те, кто никогда им не пользуется, в том числе и многие из тех, кто по национальности идентифицировал себя не белорусом; ср.: 60% населения назвали его родным, а пользуются им в бытовом общении только 23% жителей Беларуси. URL: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/raspredelenie-naseleniya-respubliki-belarus-po-natsionalnostyam-i-yazykam-v-1999-godu/>) и как языка престижа: на рынке труда в Беларуси человек, владеющий не только русским и английским, но и белорусским языком, более востребован.

Интерес белорусских лингвистов к результатам взаимодействия русского и белорусского языков был не одинаков на протяжении второй половины XX и первых десятилетий XXI столетия. Контрастные исследования этих языков, активные в 60–80-х годах, снизились, закончившись пиком защит двух докторских и семи кандидатских диссертаций только в 1990 г. [Германович, Шуба: 1992]. Возможно, переломный 1990-й год, когда происходило становление государственности Беларуси как самостоятельной державы, послужил катализатором снижения научного интереса к двуязычию и поворота к активным исследованиям белорусского языка в силу приобретения им статуса государственного и, соответственно, волны пуризма, стимулировавшей поиск собственно белорусских языковых средств.

По крайней мере, судя по справочнику диссертационных исследований, защищенных в РБ в период с 1990 по 2011 г. [Дзятко, Шахоўская 2011], диссертационные исследования в основном касались белорусского языка — его истории, терминологических подсистем, ономаσιологического потенциала, языка белорусской художественной литературы. Проблематика белорусско-русского двуязычия отражена в диссертационных исследованиях языковой ситуации белорусского города [Траханкина 2002; Паўлоўская 2008], грамматических категорий [Моценская 1992], лексических систем [Свириденко 2005; Лапицкая 1993; Федунцова 2012].

Двуязычие в медиапространстве Беларуси изучалось с точки зрения становления норм белорусского языка [Чараповіч 2009], межъязыковой интерференции в художественной литературе и периодической печати [Готовец 2002; Малько 2004], культуры белорусской и русской речи журналиста-билингва [Іўчанкаў 2003]. Естественно, кроме диссертационных исследований в данном направлении опубликовано и немало других работ [Лукашанец 2007; 2014; Іўчанкаў 2011; 2012; 2013; Жаўняровіч 2011; Піваварчык 2015 и др.].

Существование и взаимодействие русского и белорусского языков в белорусском медиапространстве неизбежно, причем влияние одного языка на другой обоюдоевекторно, но не обоюдоравно: «если белорусское влияние можно описать в виде упорядоченного по встречаемости списка особенностей, то соответственная картина воздействия русского языка невозможна. Это воздействие настолько сильно, что возникает ощущение не речи с „акцентом“, а речи на ином языке» [Свириденко 2011: 75].

Соглашаясь с автором цитаты, можно возразить лишь в том, что влияние русского языка на белорусскую медиаречь невозможно упорядочить. Доказательство обратного и составляет главную задачу нашей статьи, причем упорядочения требуют не сами многочисленные случаи межъязыковой интерференции, кои подробно описаны в упомянутых и других трудах, а факторы влияния русского языка на белорусский и следы этого влияния в белорусскоязычной газетной речи.

Историческая роль русского языка в Беларуси. Одним из важнейших таких факторов является ведущая роль русского языка в политических и социально-экономических преобразованиях в Беларуси на протяжении всего XX столетия: именно на этом языке национальные территории царской России, включая и Беларусь, приобщались к революционным событиям, осуществляли государственное строительство, военные действия Великой Отечественной, послевоенное восстановление разрушенной Беларуси — всем Советским Союзом, говорившим на русском языке. В результате огромное количество советизмов прочно вошло в белорусский язык: *савет, дэпутат, дэлегат, бальшавік, рэвалюцыянер, камандзір, лозунг, брыгадзір, сельсавет, перадавік, выдатнік, медаліст, франтавік, стаханавец*... Позже пришли другие, в том числе газетные штампы, логоэпистемы, лингвокультуремы: *пуцёўка ў жыццё; сын палка; светлая будучыня; служба дні і ночы, «блакітны агеньчык», гарачая кропка, груз 200, Дошка гонару, карткавая сістэма, «чорны цюльпан*... Некоторые из советизмов креолизовались в трясяночные: *прадсядацель, калхоз*, позже в официальном языке появились свои — *старшыня, калгас*, но в сельском общении остались креолизованные.

Белорусско-русская смешанная речь. Повальное бегство сельского населения в город за лучшей жизнью, престижной карьерой и добровольное отречение от своего языка привело к формированию так называемой трясянки — критикуемого многими, но совершенно объективного феномена, который ольденбургские исследователи называли белорусско-русской смешанной речью, доказав ее системность на уровне фонетики и морфосинтаксиса [Хентшель 2015].

Наши наблюдения показали, что в бытовом общении белорусов используется множество «трясяночных» слов, в то время как их белорусские соответствия (даны в скобках) используются только в письменной речи: *скаццерць (абрус), сахар (цукар), адуванчык (дзьмухавец), баня (лазня), рамашка (рамонак), кіпячая вада (гатаваная вада), янтар (бурыштын), карандаш (аловак), наскі (шкарпэткі), каструля (рондаль), жамчужына (пярліна)* и др.

Попадает такая лексика и в газетную речь: *Бананы прапусціць праз сіта, пакласці ў каструлю з гарачай кіпячонай вадой, падагрэць сумесь і піць; Як зрабіць каструлі чыстымі* (Перамога). А. Г. Амишэй пазнаёміў гасцей з сапраўднымі «*жамчужынамі*» нашага краю (Дзянніца). Замечено, что креолизации подвержена прежде всего активная, употребительная лексика, а также газетные штампы.

Приведенные и другие примеры интерференционных ошибок свидетельствуют о недостаточном знании журналистами белорусского языка, который, напомним, для двух поколений части белорусов уже не является родным. Это «полузнание» они стараются компенсировать неумелым калькированием с русского; ср.: *это дорогого стоит* — бел. *эта дарагога каштуе* (правильно: *варта*); *с закрытыми глазами* — *з закрытымі вачыма* (правильно: *з заплюшчанымі*); *зоркий глаз* — *зоркае вока* (правильно: *відушчае / усёбачнае вока*).

Влияние русского языка в морфосинтаксисе. Несмотря на близкородственность обоих языков, есть принципиальные типологические различия между ними, которые

белорусу-журналисту кажутся незначительными, а вместе с тем, не учитывая их, автор текста порождает русский текст в белорусской графике. Одним из таких различий является категория причастия, которая есть в обоих языках, но функционирует в них по-разному. Белорусский язык, как и русский, способен образовывать все четыре формы причастий, но эта способность в речевой практике не реализуется по причине расхождений в истории функционирования и развития обоих языков: у белорусского языка в течение более двух столетий была прерванная письменная традиция, поэтому он не заимствовал старославянских суффиксов действительных причастий настоящего времени, зато сохранил исконные суффиксы *-уч-* (*-юч-*) / *-ач-* (*-яч-*), которые фактически стали суффиксами деепричастий *-учы* (*-ючы*), *-ачы* (*-ячы*), образуя тем самым омонимию причастий с деепричастиями; ср.: *Хлопчык, гуляючы* (што робячы?) *на вуліцы, згубіў ключы ад кватэры* (які?) *гуляючы хлопчык*.

В силу омонимии с деепричастиями причастные формы настоящего времени в белорусском языке малоупотребительны. Используются в белорусской речи (прежде всего в языке СМИ) лишь терминологизированные или клишированные причастия типа: *будучы год, бягучы момант, спячая прыгажуня, прылягаючая тэрыторыя, нідзе не працуючы беспрацоўны* и др. Примеры в контекстах (без ссылок на конкретное издание, ибо в каждом можно найти подобные штампы, идущие из советского времени): *Дзяржава працяўляе клопат аб падрастаючым пакаленні. Трэба павышаць адказнасць кіруючых кадраў за вынікі. Рашаючае значэнне набывае цяпер навукова-тэхнічная палітыка. Трэба выкарыстоўваць магчымасці газеты для шырай размовы з людзьмі аб хвалюючых іх пытаннях. Неабходна поўнасю забяспечыць узрастаючыя патрэбнасці школ*. По аналогии столь же не употребительны в белорусской речи и страдательные причастия настоящего времени.

Возродившись на основе устной народной речи, белорусский литературный язык выработал иные средства для выражения причастных значений, у него и принципиально иная ткань синтаксиса: эквивалентами причастных форм являются придаточные определительные части, прилагательные, спрягаемые глагольные формы, деепричастия, существительные и др., вследствие чего белорусский синтаксис неотягощен громоздкими оборотами, а в его сложном предложении расширена сочетаемость союзных средств [Конюшкевич 1989].

Иллюзия тождества между языками. В обоих языках есть категория залога, но все же идиоматика белорусского языка избегает пассива. Отсюда асимметрия корреляций: русским пассивным и безличным предложениям во многом соответствуют активные двусоставные и неопределенно-личные конструкции. Ср.: *Улицы заасфальтированы. — Вуліцы заасфальтавалі; Ёй вот-вот станет дурно. — Яна вось-вось самлее; Объекты будут использованы детьми. — Аб'ектамі будуць карыстацца дзеці*. Материалы белорусских местных газет пестрят пассивными конструкциями типа: *у цэнтры адкрыт павільён бытавога абслугоўвання; будынак узведзен будаўнічай брыгадай; актыўныя былі адзначаны граматамі; кожны пасол быў азаданы праблемамі экспарту*. Как правило, пассив употребляется в текстах общественно-политической и социально-экономической тематики. Думается, что здесь влияет и психологический фактор: убедительнее выглядит результат, нежели действие, в чем и состоит интенция автора подобных высказываний. Но обилие таких «результативных» высказываний делает текст не только русифицированным, страдает и его эстетическая сторона, не говоря уже в целом о культуре белорусской речи.

Безэквивалентная лексика. В дополнение к той лексике, которая вошла в жизнь белорусского социума вместе с обозначаемой реалией (*камбайн, трактар, аўтамабіль, трамвай, тэлефон, камп'ютар, смартфон* и др.), появились слова, востребованные экстралингвистическими причинами. Так, подобно хрестоматийному примеру с эскимосским языком, в котором имеется множество гипонимических названий снега, но нет самого гиперонима *снег*, в белорусском языке не было гиперонима *убіраць ураджай*. Этот русский гипероним, столь часто употребляемый СМИ в сезон уборки урожая, появился в белорусском языке после того, как на колхозных полях стала работать техника, убирая в больших масштабах все, что было посеяно. До этого *жалі сярпамі жыта, грэчку, ячмень, авёс; рвалі рукамі лён; касілі косамі сенажаць; выбіралі ў агародах агуркі, буракі, моркву; капалі капачамі ў полі бульбу; здымалі з дрэў яблыкi, грушы*. Все названное и другое теперь *убіраюць*: **На ўборцы яблыкаў сёлета задзейнічаны 10 трактараў** (Дзянніца). Слово *убіраць* в белорусском языке обозначает *наряжать*. Сейчас данный русизм и его дериват заняли легитимное место во всех нормативных словарях белорусского языка.

Благотворное влияние русского языка на белорусский. Изобилие в белорусском литературном языке заимствованной из русского языка, или через него — из английского, на наш взгляд, не самое сильное влияние русского языка. Еще в 60-е годы многие исследователи указывали, что главное влияние русского языка на белорусский состоит в возбуждении в последнем собственных ресурсов. И это возбуждение в белорусском языке наблюдается не только и не столько в калькировании (*телевидение — тэлебачанне, водохранилище — вадасховішча*), сколько в активизации аффиксов, в вариативности языковых единиц, что, как известно, является сильнейшим катализатором развития.

Глобализационные процессы, усложнение иерархизации человеческих отношений — политических, социальных, межличностных, корпоративных, институционализация общества в целом привели к появлению в белорусском языке интернационализмов, тоже, как правило, через русский язык, но и непосредственно из английского: *парламент, кансенсус, маніторынг, мараторый, аўтарытарызм, гастарбайтар, геапалітыка, дэвальвацыя, лібералізацыя, дылер, брыфінг, маркетынг...*

Особенно усилилась словотворческая активность носителей белорусского языка на волне русофобии и пуризма, возникшей после распада СССР с образованием Беларуси как суверенного государства и приданием белорусскому языку статуса государственного.

Вместе с тем активизация в белорусском языке собственных ресурсов обусловлена и самим свойством языка — его стабильностью и гибкой приспособляемостью, системностью, модельностью образования языковых единиц, аналогией, метафоризацией и метонимизацией. Так, только для выражения конформативного значения (от лат. *confirmatio* — утверждение) нами зафиксировано в белорусском языке 183 предложные единицы (в русском — 158, но едва ли это конечные списки). Примеры (косые линии без пробела показывают директивно-локативные формы базовой лексемы в предложном сочетании, с пробелами — вариативность самих предложных сочетаний в одном значении): рус. *под протекторат/ом* — бел. *пад пратэктарат/ам / пад пратэктаратства/м*; рус. *под опеку/ой* — бел. *пад апеку/ай / пад апякунства/м*; рус. *под охрану/ой* — бел. *пад ахову/ай / пад заслону/ай*; рус. *при поддержке / под меценатство/м* — бел. *пры падтрымцы / пры фундацыі / пад мецэнатства/м*; рус. *под давление/м / под тяжесть/ю / под удар/ы/ом/ами, под чары/*

ами, под влияние/м, под воздействие/м, под власть/ю, под каблук/ом у, под пята/ой, под иго/м, под крест/ом, под напор/ом, под натиск/ом, под сапог/ом, под ярмо/м — бел. пад ціск/ам, пад удары/ам/і, пад чары/амі, пад уплыў/вам, пад уздзеянне/м, пад уладу/ай, пад абцас/ам, пад пята/ой, пад ярмо/м, пад крыж/ам, пад напор/ам, пад націск/ам, пад бот/ам, пад даймо/м, пад абладу/ай, пад панаванне/м, пад уціск/ам, пад прыгнёт/ам и др. [подр. см.: Конюшкевич 2015].

Уже сам перечень показывает, что немалый вклад в обогащение релятивной лексики в обоих языках внесли СМИ. Правда, белорусский список релятивной лексики в основном был извлечен нами из интернет-ресурсов: к сожалению, в материалах районных СМИ столь богатое разнообразие релятивной лексики не наблюдается. Журналисты местных газет обходятся ядром предложной системы, игнорируя семантическую и экспрессивную палитру периферии.

Нестабильность норм белорусского языка провоцирует употребление двух вариантов норм (официальной и «тарашкевицы») в пределах даже одного номера газеты. Это касается конкуренции форм дательного и предложного падежей (*камісія па захаванні / па захаванню спадчыны*), предлогов *пра* и *аб*, нулевых и материально выраженных окончаний существительных в форме род. падежа мн. числа (существительные с конечным сочетанием сонорного и шумного губного в конце основы приобретают окончание *-аў*, *-яў*: *рэформа* — *рэформаў*, *форма* — *формаў*, *норма* — *нормаў*, но *навука* — *навук*). Однако пуристы пошли дальше и, стремясь к единообразию, стали навязывать полные формы другим существительным, в результате чего возникла вариативность: *свята* / *святаў*, *моў* / *моваў*, *формул* / *формулаў*.

Преднамеренное употребление русизмов. Сочное, выразительное, яркое русское слово может быть очень уместным украшением мысли, изложенной на белорусском языке: *Але цяпер бачна і тое, што Уладзімір Сямёнавіч [Караткевіч] не шкадаваў сябе — начныя «бденыя» над рукапісамі, калі бадзёрасць падтрымлівалася адно чарнейшай за ноч кавай, дарма не абышліся (ЛіМ). Трэба было яшчэ «адски» працаваць (Б. Фірштэйн).* Но подобные случаи в белорусскоязычных СМИ крайне редки.

На приоритет русского слова в ущерб белорусскому могут влиять и нежелательные ассоциации: понятен отказ Юры Демидовича, представителя Беларуси на детском конкурсе песни «Евровидение» в Киеве, представить свою песню «Веселый кролик» в белорусском переводе (рус. *кролик* = бел. *трус*).

Выводы. 1. Доминирование русского языка в белорусской печати обусловлено а) ведущей ролью русского языка на протяжении истории Беларуси XX–XXI столетий; б) функциями русского языка в качестве посредника заимствований белорусским из других языков; в) катализирующей ролью русского языка, возбуждающего в системе белорусского языка собственные ресурсы; г) противоречиями самой языковой ситуации в Беларуси; д) конкуренцией норм белорусского языка; е) иллюзией тождества близкородственных систем, провоцирующей использование русского элемента в белорусской газетной речи.

2. Несмотря на то что белорусский язык обладает богатым инвентарем выразительных средств, районные белорусские СМИ не готовы использовать их в полной мере, допуская элементы «трасянки», советизмов, газетных штампов времен советского новояза.

3. Преднамеренное использование русизмов в экспрессивных целях крайне редко, поскольку русский лингвокультурный знак в его графической форме уже присвоен белорусом-билингвом, к тому же в белорусскоязычных текстах он имеет эквивалентное соответствие.

ЛИТЕРАТУРА

Германович И. К., Шуба П. П. Белорусско-русские языковые отношения: контакты, двуязычие, методика обучения: матер. к библиогр. // Русский язык: сб. Вып. 12. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1992. С. 152–156.

Готовец О. А. Русское лексическое влияние на белорусский язык в литературе о Великой Отечественной войне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2002.

Даніловіч М. А. Уплыў кантактных моў на фразеалогію гаворак Гродзеншчыны // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013). Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 27–36.

Дзятко Д. В., Шахоўская С. У. Беларускае мовазнаўства: дысертацыі па беларускай мове, абароненыя ў Рэспубліцы Беларусь (1990 — 2011 гг.). Мінск: Беларус. дзярж. пед. ўн-т, 2011.

Жаўняровіч П. Ізамарфізм рускага элемента ў матэрыялах газеты «Звязда» // Жыццём і словам прысягаючы: культура маўлення журналіста. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2012. С. 13–23.

Жаўняровіч П. Моўная палітра раённых газет // Рэгіянальныя СМІ ў сучаснай інфармацыйнай прасторы. Мінск: Беларус. дзярж. ўн-т, 2011. С. 162–168.

Жолнерович П. П. Русизмы на страницах белорусской газеты «Звязда» как отражение языковой ситуации // Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija: konferencijos medžiaga / vyr. red. L. Plygavka. 2 dalis. Vilnius: VPU leidykla, 2009. P. 122–126.

Запрудскі С. М. Аб навуковай рэцэпцыі беларускай мовы ў Расіі ў першай палове XIX стагоддзя // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013). Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 37–52.

Ўчанкаў В. І. Беларускае СМІ ў сітуацыі білінгвізму: рэтраспектыва і тэндэнцыі развіцця медыямаўлення // Гісторыя журналістыкі: урокі мінулага і практыка сучасных СМІ. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2013. С. 124–130.

Ўчанкаў В. І. Дыгласія і функцыянальная стратыфікацыя мовы СМІ: інтэрферэнцыя праявы // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: в 2 ч. Ч. 1. Брест: Альтернатива, 2012. С. 3 — 8.

Ўчанкаў В. Дыскурс беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: Беларус. дзярж. ўн-т, 2003.

Ўчанкаў В. І. Ізамарфізм беларускага элемента ў рускамоўных тэкстах айчынных СМІ: дыгласія і інтэрферэнтны ўплыў // Журналістыка-2011: стан, праблемы і перспектывы. Мінск: Беларус. дзярж. ўн-т, 2011. С. 219–226.

Конюшкевич М. И. Предложные сочетания с конформативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология [Электронный ресурс] // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова: сб. статей / под ред. М. Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 224–240. URL: <http://www.elib.grsu.by/catalog/511044pdf.pdf?d=true>.

Конюшкевич М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия. Минск: Университетское, 1989.

Лапицкая И. Н. Лексическое взаимодействие белорусского и русского языков в художественной прозе Беларуси: функционал. аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993.

Лукашанец А. А. Беларускае мова ва ўмовах беларуска-рускага білінгвізму: парадоксы развіцця сістэмы, функцыянавання і моўнай свядомасці // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія. Віцебск: Віцеб. дзярж. ўн-т, 2013. С. 43–48.

Лукашанец А. А. Беларускае мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. Мінск: Беларус. навука, 2014.

Лукашанец А. А. Моўныя праблемы жыцця сучаснага беларускага грамадства // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2007. № 5. С. 50–57.

Малько Г. І. Руска-беларуская інтэрферэнцыя ў перыядычным друку Рэспублікі Беларусь (лексічны і граматычны ўзроўні): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2004.

Моцарская Л. Г. Как белорусы говорят по-русски?: варианты рода имен существительных в русской речи белорусов. Минск: Университетское, 1992.

Паўлоўская Т. А. Сучасная маўленчая сітуацыя ў беларускім горадзе (Баранавічы): сацыялінгвістычны аспект: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2008.

Піваварчык Т. А. Суадносiны i ўзаемадзеянне беларускай i рускай моў у мясцовай газеце // Весн. Гродзен. дзярж. ўн-та iмя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2015. № 3. С. 69–74.

Свириденко Е. А. Коммуникативно-прагматический диапазон лексики русского и белорусского языков в речи ее носителей // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А. А. Кулешова. Сер. А. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (37). С. 74–79.

Свириденко Е. А. Русско-белорусские гетеролексы: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2005.

Траханкина Т. А. Языковая ситуация в промышленном городе Беларуси (Новополоцк): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2002.

Федунова Т. В. Семантическая корреляция лексики близкородственных русского и белорусского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2012.

Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 171–185.

Чарановіч Г. В. Развіццё беларускай мовы ў асвятленні перыядычнага друку 40-х — 60-х гадоў XX ст.: станаўленне норм: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2009.

REFERENCES

Cherepovich G. V. The development of the Belarusian language in the periodicals 40s-60s of the twentieth century: the norm formation: PhD thesis [Razvitie belorussskogo jazyka v osveshhenii periodicheskoj pechati 40h–60h godov XX v.: stanovlenie norm: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2009.

Danilovich N. A. The influence of contact languages on Grodno region dialects phraseology [Vlijanie kontaktnyh jazykov na frazeologiju govorov Grodenshchyny] // Linguistics. Literature. Folklore: XV Intern. Slavic Congress (Minsk, August 20–27 2013). Minsk, 2013. P. 27–36.

Dyatko D. V., Shahovskaya S. V. Belarusian linguistics: dissertations of the Belarusian language, defended in the Republic of Belarus (1990–2011 years) [Belorusskoe jazykoznanie: dissertacii po belorusskomu jazyku, zashhishhennye v Respublike Belarus' (1990–2011 gg.)]. Minsk, 2011.

Fedunova T. V. The semantic lexicon correlation of closely correlated Russian and Belarusian languages: PhD thesis [Semanticheskaja korreljacija leksiki blizkorodstvennyh russkogo i belorussskogo jazykov: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2012.

Germanovich I. K., Shuba P. P. The Belarusian-Russian language relations: contacts, bilingualism, teaching methodology: mater. to the bibliogr. [Belorussko-russkie jazykovye otnoshenija: kontakty, dvujazychie, metodika obuchenija: mater. k bibliogr.] // Russian language [Russkij jazyk]. Vol. 12. Minsk, 1992. P. 152–156.

Gotovets O. A. Russian lexical influence on the Belarusian language in the Great Patriotic War literature: PhD thesis [Russkoe leksicheskoe vlijanie na belorusskij jazyk v literature o Velikoj Otechestvennoj vojne: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2002.

Hentschel G. The Belarusian-Russian mixed speech (“trasianka”): eight questions and answers [Belorussko-russkaja smeshannaja rech' («trasjanka»): vosem' voprosov i otvetov] // Language contact [Jazykovej kontakt]. Minsk, 2015. P. 171–185.

Ivchenkov V. Belarusian media discourse: the journalistic text organization [Diskurs belorussskih SMI: organizacija publicisticheskogo teksta]. Minsk, 2003.

Ivchenkov V. I. Belarusian media in the situation of bilingualism: a retrospective and media-speech development trends [Belorusskie SMI v situacii bilingvizma: retrospektiva i tendencii razvitija mediarechi] // History of Journalism: the lessons of the past and the practice of modern media [Istorija zhurnalistiki: uroki proshlogo i praktika sovremennyh SMI]. Minsk, 2013. P. 124–130.

Ivchenkov V. I. Diglasija and functional stratification of media language: manifestations interference [Diglasija i funkcional'naja stratifikacija jazyka SMI: interferencija projavlenija] // Slavic languages: system-descriptive and socio-cultural aspects of the research [Slavjanskije jazyki: sistemnaja-opisatel'nyj i sociokul'turnyj aspekty issledovanija]. Vol. 1. Brest, 2012. P. 3–8.

Ivchenkov V. I. Isomorphism of Belarusian element in Russian-language texts of domestic media: diglasija and interferential influence [Izomorfizm belorusskogo jelementa v russkojazychnyh tekstah otechestvennyh SMI: diglasija i interferentnoe vlijanie] // Journalism 2011: Status, Challenges and Prospects [Zhurnalistika-2011: Sostojanie, problemy i perspektivy]. Minsk, 2011, P. 219–226.

Konyushkevich M. I. Prepositional combinations with confirmation semantics in Russian and Belarusian languages: list, semantics, typology [Predložhnye sochetanija s konfirmativnoj semantikoj v russkom i belorusskom jazykah: spisochnyj sostav, semantika, tipologija] [Electronic Edition] // Memory Anatoly Polikarpov [Pamjati Anatolija Anatol'evicha Polikarpova] / ed. M. L. Remneva. Moscow, 2015. P. 224–240.

Konyushkevich M. I. The closely related languages syntax: the identity, similarities, differences [Sintaksis blizkorodstvennyh jazykov: tozhdestvo, shodstva, razlichija]. Minsk, 1989.

Lapitskaya I. N. The lexical cooperation of the Belarusian and Russian languages in the Belorussian prose: the functional aspect: PhD thesis [Leksicheskoe vzaimodejstvie belorusskogo i russkogo jazykov v hudozhestvennoj proze Belarusi: funkcional'nyj aspekt: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 1993.

Lukashanets A. A. Belarusian language in the XXI century: system development and functioning problems [Belorusskij jazyk v XXI veke: razvitie sistemy i problemy funkcionirovanija]. Minsk, 2014.

Lukashanets A. A. Belarusian language in the conditions of Belarusian-Russian bilingualism: paradoxes of system development, functioning and linguistic consciousness [Belorusskij jazyk v uslovijah belorussko-russkogo bilingvizma: paradoksy razvitija sistemy, funkcionirovanija i jazykovoj soznaniija] // Belarusian-Russian-Polish contrastive linguistics, literary studies, cultural studies [Belorussko-russko-poľskoe sopostavitel'noe jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija]. Vitebsk, 2013. P. 43–48.

Lukashanets A. A. Language problems of modern Belarusian society life [Jazykovye problemy zhizni sovremennogo belorusskogo obshhestva] // Vesti NASB. Ser. Humanity sciences. 2007. No. 5. P. 50–57.

Malko G. I. Russian-Belarusian interference in the periodical press of the Republic of Belarus: lexical and grammatical levels: PhD thesis [Russko-belorusskij interferencija v periodicheskoj pečati Respubliki Belarus': leksicheskij i grammaticheskij urovni: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2004.

Moshchenskaja L. G. How do Belarusians speak Russian?: the variants of nouns genus in the Belarusians Russian language [Kak belorusy govorjat po-russki?: varianty roda imen sushhestvitel'nyh v russkoj rechi belorusov]. Minsk, 1992.

Pavlovskaya T. A. The modern speech situation in the Belarusian city (Baranovichi): sociolinguistic aspects: PhD thesis [Sovremennaja rechevaja situacija v belorusskom gorode (Baranovichi): sociolingv. aspekt: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2008.

Pivovarchik T. A. The Belarusian and Russian languages ratio and interaction in the local newspaper [Sootnoshenie i vzaimodejstvie belorusskogo i russkogo jazykov v mestnoj gazete] // Bul. Grodno State Univ. Ser. Philology. Pedagogy. Psychology. 2015. No. 3. P. 69–74.

Sviridenko E. A. Communicative and pragmatic range of Russian and Belarusian vocabulary in the speech of its carriers [Kommunikativno-pragmaticheskij diapazon leksiki russkogo i belorusskogo jazykov v rechi ee nositelej] // Bul. MSU named after A. A. Kuleshov. Ser. A. The humanities. 2011. No. 1 (37). P. 74–79.

Sviridenko E. A. Russian-Belarusian geterolex: structural-semantic aspect: PhD thesis [Russko-belorusskie geteroleksy: strukturno-semanticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2005.

Trahankina T. A. The language situation in the industrial city of Belarus (Novopolotsk): PhD thesis [Jazykovaja situacija v promyshlennom gorode Belarusi (Novopolock): dis. ... kand. filol. nauk]. Minsk, 2002.

Zaprudskij S. M. On the Belarusian language scientific reception in Russia in the first half of XIX century [O nauchnoj recepcii belorusskogo jazyka v Rossii v pervoj polovine XIX veka] // Linguistics. Literature. Folklore: XV Intern. Slavic Congress (Minsk, August 20–27 2013). Minsk, 2013. P. 37–52.

Zholnerovich P. Isomorphism of Russian element in the materials of the newspaper “Zvezda” [Izomorfizm ruskogo jelementa v materialah gazety «Zvezda»] // Swear allegiance to life and words: journalist speech culture [Zhizn’ju i slovom prisjagaja: kul’tura rechi zhurnalista]. Minsk, 2012. P. 13–23.

Zholnerovich P. P. Russism on the pages of the Belarusian newspaper “Zvezda” as a reflection of the language situation [Rusizmy na stranicah belorusskoj gazety «Zvjazda» kak otrazhenie jazykovej situacii] // Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija: konferencijos medžiaga / vyr. red. L. Plygavka. 2 dalis. Vilnius: VPU leidykla, 2009. P. 122–126.

Zholnerovich P. The regional newspapers language palette [Jazykovaja palitra rajonnyh gazet] // Regional media in the modern information space [Regional’nye SMI v sovremennom informacionnom prostranstve]. Minsk, 2011. P. 162–168.

**ПОНЯТИЯ, КАТЕГОРИИ,
МЕТОДИКИ АНАЛИЗА В МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ**
.....

УДК 81'42;
ББК 81.2;
ГРНТИ 16.31.61;
КОД ВАК 10.02.01

О. И. Десюкевич
Минск, Беларусь

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ:
КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ЖАНРА**

Ольга Ивановна Десюкевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405.

E-mail: olga_des@rambler.ru.

© Десюкевич О. И., 2017

Постановка проблемы. Светлана Алексиевич является создателем особого жанра, точная дефиниция которого вызывает затруднения как у исследователей, так и у самого автора. Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий определяют его как «поисковый жанр» в публицистике [Лейдерман, Липовецкий 2006: 97] и возводят к произведению «Брестская крепость» Сергея Смирнова; продолжателями жанра, по мнению этих исследователей, стали Алесь Адамович (которого Алексиевич называет своим учителем. — О. Д.), Даниил Гранин и Владимир Колесник, авторы книги «Я из огненной деревни». Вместе с тем в зарубежных исследованиях высказывается мнение о книгах Алексиевич как о произведениях художественной литературы [см.: Маэда 2015: 186]. Ольга Седакова считает, что С. Алексиевич создает из документалистики и журналистики новый тип художественной литературы, в нем писатель предлагает тему своим собеседникам, выслушивает их, а затем составляет композицию из рассказов, создает сложное многоголосие, в котором избегает высказываться прямо (URL: <http://www.pravmir.ru/olga-sedakova-svetlana-aleksievich-ne-boyalas-spuskatsya-v-ad>). Заметим, что одним из первых определений жанра, который давала сама писательница, был «жанр голосов» [Алексиевич 1998: 165]. Жанровых определений, указывающих на полифонию как основной признак, предложено множество: «эпически-хоровая проза, роман-оратория, соборный роман» [см.: Сивакова 2003: 241]. В текстах Светланы Алексиевич сложно взаимодействует объективное и субъективное, в них есть черты «плодотворного мышления», условиями которого являются способность «не только видеть объект таким, каков он есть, но и видеть себя таким, каков ты есть, т. е. осознавать, каким образом ты, как изучающий, связан с объектом изучения», и, кроме того, эмоциональная связь с объектом изучения, «живой и

сильный интерес», «не отстраненность, а уважение» к нему [Фромм 2000: 500–501]. Такой полифонический текст выполняет функцию коллективной памяти, он создается автором с целью познания, всегда болезненного, поскольку описывает совместный опыт осмысления трагического события. Каждая книга имеет целью избавление от заблуждений, мыслится как инструмент очищения, исцеления: *Дьяволу надо показывать зеркало. Чтобы он не думал, что невидим. Вот и ответ на вопрос: зачем эта книга. Все дело в призраках. Если мы не убьем их, они убьют нас...* [Алексиевич 1998: 250]. Автор стремится обнаружить наши аутостереотипы, поставить под сомнение наши представления о себе, чем провоцирует порой резкую общественную реакцию. На это указывает в работе о книге «У войны не женское лицо» Сихо Маэда: «Ее текст не только раскрывает подавленную „правду“, а функционирует как „травматическое“ относительно всяких мифологизированных изображений войны» [Маэда 2015: 195].

Учитывая имеющийся опыт осмысления жанровой природы произведений Светланы Алексиевич, предлагаем в данной работе семиотический анализ текстов (уделив большее внимание последним произведениям «Чернобыльская молитва» и «Время секунд хэнд») с целью выяснить способы конденсации опыта многих людей, охарактеризовать, как от текста к тексту совершенствовалась повествовательная техника и формировалась полифоническая структура, определив место авторского голоса в ней.

Композиционно-речевая структура жанра. В первой книге — «У войны не женское лицо» — представлены воспоминания о войне, сгруппированные на основе принадлежности персонажей к определенной гендерной группе, такая организация текста позволила «суммировать» опыт многих людей, создать ряд портретов — социальных типов. Отдельные главы включали в себя воспоминания разных людей, например: одна часть объединяла монологи медсестер и врачей, другая — женщин, участвовавших в сопротивлении в тылу, третья — зенитчиц и представительниц других родов войск, четвертая — женщин, выполнявших бытовую работу на фронте, — были отобраны разнообразные категории персонажей (отдельная глава книги состоит из рассказов о матерях) — такой многоаспектный подход, создающий эффект фасеточного зрения, был способен, по замыслу автора, представить целостно женский взгляд на войну. Авторский текст «растворен» в повествовании: каждая глава начинается с авторского вступления, переходы от одного рассказа к другому также принадлежат авторскому голосу, иногда они имеют отчетливо бытовой характер. Подобная повествовательная структура свойственна также второй книге, «Последние свидетели», в которой собраны детские воспоминания о Великой Отечественной войне.

Композиционно-речевая структура текста начинает усложняться в книге, посвященной войне в Афганистане, в ней основной текст обрамляется предтекстом и эпилогом. В «Цинковых мальчиках» впервые монологи персонажей, откровенно говорящих о боли и преступлениях, начинают включать в себя анекдоты; так серьезное и сугубо личное сменяется фамильярным, подчеркнуто лишенным авторства, как бы всенародным [Шмелева, Шмелев 2002: 196–197]. Усложняется и авторская речь: вступительная глава представляет собой дневниковые записи, автор таким образом предстает перед читателем как человек частный, предельно искренние монологи персонажей предваряются столько же откровенным размышлением автора. В эпилоге «Цинковых мальчиков» автор переходит к рассуждению от *мы*, автор имеет интеллектуальное мужество переосмысливать свой опыт и призывает к мужеству читателя: *Два пути: познание истины или спасение от истины. Опять спрячемся?* [Алексиевич 1998: 176]; *У нас было много богов, одни теперь на свалке, другие в музее. Сделаем же богом Истину. И будем*

отвечать перед ней каждый за свое, а не, как нас учили, всем классом, всем курсом, всем коллективом... Всем народом... Будем милосердны к тем, кто заплатил за прозреньё больше нас [Там же: 177]. Постепенно формируется диалогическая структура текста, организующая сложную работу по совместному формулированию смыслов, чему способствуют эпиграфы к частям книги — в следующих книгах этот аспект интертекстуальности приобретет важнейшее значение, — а кроме того, возникают не прямые диалогические отношения между голосами персонажей и голосом автора, что реализуется в виде цитаций в дискурсе автора: *Человека в человеке немного — вот что я понял на войне* (из монолога рядового) [Там же: 110]; *Что ищу в Священном Писании? Вопросы или ответы? Какие вопросы и какие ответы? Сколько в человеке человека?* (из вступления к третьей части) [Там же: 119]. Объем имплицитно выраженной информации возрастает, постепенно формируется жанр, важнейшей категорией которого становится вертикальный контекст.

В следующих книгах диалогическое взаимодействие голосов становится все более многообразным: монологи атрибутированных персонажей сменяются полилогами, фрагментами рассуждений многих людей, выдержками из публикаций в СМИ; в книге «Время секунд хэнд» некоторые главы представляют собой диалог персонажей, предлагающих альтернативную концептуализацию событий. В завершённом виде композиция книги — какой она предстает в «Чернобыльской молитве» и «Времени секунд хэнд» — имеет характерную вводную часть, словно суммирующую сказанное персонажами, предельно конденсирующую концептуальное содержание ключевого языкового знака. Вступительным главам даются развернутые заголовки: в книге «Зачарованные смертью», впоследствии переработанной в книгу «Время секунд хэнд», она называется «От автора, или О бессилии слова и о той прежней жизни, которая называлась социализмом», в книге «Чернобыльская молитва» авторское вступление озаглавлено «Интервью автора с самим собой о пропущенной истории и о том, почему Чернобыль ставит под сомнение нашу картину мира». Способами конденсировать информацию в индивидуальном языке С. Алексиевич являются также мировоззренческие метафоры и оксюмороны.

«**Чернобыльская молитва**». Концептуальные метафоры, эксплицированные в виде биноминативных конструкций, настолько частотны в авторском дискурсе анализируемого текста, а также в интервью С. Алексиевич, что можно рассматривать как один из «привычных» для нее способов когнитивной деятельности [см.: Лакофф, Джонсон 2008]. В них формулируется семантический вывод автора. В таких конструкциях, как [*Чернобыль*] *событие — чудовище; Чернобыль для них — не метафора и не символ, он — их дом; Чернобыль — тайна, непрочтенный знак, загадка XXI века, вызов ему; Чернобыль — катастрофа времени*, выражена авторская оценка. Кроме того, Алексиевич особенно подчеркивает, что рассматривает Чернобыль как начало новой истории, событие, не только изменившее жизнь, но и развенчавшее прежние представления о мире, которые не выдержали этого испытания. Отношение человека, пережившего катастрофу, ко времени автор описывает посредством шекспировской цитаты: «Порвалась связь времен».

Здесь следует отметить, что таким же образом — посредством концептуальных метафор — часто мыслят и герои Алексиевич. Они (метафоры) оказались очень важны для автора, часто возникают в ее интервью: *Чернобыль — это катастрофа русской ментальности; [белорусы] «черные ящички» — мы записываем информацию для будущего; о нас, белорусах, мир узнал после Чернобыля. Это было окно в Европу. Мы одновременно*

и его жертвы, и его жрецы. В некоторых случаях развернутая в биномативную конструкцию метафора в дискурсе героя выражает сходный с авторским семантический вывод, как, например, *Чернобыль — выход в бесконечность* [Алексиевич 1998: 305]. В других случаях концептуализация героев противоречит авторской. Так, один из героев осуждает людей, которые рассматривают статус жертвы катастрофы как возможность получать бесплатно жизненные блага: *«Если бы не было Чернобыля»*. *Сразу глаза с поволокой — скорбим. Дайте! Дайте нам! Чтобы было что делить. Кормушка! Громоотвод!* [Там же: 349].

Для экспликации содержания языкового знака *Чернобыль* в произведении рассмотрим его сочетаемость, отметив позиции, в которых он интерпретируется метафорически с помощью глагольных предикатов. В позиции субъекта он связан с глаголами созидания, воздействия, разрушения и приобретает следующие значения: 'то, что изменяет человека, человечество в целом': *Появляется другое чувство времени. И это всё — Чернобыль. То же он **сотворил** с нашим отношением к прошлому, фантастике, знаниям* [Там же: 49]; 'то, что усугубляет социальную катастрофу': *Чернобыль ускорил развал Советского Союза. **Взорвал** империю* [Там же: 187]; 'учитель, заставляющий человека взрослеть': *Чернобыль **освободил** нас. Учились быть свободными* [Там же: 199], *У нас была детская картина мира. Жили по букварю. Не одни мы, а всё человечество стало умнее после Чернобыля. Повзрослело. Вступило в другой возраст* [Там же: 188]; 'то, что заставляет человека бояться своего будущего': *Чернобыль **ударил** по нашему воображению. По нашему будущему... Мы испугались будущего* [Там же: 204]; 'творящее начало, событие, превращающее белорусов в нацию': *Так норвежцам нужен был Григ, а евреям Шолом-Алейхем, как центр кристаллизации, вокруг чего они смогли объединиться и осознать себя. А у нас это — Чернобыль... **Что-то лепит** он из нас... **Творит**... Теперь мы стали народом. А не дорогой — из России в Европу или из Европы в Россию. Только теперь...* [Там же: 314]; *Еще вернемся к нему, он откроется нам глубже. Станет святыней. Стеной плача. А пока формулы нет. Идей нет* [Там же: 342].

В позиции объекта знак семантизируется с помощью глаголов воздействия, разрушения, интеллектуальной обработки и эмоционального отношения, актуализируются следующие значения: 'орудие, придуманное человеком для уничтожения': *Чернобылем человек **замахнулся** на всё, на весь божественный мир* [Там же: 45]; 'яд': *...у кого все внутри **отравлено** им, а не только земля и воздух* [Там же: 41]; 'событие, которое должно быть понято и таким образом пережито': *Если бы мы **победили** Чернобыль или **поняли** до конца, то думали и писали о нем больше* [Там же: 48]; 'объект любви': *Мы **любим** Чернобыль. Полюбили. Это опять найденный смысл нашей жизни, смысл нашего страдания* [Там же: 437].

Другим способом выразить концептуальную информацию конденсированно является оксюморон, свойственная ему парадоксальная семантика связана с общей идеей цикла произведений С. Алексиевич, названного ею «Утопией». Они позволяют подчеркнуть абсурдность наших прежних представлений о мире, с одной стороны, и глобальные изменения в мировоззрении, которые должны произойти в сознании переживших такой страшный опыт, — с другой.

Типы диалогического взаимодействия голосов персонажей и авторского голоса при введении оксюморонов многообразны, различается и степень трансформации исходного сообщения в дискурсах героев при их перемещении в авторский дискурс. В некоторых случаях меняется лишь план выражения в направлении актуализации оценки, усиления экспрессии, как, например, в случае с фрагментом *Хоронили землю*

в земле... *Новое человеческое занятие* [Там же: 266], который в авторском вступлении трансформируется в фигуру речи: *занимались новым человеческим нечеловеческим делом* [Там же: 43]. Иногда речь персонажа, будучи заимствованной в авторскую речь, меняет контекст в направлении, необходимом автору. Так, например, произошло со следующим фрагментом: *Я поняла, что Чернобыль дальше Колымы и Освенцима... И Холокоста... Ясно ли я выражаюсь? Человек с топором и луком, даже с гранатометом и газовыми камерами не мог убить всех. Но человек с атомом... Тут... Вся земля в опасности* [Там же: 289]. Очевидно, что в контексте дискурса героя сравнение Чернобыля с Освенцимом и Холокостом выявляет большую степень опасности атома, способного истребить все живое на Земле. В контексте авторского дискурса этот случай сопоставления попадает в общее рассуждение об убийстве животных в зараженной зоне, наиболее глубокое с точки зрения интертекстуальности — в нем актуализируются древне-египетские представления о вине человека перед животными, цитируется Евангелие. В таком контексте смысл фрагмента меняется, он подчеркивает авторскую мысль о вине и ответственности человека перед животными. Иногда оценки героев и автора диаметрально противоположны, в таком случае авторское утверждение звучит как реплика в споре. Так, один из героев утверждает: *Называют ее аварией, катастрофой. А была война. И наши чернобыльские памятники похожи на военные* [Там же: 229]. Автор же, неоднократно акцентирующий мысль о том, что смешивать войну и катастрофу — значит совершать ошибку, спорит со своим героем: *Но человек не хочет об этом думать, потому что не задумывался над этим никогда, он прячется за то, что ему знакомо. За прошлое. Даже памятники Чернобыля похожи на военные...* [Там же: 42]. Типы отношения авторского голоса и голосов персонажей представлены здесь далеко не полно, однако проанализированные цитации в некоторой степени позволяют представить направление переосмысления автором суждений персонажа и охарактеризовать прагматически жанр, созданный Светланой Алексиевич.

Для Алексиевич, как и для части персонажей, осмысление Чернобыля неразрывно связано с осмыслением себя, своего предназначения, смысла пережитого. Эту часть концептуальной информации позволяет раскрыть анализ эпитафии к целому тексту. Слова Мераба Мамардашвили из интервью 1990 г. (в записи У. Тиронса) — «Мы воздух, мы не земля» — не упоминаются во вступительной главе. Наличие в ней лексемы *земля* ничего не проясняет, поскольку в контексте авторского дискурса *земля* и *воздух* характеризуются как отравленные в равной степени. У М. Мамардашвили *земля* и *воздух* противопоставляются на основании коннотативных компонентов 'легкое / тяжелое': грузинам, по словам философа, свойственна трагическая легкость, веселый трагизм, талант радости. Свойство это проявляется в поведенческой максиме «не быть в тягость окружающим». Философ так объясняет это свойство: «Запрещено переносить на плечи других тяжесть собственной судьбы и своих собственных бед. Нельзя жаловаться. Нужно пить, веселиться. Талант незаконной радости или талант жизни — он действительно одна из исторических ценностей культуры. Ну есть, есть у грузин талант радости. <...> Мы, грузины, — воздух, мы не земля! И это окупается» [Мамардашвили 1990]. Плодотворное осмысление трагедии, по мысли философа, приводит человека в ровное радостное состояние.

Можно проследить связь между эпитафией и словами одного из героев, который говорит о белорусах, что это *люди земли, а не неба: У нас, белорусов, нет Толстого. Нет Пушкина. А есть Янка Купала... Якуб Колос... Они писали о земле... Мы люди земли, а не неба. Наша монокультура — картошка, мы ее копаем, садим и все время в землю гля-*

дим. Долу! Вниз! А если вскинет человек голову, то не выше аистиного гнезда. Ему это уже и высоко, это и есть для него небо. А неба, которое зовется космосом, у нас нет, в нашем сознании оно отсутствует [Там же: 314]. В интересующих нас лексемах актуализируется иная, чем у Мамардашвили, семантика — ‘далекая / близкая перспектива’, может быть, ‘временное / вечное’. Заметим, что мысль персонажа, не вошедшая в авторскую главу, тем не менее опосредованно возникает в словах автора, она актуализирована в одном из интервью, в том фрагменте, когда С. Алексиевич объясняет, как для нее различаются белорусская и русская культуры: «Можно смотреть на мир с большой высоты, космической, а можно смотреть с высоты гнезда аиста. Белорусский взгляд. И ничего в этом удивительного нет. Это разные самодостаточные культуры. Совсем другое освещение, когда смотришь на все наше не только из истории, но из космоса. Мир тогда един, в нем не только человек во главе, но и птица, и дерево. Все жизнь. Этому я научилась у Чернобыля» [Юферова 2008].

Однако для экспликации смысла важна, конечно же, не только оппозиция, но и ее отмеченный член — *воздух*, ‘вечное’, ‘космическое’. На интертекстульном уровне, таким образом, выражается автором идея необходимости плодотворного мышления, приобретения иного взгляда на мир, свойственного человеку, который не пугается, а пытается осмыслить свой опыт, научиться у него чему-то, изменить свою систему ценностей, если она не способна помочь ему справиться с ситуацией, научиться мыслить более глобально, приобрести иную перспективу.

В созданном Светланой Алексиевич жанре концептуализация центрального понятия — Чернобыля — осуществляется в пространстве диалога, как на его «горизонтальном уровне», в диалоге автора с героями, так и на «вертикальном», в диалоге автора с культурным контекстом. Причем на первом уровне особенно важными для экспликации смысла оказались концептуальные метафоры и оппозиции, а на втором — взаимоотношения голоса персонажа и текста М. Мамардашвили, взятого в качестве эпиграфа.

«**Время секунд хэнд**». В книге, завершающей историю «красного» человека, голоса персонажей различаются по шкале «индивидуальное — обобщенное»: наиболее выделенными оказываются монологи конкретных людей, о которых сообщается минимальная информация (имя, возраст, род занятий), в качестве вступления в каждую из частей книги предлагается хор неатрибутированных голосов, называемый «Из уличного шума и разговора на кухне», наименее персонифицированным является речевой жанр анекдота. Сосуществование, переплетение голосов автора и персонажей разного плана формирует пространство диалога, которое дополнительно усложняет интертекст, традиционно представленный в книгах Светланы Алексиевич большим количеством цитат (В. Шаламова, Ф. Достоевского, А. Чехова), цитатных заголовков, а также эпиграфами Давида Руссе и Ф. Степуна.

Семантическое пространство текста моделируется вокруг базового концепта «свобода», а также выбранной в качестве центральной категории времени. Собственно, проблема мышления в старых категориях о времени сформулирована в метафорическом заголовке книги, смысл которого автор поясняет в интервью: «Потому что идеи, слова — всё с чужого плеча, как будто вчерашнее, ношенное. Никто не знает, как должно быть, что нам поможет, и все пользуются тем, что знали когда-то, что было прожито кем-то, прежним опытом. Пока, к сожалению, время секунд хэнд. Но мы начинаем приходить в себя и осознавать себя в мире» [Алексиевич 2013: 503]. Мышление в метафорах остается одним из самых продуктивных для автора способов осмысления прошедшей эпохи в анализируемом тексте, причем

метафоры возникают как в дискурсе автора, так и в монологах героев. Приведем наиболее яркие: распад Советского Союза, завершение эпохи концептуализируется как *социалистическая драма*, как выход из замкнутого помещения (*Если ты сидишь в закрытом лифте, то мечтаешь об одном — чтобы лифт открылся... Дали немного подышать, а сейчас все захлопнется. Загонят назад в клетку, вмажут нас снова в асфальт* [Там же: 75]), причем для некоторых это совсем нежелательный выход (*Может, это была тюрьма, но мне теплее в этой тюрьме* [Там же: 97]), как разрушение старого и создание нового (*Думали, что ломаем этот барак. Построим что-то новое* [Там же: 24]); опыт новой жизни подобен отрезвлению (*Больше было тех, кого свобода раздражала. Из-под наркоза идеи выходили медленно* [Там же: 10]) и приводит к осознанию пустоты (*Без той жизни я останусь с пустыми руками... Меня проткнули, как шарик* [Там же: 104]).

Стоит отметить, что Светлана Алексиевич с большим доверием относится к метафорам, проясняющим для персонажей их опыт, она никогда их не теряет, повторяет в других голосах, в других контекстах — способность метафоры конденсировать и знание, и оценку, и эмоциональное отношение к явлению для автора очень ценно. В произведении «Время секунд хэнд» подверглись значительной переработке главы, первоначально входившие в книгу «Зачарованные смертью», и метафорическое уподобление состояния пустоты шарик, из которого выпустили воздух, перешел в историю персонажа новой книги из воспоминания о молодой женщине, покончившей с собой: *Меня нет, как будто я исчезаю... Исчезла... Я растворилась... Пораженец... Я не люблю поражений... Я — как все, как масса... я жила в собственной оболочке, ее проткнули, как детский шарик... Нечем дышать... Меня стягивают и стягивают в реальный мир, на эту глину... А птичка привыкла сидеть на дереве, петь, закрыв глаза* [Алексиевич 1998: 340].

Всесторонне исследующий феномен несвободы текст содержит множество фрагментов, в которых использованы пассивные конструкции, неопределенно-личные предложения, свидетельствующие об «иррациональности» говорящего [Вежбицкая 1996: 7–76], метафоры с семантикой неагентивности: *...уже стоят на улице автобусы, которые повезут нас в демократию. Будем жить в красивых домах... станем все добрыми* [Там же: 63], *Мне не нужен капитализм, к которому нас привели... подсунули* [Там же: 138], *У меня в голове все застроено по-советски. До чего-то другого еще доползти надо* [Там же: 142]. Таких фрагментов, впрочем, много во всем пятикнижии, герои которого чувствуют себя обманутыми, оказавшимися во власти непонятных сил, и автор не торопится их осуждать, однако отказ от прозрения свидетельствует о слабости «красного» человека: *Они все способны отдать, они уже привыкли к тому, что у них все время что-то забирают. Но все же трепетная загадка: последний кусок отдадут, жизнь отдадут — а веру им верни! Они снова готовы вернуться в иллюзию, но в реальность возвращаться не хотят. Соблазн утопии...* [Алексиевич 1998: 247].

Случаи вполне самостоятельного переосмысления опыта в книге редки, но для автора, как можно предположить, особенно ценны. В этом отношении показателен монолог Марии Войтешонок, в котором обратим внимание на метафору движения вверх: *Мне больно, но это — мое. Я никуда от него не бегу... Не могу сказать, что я все приняла, благодарна за боль, тут нужно какое-то другое слово. Сейчас я его не найду. Знаю, что в этом состоянии я далеко от всех. Я одна. Взять страдание в свои руки, обладать им полностью и выйти из него, что-то оттуда вынести. Это такая победа, только*

в этом есть смысл. Ты не с пустыми руками... А иначе зачем было спускаться в ад? [Там же: 279].

В прагматическом аспекте показательно единство образа автора, нераздельно соединившего в себе «человека социального и человека частного» [Солганик 2005: 16], свободно переходящего в повествовании от я к мы, никогда не противопоставляющего себя своим героям, стремящегося охватить все возможные точки зрения на явление. Это вновь проявляется на языковом уровне в обилии конверсивов среди номинаций человека (*палачи* и *жертвы* — *каждый чувствовал себя жертвой, но не соучастником* [Там же: 8], обратим внимание на аутономинацию в заголовке вступительной главы — «*Записки соучастника*», *Мы были люди с одной коммунистической памятью. Соседи по памяти* [Там же: 13]. В этом же отношении показательна такая черта идиостиля Светланы Алексиевич, как оксюмороны в заголовках, — «Утешение Апокалипсисом», «Обаяние пустоты», что, очевидно, связано с общей идеей цикла произведений, названного автором «Голоса Утопии».

Результаты исследования. Особый характер творчества Светланы Алексиевич, получившего чрезвычайно высокую оценку в мире, позволяет говорить о ней как о создателе концептуальных публицистических текстов, сложно организованных полифонических произведений, исследующих не конкретные события, а факты ментального мира, фиксирующих, исследующих посредством группового осмысления одного понятия мировоззрение множества людей. Жанр, по словам С. Алексиевич, «вживляемый» ею в литературу и получивший в литературоведении целый ряд определений, характеризуется своеобразными диалогическими отношениями между голосом автора и голосами персонажей. Вводная часть каждой из книг, представляющая авторский дискурс наиболее полно, словно суммирует сказанное персонажами. Она является тем типом текста, который Ю. С. Степанов определяет как минимализацию: «Смысл минимализации в том, что она заменяет обширные подлинные авторские тексты их сжатым изложением, компрессией текста» [Степанов 2007: 64], подчеркивая при этом, что минимализация — это и есть способ существования концепта, представляющий собой национальный жанр словесности, «не „облегченное“ постижение, а противопоставление „внешнего“ и „умопостигаемого“» [Там же]. Автор во введении дает компрессию того, что будет сказано в основной части голосами героев. Впоследствии — за пределами вступительной главы — автор очень скупно обнаруживает свое присутствие — лишь крайне редко в ремарках, в заголовках, чаще всего цитатных, и собственно в композиции книги — включении монолога героя в ту или иную главу. Однако «механизмы» сжатия высказанного персонажами не просты, диалогические отношения между голосом автора и голосами персонажа разнообразны: в некоторых случаях меняется лишь план выражения в направлении актуализации оценки, усиления экспрессии, иногда речь персонажа в рамках авторского дискурса приобретает совсем иное звучание.

Выводы. Сочетание документалистики с понятным и образным осмыслением факта, свободное сочетание разных жанров в тексте и роль автора — исследователя, человека частного и человека социального, видящего свою цель в «додумывании» сказанного персонажами до конца, стремящегося соединить опыт прошлого и предупредить о будущем, погрузить читателя в подлинное настоящее и призвать его к ответственности, — всё это черты постоянно совершенствуемого автором нового жанра, точного определения которому пока нет. Семиотический анализ полифонической структуры текстов позволяет обнаружить различия в мировоззрении персонажей произведений,

которые автору удается суммировать и представить в конденсированном виде во вступительной главе; осложненный вертикальным контекстом диалог заставляет читателя включиться в сложную и порой травматичную для его представлений о себе и мире работу по выработке смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексиевич, Светлана. Время секунд хэнд. М.: Время, 2013.

Алексиевич, Светлана. Цинковые мальчики. Зачарованные смертью. Чернобыльская молитва. М.: Остожье, 1998.

Вежицкая, Анна. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2008.

Лейдерман Н. Л. Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. М.: Академия, 2006.

Мамардашвили М. К. Одиночество — моя профессия. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/mamardashvili_odinchestvo.

Маэда С. Нарратив и репрезентация женщины на войне: миф о войне и публицистика С. Алексиевич «У войны не женское лицо» // Дальний Восток, близкая Россия: эволюция русской культуры — взгляд из Восточной Азии. Белград; Сеул; Сантама: Логос, 2015. С. 184–198.

Сивакова Н. А. Документальная проза Светланы Алексиевич // Слова і час: навук. читанні. Ч. 1. Гомель: Гомел. дзярж. ун-т, 2003. С. 240–244.

Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 13–30.

Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации. М.: Языки слав. культуры, 2007.

Фромм, Эрих. Бегство от свободы; Человек для себя / пер. с англ. Д. Н. Дудинский. Минск: Попурри, 2000.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот как текст и как речевой жанр // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 194–210.

Юферова, Ядвига. Почему люди говорят ей то, чего не рассказывают другим. URL: http://www.alexievich.info/articles_RG.html.

REFERENCES

Alexievich S. The Second Hand Time [Vremya second hand]. Moscow, 2013.

Alexievich S. Zincy boys. Charmed by death. The Chernobyl Prayer [Tsinkovyye mal'chiki. Zacharovannyye smert'yu. Chernobyl'skaya molitva]. Moscow, 1998.

Fromm E. Escape from Freedom; Man for himself [Begstvo ot svobody; Chelovek dlya sebya]. Minsk, 2000.

Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by [Metafory, kotorymi my zhiv'om]. Moscow, 2008.

Leiderman N. L., Lipovetski M. N. Modern Russian Literature [Sovremennaya russkaya literatura]. T. 1. 1950–1990-ies. Moscow, 2006.

Mamardashvili M. Solitude — my profession [Odinochestvo — moya professiya]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/mamardashvili_odinchestvo.

Maeda S. Narrative and representation of women in the war. The myth of the war and journalism of S. Alexievich “The War’s Unwomanly Face” [Narrativ i reprezentatsiya zhenshchiny na voyne: mif o voyne i publitsistika S. Aleksiyevich «U voyny ne zhenskoye litso»] // Far East, near Russia: The Evolution of Russian culture — a view from East Asia. Belgrade; Seoul; Santama, 2015. P. 184–198.

Sivakova N. A. Nonfiction Prose of Svetlana Alexievich [Dokumental'naya proza Svetlany Aleksievich] // Words and Time. Pt 1. Gomel, 2003. P. 240–244.

Shmelev E. Y., Shmelev A. D. Russian anecdote as text and as a speech genre [Russkiy anekdot kak tekst i kak rechevoy zhanr] // Russian language in a scientific light. 2002. No. 2 (4). P. 194–210.

Solganik G. Y. The structure and important parameters of journalistic speech (language of media) [O strukture i vazhneyshikh parametrah publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI)] // Language of modern journalism. Moscow, 2005. P. 13–30.

Stepanov Yu. Concepts: a thin covering of Civilization [Kontsepty: tonkaya plenka tsivilizatsii]. Moscow, 2007.

Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition [Jazyk. Kultura. Poznanie]. Moscow, 1996.

Yuferova Ja. Why do people tell her what you do not tell others [Pochemu lyudi govoryat yey to, chego ne rasskazyvayut drugim]. URL: http://www.alexievich.info/articles_RG.html.

УДК 659.3:81'42;
ББК Ч 76.02;
ГРНТИ 16.21.61;
КОД ВАК 10.01.10

О. М. Самусевич
Минск, Беларусь

ФЕНОМЕН РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ

Ольга Михайловна Самусевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой периодической печати, заместитель директора Института журналистики Белорусского государственного университета.
220009, Беларусь, г. Минск, Каль-варийская ул., 9, к. 402.
E-mail: s.olga.m@rambler.ru.

© Самусевич О. М., 2017

Постановка проблемы. В XXI в. средства массовой информации, которые являются важнейшим социальным институтом, приобрели статус сильнейшего инструмента воздействия на общественное мнение. Исследователь Е. И. Коряковцева отмечает: «Перерабатывая информацию и передавая ее читателю, комментируя и ангажируя события, СМИ формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, строят иерархию ценностей, а иногда даже навязывают читателю примеры рецепции истин — исторических, социально-политических, психологических и др. Информирова про ценности и оценивая, СМИ реально влияют на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни» [Коряковцева 2005: 314].

Ученые убеждены, что если «в XIX, частично в XX веке понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время на эту роль претендует язык СМИ, что связано как с его политематичностью, так и с изменившимися условиями его функционирования... Только в языке СМИ происходит объединение всех стилистических потоков, образуя новое функционально-стилевое единство, которое представляет национальный язык» [Солганик 2011: 15]. Поскольку конец XX в. был «ознаменован качественными изменениями языка в сторону его демократизации, сегодня, — утверждает профессор В. И. Ивченков, — становится очень важным активное проведение грамматических интерпретаций употребления форм слова и выяснения его лексической правомерности. Публицистический текст даёт пространство для отшлифовки языка, обработки стилистической маркированности слова. Однако, к сожалению, не всегда это выдерживается» [Гўчанкаў

2009: 78]. Вопрос о мотивированности и немотивированности употребления всего разнообразия языковых средств с целью формирования общественного мнения в науке поднимался давно и не единожды. Известный белорусский ученый М. Е. Тикоцкий более тридцати лет назад писал: «Для того чтобы достигнуть максимального воздействия на ум и чувства читателя, публицист пользуется различными средствами словаря, всеми „регистрами“ речи – от „высоких“ до „низких“... Но это вовсе не значит, что журналист или публицист может использовать слова без всякого разбора, что для него, мол, „закон не писан“. Наоборот, богатство и разнообразие средств, которые имеются в арсенале каждого национального языка, требуют от публициста высокой культуры слова, умения экономно, по-хозяйски пользоваться этим богатством, не растрчивать бесполезно» [Цікоцкі 1994: 17].

Сегодня существует много мнений о падении речевой культуры. В языковой катастрофе ученые прямо винят СМИ, утверждая, что под их воздействием речь становится грубой и шаблонной. Из привычного классического эталона правильной речи средства массовой коммуникации превратились в инструмент тиражирования ошибок. Исследователь О. Б. Сиротина заявляет, что именно СМИ, «с их непродуманной стратегией демократизации языка прессы... и открыли шлюзы для снижения речи любой ценой, одновременно создавая моду на иностранные слова и нарушая русские коммуникативные нормы». По ее мнению, журналисты стали чрезмерно вольно пользоваться языком, забывая о своем влиянии на речь населения [Сиротина 2007: 49]. Журналисты должны обладать элитарной речевой культурой, которая, как отмечают исследователи, определяется следующими характеристиками: владением всеми стилями литературного языка, релевантным использованием языковых средств, осуществлением самоконтроля и самоцензуры, неукоснительным следованием этическим нормам общения и речевым нормам [Мартыненко, Печетова 2007: 291; Самусевич 2012: 132].

В последнее время в белорусском обществе появилось недоверие к средствам массовой информации как к образцу литературного языка. Подобную ситуацию отмечают и российские исследователи: «Языковая норма — наша языковая конституция. Источником нормы всегда считалась художественная литература, речь образованных людей, язык средств массовой информации. Сейчас они „не работают“, не выполняют этой роли» [Коряковцева 2005: 5]. В публицистическом дискурсе допускаются нарушения норм культуры речи, что ведет к непониманию или ошибочному декодированию информации и, соответственно, свидетельствует о непрофессионализме журналиста. Проф. Н. А. Ипполитова констатирует: «Культура предусматривает высокую степень мастерства, поэтому культура речи должна оцениваться с точки зрения мастерства как устной, так и письменной речи с учетом ее особенностей» [Ипполитова и др. 2005: 15].

Лингвисты акцентируют внимание на необходимости изучения новых явлений, связанных с использованием языковых средств в СМИ: обиды, оскорбления, языкового конфликта — как проявлений инвективного функционирования языка, языкового манипулирования, суггестии, лингвистической экологии и речевой агрессии. Это результат того, что в то время, когда утверждается необходимость «придать журналистам статус высокообразованной профессии» [Там же: 3], использование разных социальных жаргонов становится едва ли не основной особенностью современного медиадискурса. Вместо использования всего богатства национального литературного языка СМИ часто сознательно ограничиваются гипертрофированным «языком улицы». И дело тут, как справедливо утверждает В. Г. Костомаров, не только

в нарушении литературно-языковой нормы, а в «неуважении к слову, в попытках изменить „языковой знак“, а через него и национальную традиционную ментальность» [Костомаров 1999: 8].

Современные СМИ стали «образчиком нравственного беспредела и оскудения речевой культуры», — утверждает М. В. Горбаневский. Сейчас абсолютная вседозволенность и безнаказанность использования в публичной речи нецензурной, сниженной лексики становится нормой речевого поведения, влияет на формирование речевой культуры молодого поколения и, соответственно, жизненной этики. Председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов уверен: «Если люди говорят на языке зоны, значит они исповедуют ту систему ценностей и ту систему понятий, какие пришли оттуда» [Язык и культура 2007: 10]. Падение уровня речевой культуры, по его мнению, тормозит развитие журналистики и негативно влияет на корпоративную репутацию профессии журналиста в обществе: «Журналист должен помнить, что его основной инструмент — родной язык. И именно журналист в конце концов за него отвечает. Хотя бы потому, что говорит и пишет чаще других. Да еще публично!» [Горбаневский 2007: 70].

Не все ученые, однако, категорически отрицательно оценивают современную языковую ситуацию. Так, по мнению известного российского исследователя языка и стиля массовой коммуникации Г. Я. Солганика, «мы переживаем новый период в развитии литературного языка. И то, что рассматривается учеными как порча, на самом деле это новые качества литературного языка, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией» [Солганик 2011: 19]. Ученый отмечает, что «язык СМИ усваивает, перерабатывает, олитературивает средства разных функциональных сфер, изменяя их стилистическое качество, придавая им единую в рамках языка СМИ усредненную окраску» [Там же: 16]. Аналогичному процессу подвергаются жаргоны и просторечие, широко используя которые язык СМИ нейтрализует их нелитературный статус, но подчеркивает оценочность, усиливая прагматический потенциал слова, обогащая их семантическую структуру. «Жаргонизмы и просторечие также оказывают в целом позитивное влияние на литературный язык, — утверждает исследователь. — Они вносят в него экспрессию, оценочность, раскрепощают официальную речь, избавляя ее от чрезмерной пафосности, торжественности, книжности. Они содействуют демократизации литературного языка» [Язык и культура 2007: 10].

Каждый журналист обязан учитывать тот факт, что современное общество в своих представлениях о речевом идеале ориентируется на язык медиа. Актуализированное в медиадискурсе слово легко получает статус престижной речевой единицы, которой в последующем будет отдаваться безусловное предпочтение. Агрессивность речевого поведения журналиста может в свою очередь трансформировать речевой идеал адресата и спровоцировать ответную негативную реакцию.

Ученые отмечают тот факт, что «языковые свидетельства, рисующие духовно-культурный портрет общества, повторяются СМИ и тиражируются» [Бессарабова 2011: 59]. Таким образом через СМИ соответствующая лексика и фразеология входит в концептосферу многомиллионного адресата, влияя на речемыслительную культуру всего народа. В такой ситуации влияние медиа, несомненно, имеет деструктивный характер, что стимулирует рост речевой агрессии в публичной коммуникации и, несомненно, не способствует стабилизации и консолидации социума.

История вопроса. В настоящее время феномен речевой агрессии стал предметом научно-практических изысканий представителей различных областей науки: политологии, психологии, педагогики, социологии, лингвистики и журналистики.

В связи с этим существует несколько подходов к изучению агрессии, в том числе и междисциплинарных.

В большинстве лингвистических работ речевая агрессия рассматривается как явление психолингвистическое. При данном подходе сущность речевой агрессии заключается в определенном преобразовании внешних процессов (различных реакций человека на негативные эмоциональные раздражители) во внутренние процессы, связанные с речемыслительной деятельностью, поскольку важнейшей формой выражения эмоций у человека является речь. При этом ученые отмечают, что вербальный и физический агрессивный акты имеют много общего (мотивы, механизмы, структуру) [Щербинина 2004: 12].

Таким образом, речевая агрессия рассматривается как специфическая форма поведения или деятельности, основным инструментом которой является язык: «Речевая (языковая, вербальная) агрессия — форма речевого поведения, направленного на оскорбление или сознательное нанесение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Культура русской речи 2003: 562]. В соответствии с классификацией выделяются следующие ее виды: *активная прямая* (вербальное унижение, оскорбление, угроза, деструктивные пожелания, призывы к агрессивным действиям, насилию), *активная непрямая* (распространение лживых сведений, сплетни), *пассивная прямая* (отказ разговаривать с другим человеком, игнорирование его вопросов), *пассивная непрямая* (отказ давать конкретные вербальные объяснения, демонстративное молчание) [Там же: 562]. По мнению исследователей, основные средства проявления речевой агрессии — инвективная и стилистически сниженная, ненормативная лексика, окказиональные слова, агрессивная метафора и речевая демагогия, тенденциозное использование негативной информации, интертекстуальность [Петрова, Рацибурская 2011: 29]. Отметим и тот факт, что речевая агрессия как тип речевого поведения может проявляться в пределах любого дискурса.

Эмпирическая база и методика. Материалом для изучения послужили белорусские газеты: «Советская Белоруссия», «Наша нива», «БелГазета», «Комсомольская правда в Белоруссии», «Народная воля», «Белорусы и рынок» за период 2012–2016 гг. Методом случайной (вероятностной) выборки были отобраны для исследования 50 номеров изданий. Ключевым в работе является метод стилистического анализа, целью которого было выявление в газетных материалах различных средств речевой агрессии.

Анализ материала. Проведенное исследование показало, что в дискурсе белорусских СМИ представлены все виды речевой агрессии, которые реализуются лексическими, синтаксическими, интонационными и другими средствами.

Остановимся более подробно на самых распространенных проявлениях речевой агрессии в белорусской прессе.

1) **Перенасыщение текста средствами выражения негативной оценки.** Проф. Т. В. Чернышова считает, что именно повышенная оценочность газетных текстов часто способствует речевому конфликту, однако «оценочность в текстах СМИ может выполняться как конструктивную, так и деструктивную функции» [Чернышова 2011: 73]. Последняя, по мнению ученого, строится на пересечении составляющих: а) полного или частичного отсутствия аргументативной базы и системы фактов, характеризующих социально значимое событие; б) концентрации внимания читателя на отрицательных чертах личности или деятельности субъекта речи через систему эмоционально-оценочных вербальных и невербальных средств, в основном инвективной направленности. «Характер текстов, в которых разворачивается деструктивная оценочность, не имеет

никакого отношения к социальной оценочности — она выявляет псевдосоциальный характер» [Там же: 78]. Например, заголовок «*Мишель Обаму считают настоящим лидером и кроют матом*» (КП в Белоруссии). Деструктивная оценочность в СМИ, как правило, реализуется посредством разговорной и просторечной лексики: *Впрочем, хоккейный праздник на глазах у людей, стремительно продвинувшихся от бедности к нищете, еще можно было стерпеть, если бы и многое другое не пошло в нашей стране по-дурному* (Народная воля). Перенасыщение текста средствами выражения негативной оценки делает последнюю чрезмерно необоснованной, поскольку логика аргументов подменяется эмоциями и субъективным отношением автора, а необходимая полемика — критикой (часто оскорблением) личности, а не ее позиции и мнения: *Этот вечный бег по кругу ради себя самих, который никак не изменяет общество, кроме того, что дает молодым дебилам из спецназа возможность потренироваться* (Народная воля).

Процесс снижения речевой культуры отражает использование в СМИ инвективной (бранной) и обценной (непристойной) лексики: *Выполненные в красно-зеленой гамме, они будут символизировать левые ноги, раздающие подж...пники...* (БелГазета). Ученые поясняют, что «использование вульгаризмов и инвективы, хотя и не обязательно является проявлением речевой агрессии, тем не менее демонстрирует невоспитанность, бестактность, низкий уровень речемыслительной культуры адресанта» [Щербинина 2004]. Как отмечает исследователь риторического идеала в журналистике М. П. Карпович, «средства массовой информации должны стать школой речевого воспитания белорусов, примером белорусской и русской речевой культуры» [Карпович 2004: 99]. Журналист не должен в своем речевом поведении идти следом за вкусами носителей низкой речевой культуры, поскольку публичное использование ненормативной лексики неизбежно ведет к разрушению общественной нравственности.

2) **Агрессивная метафора, сравнение и ассоциации.** Речевая агрессия представляет собой конфликтное речевое поведение, в основе которого лежит установка на негативное влияние на адресата через умышленное использование таких речевых средств, как метафора, сравнение и ассоциация. Например: *Всё это время на окраине площадки дежурил молодой парнишка с осликом на поводке. Ослик был накрыт яркой попонкой и стоял понурившись. Внезапно он попытался издать протяжный звук «Иа-а!», но его опекун, поняв, что сейчас произойдет непоправимое, засунул ослику руку в пасть. Тот поперхнулся и издал какое-то жалобное то ли мычание, то ли рычание. То же самое парнишка проделывал всякий раз, когда ослику хотелось высказаться. Если бы на ярмарке присутствовал какой-нибудь асоциальный элемент, посасывающий американские гранты, он бы непременно съехидничал: дескать, погляди-ка, народ, до чего ты похож на этого ослика, стой себе под цветной попонкой, делай своё дело и помалкивай, а не то засунут локоть в пасть по самые гланды. Но деструктив в этот светлый день на площадку так и не пробрался — праздник прошел смирно* (БелГазета).

Неуважение к личности проявляется в выборе определенных лексических средств. Активная прямая агрессия проявляется в вербальном унижении, оскорблении через слова-характеристики, сравнения: *Куратор министра в Администрации президента тоже считает себя не выродком, а образованным человеком... Все по отдельности они вроде приличные люди. Внешне они, несомненно, Люди. Не зомби, не урки, не маньяки, не обкуренные, не обколотые, не в маразме* (Народная воля). Часто за примитивной речевой культурой стоит соответствующая мыслительная культура, которая способствует разрушению логосферы национальной культуры во всей ее содержательности.

3) **Ирония, стеб.** Ирония в языке СМИ является одним из действенных способов неназойливого выражения авторского отношения к предмету мысли и авторской оценки. Мастером иронии можно назвать главного редактора самой массовой общественно-политической газеты страны «Советской Белоруссии» Павла Якубовича. Однако не всем под силу филигранно владеть тонкой иронией, под пером некоторых журналистов она превращается в средство речевой агрессии, способ поиздеваться над кем-нибудь. *Новогодний аттракцион с обнаженкой, который в прошлом году устроила в интернете балерина, выложив свои откровенные фото, в этом году рискует остаться без продолжения. Начиная с 1 января Настя публикует один за другим свежие снимки. Но что мы видим? На фото она либо в платье, либо в купальнике! Безусловно, и эти ракурсы вполне будоражат воображение. Но в сравнении с тем, что было в прошлом году... Вдохновения нет?* (КП в Белоруссии).

4) **Негативная тональность публикаций.** Негативная тональность материалов, создание отрицательного отношения к явлениям действительности провоцирует появление у массового адресата депрессивного настроения, пессимистического мироощущения. Как отмечает Н. Д. Бессарабова, «манера отношений некоторых СМИ со своим адресатом способны нанести вред этическим качествам речи» [Бессарабова 2011: 59]. Приведем заголовки только одного номера газеты «Белорусы и рынок»: «Можем оказаться на обочине», «Участь обреченного», «Курсом свинозамещения», «Власть иногда валяется под ногами», «Банкет закончился», «Реформа на выживание», «Время подсчитывать убытки», «Неприятный сюрприз», «Существенно растет всё, кроме зарплат», «Продажа акций персоналу исключается», «Репутация подвела», «Год упущенных возможностей», «Работать будет еще труднее», «Пристегните ремни», «Белтрансгаз теперь уже не наш», «Вынужденно, но без гарантий». Необходимо отметить, что нагнетание негатива наблюдается в основном в оппозиционной прессе: «Провокация», «Самая бедная — Брестчина», «Кражи в магазинах накрыли Беларусь», «Брат против брата», «Жизнь в песок», «Петля на шее», «В больницах не хватает расходного материала и донорской крови», «Беларусь нуждается в женской революции», «Беларусь не попала в рейтинг конкурентоспособности экономик», «Отчаяние», «Забыли о совести» (Народная воля); «Диалог „слили“», «Как низко мы пали: Рейтинги белорусских банков могут стать ещё ниже», «Беларусь — не конкурентка: Страну загнали на опасные пути» (БелГазета); «На диалог приглашают „козлов“, а не „пятую колонну“», «В Мстиславле россияне побились с белорусами в очереди за продуктами», «Время не изменится», «Президент Киргизстана не приехал», «Визит евродепутатов в Минск снова перенесен», «Иду по Минску, и у меня ком в горле», «Палачи и жертвы» (Наша нива). Стоит обратить внимание, что сама по себе негативная информация — полноценный и даже необходимый содержательный компонент СМИ для разностороннего освещения жизни, но ее гиперболизация, беспросветный пессимизм, создание депрессивного настроения как основная цель — всё это повышает агрессивность медиатекста.

5) **«Спекулирование» национальными ценностями.** Как мы уже отмечали, речевая агрессия часто проявляется в подчеркнутом выражении негативных эмоционально-оценочных отношений средствами языка, нарушающем представление об эстетической и этической норме. Часто в центр агрессии попадают доминантные концепты белорусской логосферы — народ, родная земля, Беларусь. Однако в медиатекстах встречаются факты, свидетельствующие о десемантизации сакральных для большинства белорусов понятий. Например: ...Мингорисполком опять не обманул. Страна, услышав про такое дело, воспряла ото сна и, едва успев перевести дух, снова

двинулась набивать желудок про запас... (БелГазета). Или пример из статьи «Впали в дисконт: Горошек! Масло! Шпроты!»: *В будний день в универмаг «Беларусь», презрев 8-часовой рабочий день своих фабрик, заводов, парикмахерских, банковских учреждений, торговых точек, больниц и школ, со всех сторон света стекались белорусы, охваченные предпраздничным чesом и зудом. Рождественские скидки здесь, как в крупнейших шопинг-моллах Европы, попадались куда ни плюнь и поражали воображение* (БелГазета). По мнению Н. Д. Бессарабовой, подобные примеры — свидетельство того, как у СМИ «сработало понимание свободы слова без ответственности за слово и (сейчас модный) коммерческий подход к неизмеримым понятиям» [Бессарабова 2011: 59]. Например, заголовки: «Как продать белорусский народ», «Глубинка for sale», «Продать за еду», «Купите белартиста», «Как продать белорусскую красоту» (БелГазета). В газете «Народная воля» под рубрикой «Мы — белорусы» вышел материал «У обычного чиновника появился шанс попасть в историю». Информационным поводом статьи стал факт передачи «в Минкульт обоснования того, что бело-красно-белый флаг является историко-культурной ценностью белорусов». Автор резюмирует: «Если бело-красно-белый флаг получит официальный статус историко-культурной ценности белорусов, то его можно будет безнаказанно вывешивать на балконах или иметь при себе и не бояться штрафа за «использование незарегистрированной символики». С одной стороны, формальность, с другой — историческая ответственность. В любом случае фамилия чиновника, который даст положительный или отрицательный ответ, имеет все шансы попасть в историю. Очевидно, что первый вывод — обязательный (что непосредственно вытекает из материала); второй, зафиксированный и в заглавии, — факультативный — представляет непрямую агрессию.

б) **Распространение лживых сведений, сплетен как проявлений активной непрямой агрессии.** К проявлениям вербальной агрессии можно отнести перегруженность текста негативной информацией, цель которой — повлиять на восприятие адресата. В то же время распространение субъективного мнения, оценки событий, не подтвержденных фактами (лжи, сплетен, вранья), может принести больший вред, чем отрицательные факты. Так, в материале «Дуже гарно» читаем: *В Минск приехал Олег Скрипка. 14 декабря он с «Воплями Видоплясова» дал концерт во Дворце республики. Несмотря на то что Скрипка скакал по бархатным креслам, пытаясь растормошить публику, белорусы печально сидели на местах* (БелГазета). У читателей, которые не были на концерте, нет повода не верить написанному. Однако мы можем свидетельствовать о явной дезинформации читательской аудитории, поскольку сами присутствовали на концерте. Можно только предполагать, какую цель ставил перед собой журналист. Возможно, позитивная информация дисгармонировала бы с общей негативной направленностью материалов газеты, с общей политикой подобного рода СМИ, задача которых — показать несчастных белорусов, которых ничто и никто уже не радует в жизни.

Таким образом, феномен речевой агрессии в медиадискурсе проявляется в выражении негативных эмоционально-оценочных отношений, а также в перенасыщении текста вербализованной отрицательной информацией, что, несомненно, воздействует на сознание адресата, создавая негативное впечатление.

Кроме перечисленных речевая агрессия имеет другие формы проявления: наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта агрессии, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование неприятных или обидных для объекта деталей, прямое оскорбление, дисфемизация речи и др. Например, в материале «Ой, и врет Калина...»: *В последнее время бывшая «говорилка-развлекалка» (известная телеведущая Калина*

Вардомская. — О. М.) считала себя серьезной теледивой... (Народная воля). Понятно, что не каждое выражение отрицательной оценки в адрес личности стоит относить к агрессии. Упрек, осуждение, критический анализ, критическое замечание сами по себе являются нормальным явлением в публицистике, если они обоснованны и выражаются адекватными ситуации речевыми средствами.

Заголовки в императивной тональности или восклицательной интонации с необоснованными требованиями, претензиями и агрессивными призывами также являются примерами вербализованной в публицистическом дискурсе агрессии: «И надоели ж эти двойные стандарты!», «Это ж несправедливо!», «Выпустите их на свободу...» «За активный бойкот», «Держите карманы шире!», «Сними корону!», «Некоторые претенденты в президенты кажутся „дробньекими“ даже внешне!», «Экологи требуют остановить строительство АЭС», «Верните овощные магазины».

Следует обратить внимание и на широкое распространение в белорусской прессе такого приема, как включение в заголовки конструкций с отрицанием: «Россия не поможет», «Беларуси не повезло с соседями», «Алексевич нет», «Ни авиабазы, ни кредита», «Денег нет...», «В 2016 году легче не станет», «Нобель „не считается“, «Нет поставок, когда завезут, не знаем...», «Тут нет работы, там — денег» (Народная воля). Создание атмосферы безысходности часто провоцирует агрессию в обществе.

В последнее время активно используются в заголовках и вопросительные конструкции: «Кого интересует отсутствие парковок?», «Украденный отпуск?», «А чем они думали раньше?», «Кто первым нарушит тишину — КГБ или Костел?», «Белорусам суждено беднеть?», «Пронесло?» (Народная воля). Частотное использование вопросительно-риторических предложений в одном номере создает негативное впечатление у человека. Психологическая стратегия этих «вопросов без ответов» — манипулирование аудиторией, что прогнозирует неудовлетворенность и раздражительность: «Кто он — национальный Герой Беларуси?», «УВ Минск на новоселье? Или для решения судьбоносных проблем?», «Где брать?», «А у народа спросили?» (Народная воля). Эти факты представляют пассивную непрямую агрессию.

Как ни парадоксально, но в оппозиционных периодических изданиях на одной только странице можно обнаружить все синтаксические конструкции, способные создать негативное, даже депрессивное настроение у своих читателей: вопросительные конструкции (*Прохудилось озеро?, Почему драмики такие дорогие?*); недосказанность — конструкции с многоточием (*Как встретишь Новый год..., На сельском кладбище хоронили человека...*); конструкции с отрицанием (*Денег нет...*) и т. п.

Необходимо обратить внимание и на то, что нередко вербальная агрессия в белорусской прессе «подкрепляется» невербальной. Так, например, материал «Смертная казнь: „за“ и „против“» (Народная воля) содержит снимок затылка заключенного на фоне закрытого решеткой окна через «объектив» прицела. Вербальная и визуальная агрессия в таком синкретизме, безусловно, повышает эмоционально-экспрессивное восприятие материала, однако удвоенная агрессия нарушает коммуникативно-прагматические нормы национальной белорусской речемыслительной культуры.

Результаты исследования. Как показывает анализ, именно оппозиционная пресса умышленно использует средства речевой агрессии с целью обеспечить возможность влияния на массового адресата, создавая тем самым коммуникативный дисбаланс. В исследовании речевой агрессии (в рамках инновационной образовательной программы Национального проекта «Образование», Россия) отмечается, что для достижения коммуникативного дисбаланса как результата агрессивного речевого

поведения в публичном дискурсе есть два пути: во-первых, продекларировать в речи коммуникативную неосновательность речевого партнера прямой или косвенной дискредитацией его высказываний; во-вторых, продемонстрировать необоснованность оппонента, нарушая диалогические конвенции [Глебов, Родионова]. И первый и второй способ широко представлены в белорусской оппозиционной прессе.

Речевая агрессия создает препятствия для реализации основных задач эффективных речевых отношений: усложняет полноценный обмен информацией, тормозит восприятие и понимание медиатекста, делает невозможной выработку общей стратегии коммуникационного взаимодействия [Щербинина 2004]. Многие исследователи основным условием совершения стратегий смягчения называют психологическую направленность на диалог и понимание собеседника.

Выводы. Сдерживая проявления речевой агрессии, средства массовой информации могут содействовать гуманизации национальной логосферы, сохранению чистоты речевого идеала. Некоторым из них необходимо было бы напомнить, что «только этическая журналистика может быть подлинно правдивой и свободной» [Засурский 2002: 3].

В контексте сказанного приходят на память слова В. А. Аграновского «Хорошо пишет тот, кто хорошо думает», по сути «профессионально» интерпретируя изречение Н. М. Карамзина: «Богатство языка есть богатство мыслей». Национальный язык как культурный феномен без сомнений оказывает влияние на культуру и, соответственно, на носителей этой культуры. В связи с чем защита литературного языка от агрессии, сохранение его норм — как коммуникативных, так и этических — является «делом национальной важности, поскольку литературный язык — это именно то, что объединяет нацию» [Культура русской речи 1998: 12].

ЛИТЕРАТУРА

Бессарабова Н. Д. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1. С. 54–63.

Глебов В. В., Родионова О. М. Особенности речевой агрессии. URL: <http://alek.jofo.me/378867.html>.

Горбаневский М. В. Об ответственности за слово // Рус. речь. 2007. № 1. С. 67–73.

Засурский Я. Н. Колонка редактора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 4. С. 3.

Ипполитова Н. А., Князева О. Ю., Саввова М. Р. Русский язык и культура речи: учебник. М.: Проспект, 2005.

Ўчанкаў В. І. Медыярыторыка. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2009.

Карповіч М. П. Рытарычны ідэал у журналістыцы. Мінск: Тэхнапрынт, 2004.

Коряковцева Е. И. Языковой образ российской провинции в столичной прессе // Жизнь провинции как феномен духовности: Всерос. науч. конф. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. С. 314.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 1999.

Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Н. Р. Ширяева. М.: Инфра-М, Норма, 1998.

Культура русской речи: энцикл. сл.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта, Наука, 2003.

Мартыненко Н. Г., Печетова Н. Ю. Формирование языковой компетентности будущих журналистов // Профессия — журналист: вызовы XXI века. М., 2007.

Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта, Наука, 2011.

Самусевич В. М. Беларускія СМІ ў лагасферы нацыянальнай культуры. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2012.

Сиротинина О. Б. От кого зависит судьба русского языка? // Рус. речь. 2007. № 1. С. 44–50.

Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация — язык СМИ — литературный язык // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1. С. 8–21.

Цікоцкі М. Я. Дэмакратыя і свабода слова // Журналістыка: вопыт, праблемы, перспектывы. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 1994. С. 17–18.

Чернышова Т. В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности: на матер. текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1. С. 68–85.

Щербинина Ю. В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004.

Язык и культура: круглый стол // Рус. речь. 2007. № 1. С. 3–16.

REFERENCES

Bessarabova N. D. Ethics in linguistics or once again about the ethics aspect of speech culture of modern mass media and advertising [Lingvoetika, ili escho raz ob eticheskom aspekte kulturey rechi sovremennykh SMI i reklamy] // Journalism and culture of the Russian speech [Zhurnalistsika i kultura russkoi rechi]. 2011. No. 1. P. 54–63.

Chernyishova T. V. Modern media text in the light of the evaluation: on a material of texts involved in the scope of the trial [Sovremennyiy mediatekst skvoz prizmu otsenochnosti: na mater. tekstov, vovlechenykh v sferu sudbnogo razbiratelstva] // Journalism and culture of the Russian speech [Zhurnalistsika i kultura russkoi rechi]. 2011. No. 1. P. 68–85.

Glebov V. V., Rodionova O. M. Peculiarities of speech aggressiveness [Osobnosti rechevoi agressii]. URL: <http://alek.jofo.me/378867.html>.

Gorbanevskij M. V. About the responsibility for a word [Ob otvetstvennosti za slovo] // The Russian speech [Rus. rech]. 2007. No. 1. P. 67–73.

Ippolitova N. A., Knyazeva O. J., Savvova M. R. Russian language and culture of speech [Russkij yazyk i kultura rechi]. Moscow, 2005.

Iuchankau V. I. Media rhetoric [Medyjarytoryka]. Minsk, 2009.

Karpovich M. P. Rhetorical ideal in journalism [Rytarychny ideal u zhurnalistyty]. Minsk, 2004.

Koryakovtseva E. I. Language image of Russian province in the metropolitan press [Yazykovej obraz rossijskoj provintsii v stolichnoj presse] // Province life as a phenomenon of spirituality [Zhyzn provintsii kak fenomen dukhovnosti]. N. Novgorod, 2005. P. 314.

Kostomarov V. G. Language taste of the era. From the observations of speech practice of mass media [Yazykovej vkus epohi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media]. St Petersburg, 1999.

Language and culture: round table [Yazyk i kultura: kruglyiy stol] // The Russian speech [Rus. rech]. 2007. No. 1. P. 3–16.

Martynenko N. G., Pechetova N. J. The development of language competence of future journalists [Formirovanie yazykovej kompetentnosti budushchih zhurnalistov] // The profession of a journalist: XXI century challenges [Professija — zhurnalist: vyzovy XXI veka]. Moscow, 2007.

Petrova N. E., Raziburskaya L. V. The language of today's mass media: the means of speech aggression [Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii]. Moscow, 2011.

Samusevich V. M. Belarusian mass media in the logosphere of the national culture [Belaruskaya SMI y lagasfery nazyjanalnai kulturey]. Minsk, 2013.

Scherbinina, Yu. V. Russian language: verbal aggression and ways of its overcoming [Russkij yazyk: rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya]. Moscow, 2004.

Sirotinina O. B. From whom depends the fate of the Russian language? [Ot kogo zavisit sudba russkogo yazyika?] // The Russian speech [Rus. rech]. 2007. No. 1. P. 44–50.

Solganik G. Ya. Contemporary language situation — mass media language — literary language [Sovremennaya yazykovaya situatsiya — yazyik SMI — literaturniy yazyik] // Journalism and culture of Russian speech [Zhurnalistika i kultura russkoy rechi]. 2011. No. 1. 2011. P. 8–21.

The culture of the Russian speech [Kultura russkoi rechi] / ed. by L. K. Graudina, N. P. Shiryaev. Moscow, 1998.

The culture of the Russian speech: Encyclopedic Dictionary Reference [Kultura russkoi rechi: encikl. sl.-sprav.] / ed. by L. J. Ivanov, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiraev. Moscow, 2003.

Tsikotski M. E. Democracy and freedom of speech [Demakratiya i svaboda slova] // Journalism: experience, problems and prospects [Zhurnalistyika: vopyit, prablemyi, perspektyivy]. Minsk, 1994. P. 17–18.

Zasurskij Ya. N. Editor's column [Kolonka redaktora] // Journ. Moscow Univ. [Vestn. Mosk. un-ta]. Ser. 10. 2002. No. 4. P. 3.

ТИПОЛОГИЯ МЕДИАРЕЧИ

УДК 070.447+070.488;
ББК 76.02;
ГРНТИ 19.51.51;
КОД ВАК 10.01.10

А. В. Дубровский
Минск, Беларусь

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
РЕЦЕНЗИЯ
КАК РЕЗУЛЬТАТ
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ
В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ЛИТАРАТУРА
І МАСТАЦТВА»)**

Александр Владимирович Дубровский, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 406.

E-mail: dubrovski@list.ru.

© Дубровский А. В., 2017

Постановка проблемы. Изменения в публицистическом стиле, произошедшие за последнюю четверть века, — известный и показательный феномен, особенно важный по той причине, что сегодня именно язык журналистики наиболее активно влияет на общенациональный язык. Один из аспектов этих изменений — трансформации в жанровой системе журналистики [Дускаева 2003: 665]. В контексте названного явления такой жанр, как рецензия, привлекает внимание исследователей не случайно. Дело в том, что структура ее достаточно сильно стандартизирована: проследить трансформацию жанра не слишком сложно, а сами наблюдения обещают дать наглядные результаты. При этом жанр литературной рецензии не так прост: относительная жесткость структуры сочетается с богатыми возможностями творческого самовыражения критика.

История вопроса. Как и следовало ожидать, на рецензию было обращено самое пристальное внимание ученых. Показательны, в частности, темы диссертаций С. М. Яворской «Рецензия как тип текста (на материале англоязычной рецензии)» [Яворская 2000], Н. Н. Мошниковой «Лингво-когнитивный аспект исследования дискурса театральной рецензии: на материале современных англоязычных печатных СМИ» [Мошникова 2006], более раннего диссертационного исследования Т. И. Синдеевой «Речевой жанр „газетная рецензия“ и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка)» [Синдеева 1984]. К рассматриваемому жанру обращались Ю. А. Крикунов [1976], Т. С. Алексеева [1983], Д. Д. Бициган [2011], Н. В. Вакурова [2009; 2014], О. И. Десюкевич [2012], Е. А. Мальчевская [2011] и др.

Описание методики исследования. Основное проявление жанровых трансформаций в прессе — исчезновение классических жанровых структур и стирание жанровых границ. Это справедливо и в от-

ношении жанров литературно-художественной критики. Напомним, что традиционно называют три основных ее жанра: рецензию, критическую статью и творческий портрет. Можно предположить, что нынешние жанровые трансформации сильнее всего затронули именно рецензию, на чем мы ниже и остановимся.

Объект рецензии — отдельное произведение, критической статьи — художественный процесс, творческого портрета — личность художника. Последние два жанра в современной прессе присутствуют (хотя в творческом портрете сместились определенные акценты). Присутствует и рецензия, но очень часто — далеко не в классическом своем виде. Редкостью стал обстоятельный анализ отдельного произведения (подчеркнем, речь идет не о научном литературоведении, а о литературно-художественной критике на поле журналистики). Но именно с анализа произведения начинается критика как таковая. Значит, деструктивные сдвиги произошли в самом фундаменте литературно-художественной критики. Читатель, автор получают от критика не анализ произведения, а «какую-то информацию». Двойственная информационно-оценочная функция рецензии перестает быть двойственной (рецензию называют информативно-аналитическим жанром [Риторические основы журналистики 2009: 205]). Рецензия все более приближается к простому информационному сообщению. Оценочные элементы там остаются в качестве «ритуального» компонента, не будучи подкреплены эстетическим анализом. В белорусской литературной критике эта ритуальность усугубляется излишним увлечением положительными отзывами, выполненными в орнаментальном, пафосном стиле, который сегодня воспринимается как абсолютный анахронизм.

Некоторые примеры рецензий (а мы обратились к рецензиям на поэтические сборники) должны проиллюстрировать озвученные тезисы. Но сначала приведем перечень обязательных (по О. А. Сальниковой) структурных элементов рецензии [Там же: 208]: сообщение о произведении искусства (автор, название, место и время создания и публикации); общая характеристика-оценка произведения; анализ содержания и формы произведения; определение места произведения в творчестве автора или в литературном процессе в целом (надо сказать, что без этого вообще задачу критики нельзя считать выполненной); привлечение внимания читателя к произведению. Обратим внимание на то, в какой степени эти элементы присутствуют в рецензиях на поэтические сборники в еженедельнике «Літаратура і мастацтва».

Анализ материала. В № 28 (13 июля) за 2012 г. под рубрикой «Новые издания» помещен текст, который в идеале (если судить по названию рубрики) должен быть именно рецензией. Сразу бросается в глаза, что материал чрезвычайно маленький (примерно четверть газетной полосы), а это означает, что реализация жанровой модели рецензии в таком небольшом объеме была бы маловероятной. Тем более вызывает удивление несколько фактов. Во-первых, материал подписан тремя фамилиями. Во-вторых, в такой небольшой объем оказалась втиснутой информация не только о поэтическом сборнике Николая Ильинского «О любви... и не только», но и о различных побочных обстоятельствах, начиная с того, что «шмат шчырых добрых слоў было прамоўлена на адрас Мікалая Іванавіча» во время презентации указанной книги в библиотеке имени Янки Купалы, и заканчивая тем, что автору был вручен нагрудный знак Союза писателей Беларуси «За значительный вклад в литературу». Бесспорно, поэту комплиментарное звучание такого текста, в принципе, должно быть приятно, хотя очень часто художники ждут серьезного анализа своих произведений и не находят его. Читатель же получает из таких заметок очень скудную информацию. Действительно, первый структурный элемент рецензии присутствует, хотя и в скрытой

форме (трудно понять, почему она так полюбилась современным авторам): *Імя Мікалая Ільінскага даўно вядома чытачу* (с такого катастрофического штампа начинается рецензия. — А. Д.). *Яго творчы багаж складаюць самыя розныя паводле жанравага вызначэння* (жанравай прыналежнасці? — А. Д.) *тэксты. Гэта і вершы, і паэмы, і раманы: гістарычныя і дэтэктыўныя. Але хочацца звярнуць увагу на зборнік «О любви... и не только», выданы сёлета ў серыі «Бібліятэка Мінскага гарадскога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі».*

Читатель должен выискивать информацию о названии рецензируемого произведения. Повторяем, название рубрики — «Новые издания». Сразу после названия рубрики идет название материала — «Разносторонние увлечения», что само по себе выглядит довольно странно, потому что отсылает читателя к личности поэта, а не к книге. (Кстати, и само название непонятно: действительно, в материале упоминается о том, что автор книги — доктор исторических наук, но никакие другие увлечения, кроме литературного творчества, не называются.) А проблема в том, что авторы газетного материала восприняли факт выхода книги просто как повод рассказать о писателе.

Следующий структурный элемент рецензии — определение места произведения в литературном процессе и в творчестве автора — присутствует в материале минимально. О месте в литературном процессе речь даже не заходит, а о месте книги в творчестве автора говорится имплицитно: *У паэме «За Изюминской чертой» аўтар зноў звяртаецца да гісторыі, далёкага мінулага...* Имеется в виду, что к истории он обращался и в своих предыдущих книгах. Но не видим самого главного в рецензии — оценки: чем это обращение к исторической теме отличается от предыдущих, каких новых высот достиг автор в своем мастерстве? Соответственно, нет в тексте и наречий со значением оценки: *важно, значимо, актуально...* Вместо этого — архаичная в своей пафосности и малосодержательности фраза: *М. Ільінскі ўсхваляе лепшыя чалавечыя пачуцці: сяброўства, любоў, самаахвярнасць.* Разве самопожертвование — чувство? И сказать о современном писателе, в современном историко-поэтическом контексте, что он что-то восхваляет, — это, скорее всего, означает обидеть его.

Следующий структурный элемент — характеристика и оценка произведения. И снова находим лишь незначительные примеры их речевого воплощения: *О, як многа сказана тут аўтарам і пра любоў да Радзімы, гонар за яе, і пра родных, якія пайшлі ўжо з жыцця, і пра смутак па мінулым, далёка не заўжды дрэнным, і пра родную прыроду, якой аўтар непадробна захапляецца.* При этом заметим, что объектом характеристики и оценки является только тематика произведений, а не мастерство, не художественный уровень, не эстетические качества стихотворений, что должно быть основным в рецензии. Еще один пример оценочного мнения: *У зборнік увайшлі новыя вершы М. Ільінскага, а таксама выдатная паэма «За Изюминской чертой».* Если рецензенты называют поэму замечательной, то читатель может захотеть узнать, чем она замечательна, тем более что поэма сегодня — редкий и сложный жанр и написать замечательную поэму — трудная задача. Но никаких объяснений и аргументов в рецензии нет.

Что касается такого элемента структуры рецензии, как анализ содержания и формы произведения, то он в материале полностью отсутствует. Аналитическая часть должна быть основным компонентом рецензии. Строится она как текст-рассуждение. Но этого нет, что следует из анализа абзацев. В тексте-рассуждении первым в абзаце является предложение, которое содержит новое положение и оформляется как тезис. Соответственно, далее идет доказательство тезиса. Или какое-то принципиальное положение должно содержаться в последнем предложении абзаца, оформленном как вывод [Там

же: 210–211]. Анализируемый текст является, скорее, описанием с элементами повествования. И это заставляет задуматься: можно ли вообще написать рецензию, используя несоответствующий функционально-смысловой тип речи? Как видим, жанрология тесно связана со стилистикой текста. Не понимая этого, современные авторы даже тогда, когда им необходимо создать текст абсолютно конкретного жанра (такой информационный повод, как выход книги, однозначно требует жанра рецензии), теряются и пишут что-то невыразительное и по содержанию, и по форме.

Последний структурный элемент рецензии — привлечение внимания читателя к произведению, что реализуется в виде обращений к читателю, наименований адресата-читателя и адресата-автора (и читатель, и автор-писатель являются адресатами рецензии), а также в виде специфического использования местоимений, прежде всего местоимений *мы* и *он*. «Авторское МЫ заменяется на МЫ, объединяющее критика и читателя, этим рецензент привлекает читателя на свою сторону, подчеркивает, что его мнение — это мнение всех читателей. Автор-писатель в языковом плане противопоставляется местоимением ОН(а). Иногда местоимение ОН используется и по отношению к читателю, тем самым отстраняя его от критика», — пишет О. А. Сальникова [Там же: 211–212]. Указанные средства применяются авторами анализируемой рецензии, хотя довольно бедно и тривиально: *А мы, читатели, чакаем новых творца М. Ильинскага*.

Как видим, содержательно-стилистическая бедность, жанровая аморфность рассмотренного материала свидетельствуют о том, что нарушение законов жанра, их игнорирование не дают положительного результата. Такой текст может стать антирекламой книги, так как, исходя из его содержания, нельзя составить адекватного представления о произведении. К счастью, авторы случайно (а иначе и сказать нельзя) привели две цитаты из стихов Н. Ильинского, по которым читатель сам может судить о высоком художественном уровне произведений.

Замеченные сдвиги в структуре рецензий однотипно повторяются в материалах разных авторов, хотя иногда встречаются совершенно неожиданные нарушения структуры. Так, в рецензии Микола Малякко «Одна — из ста» (2012. 16 студ.) на книгу Ольги Нориной даже нет названия самой книги! То есть отсутствует первый структурный элемент рецензии, информационный, который, казалось бы, пропустить просто невозможно. Сам текст, опять же, построен как рассказ, а не размышление. Казалось бы, это выглядит как допустимый эксперимент, так как перед нами рассказ о судьбе лирической героини, но в итоге читатель очень мало получает из такой рецензии. Мы снова узнаем только о тематике стихотворений, что совершенно недостаточно для того, чтобы составить впечатление о поэтическом сборнике.

Только о тематике стихотворений узнаем и из рецензии Аркадия Русецкого «Живет, надеется, мечтает» (2012. 10 лют.) на книгу Олега Салтука. Правда, в конце немного говорится о конкретных «недостатках»: называются «агрэхі аўтарскай паспешнасці», приводится трафаретное сравнение в одном из стихотворений. Есть в рецензии и чрезвычайно показательная фраза: *Зусім не выпадкова, шаноўны чытач, я даў такую назву артыкулу, прысвечанаму кнізе вершаў «Дзве зары»...* Вот, оказывается, в чем проблема: авторы сами колеблются в определении того, тексты какого жанра они пишут. Напомним, отдельной книге можно посвятить и статью, но тогда должна быть сформулирована конкретная проблема, конкретизирован объект исследования; текст А. Русецкого — это именно рецензия, но с определенными особенностями в жанровой структуре.

Элементы интервью включены в рецензию Чеславы Полуян «Мимо солнца и крыльев» на книгу Дианы Арбениной «Аутодафе» (2012. 20 ліп.). И это было бы неплохо,

если бы обязательные структурные элементы собственно рецензии сохранились. Но «классические недостатки» трансформированной рецензии видим и здесь: речь идет только о тематике, отсутствует эстетический анализ...

О трансформации рецензии речь в науке идет давно. Так, еще в 1980-х годах писали о том, что наблюдаются две тенденции — так называемое саморазвитие жанра и возникновение жанровых модификаций (превалирует вторая тенденция) [Алексеева 1983: 21]. Т. С. Алексеева называет такие видовые формы, возникшие в результате саморазвития рецензии, как короткая или развернутая аннотация, мини-рецензия и эссе [Там же: 21]. Используется и термин *микрорецензия*. Интересно заметить, что исследователи утверждают, что в микрорецензии может рассматриваться одна, но существенная особенность произведения [Крикунов 1976: 22; Тертычный 2000: 143]. Но следует иметь в виду, что тематика стихотворений не является существенным аспектом для понимания своеобразия творчества того или иного поэта: тематика в лирике у всех почти одна и та же.

Всё сказанное не означает, что жанр не имеет права на видоизменения. Это подтверждает наличие на страницах «ЛіМа» текстов, которые представляют собой оправданное структурное трансформирование рецензии.

Обратим внимание на статью-рецензию Михася Кенько «Духовное пространство мира» (2012. 3 лют.). Речь идет о сборнике поэтических переводов Микола Метлицкого «Лучнась». Рассуждения о перипетиях переводческой деятельности на постсоветском пространстве переходят в серьезный анализ содержания сборника. М. Кенько — ученый, теоретик литературы, специалист по художественному переводу, искусно создает именно критический, т. е. журналистский, текст. Вот как автор рецензии привлекает внимание читателя к произведению: *Натуральна што не адзін чытач задасца думкай: як зроблены ўсе гэтыя пераклады, няўжо Мятліцкі ведае столькі моў?; Калі ты, чытач, добра знаёмы з лірыкай па-суседску вядомага нам класіка ўкраінскай літаратуры Тараса Шаўчэнкі, то параўнай вось гэтыя радкі...; ...чытайце кнігу «Лучнась», яна, у адпаведнасці са сваёй назвай, далучыць вас да ўзораў сусветнай паэзіі...*

При определенных условиях может оказаться уместным написание рецензии по законам повествовательного функционально-смыслового типа речи, что наблюдаем в материале Алексея Ненадавца «Родное и вечное» (212. 11 траўня), посвященном книге баллад Виктора Шнипа «Проза і паэзія агню». Баллада — жанр лирики, максимально приближенный к эпосу. Рецензент нашел интересную форму для разговора о содержании сборника: он рассказывает историю народа, которая вырастает из судеб героев произведений. При этом присутствует эстетический анализ: *Увогуле, для зборніка В. Шніпа характэрная архетыпічнасьць. Пераканайцеся самі...; Паэт спрабуе нідзе не дапусціць перарывання традыцыі, бо яна для яго самае галоўнае... Таму нават асацыятыўнасьць, метафарычнасьць творцы заўсёды глыбінная, «гаворачая»...; ...памяць — вельмі важная для В. Шніпа катэгорыя... К сожалению, в текст закралась распространенная ошибка: *абагуленыя вобразы* (вместо *абагульненыя*).*

Малый объем не обязательно должен приводить к структурным изменениям рецензии. Наглядным свидетельством этого можно считать небольшую рецензию Михася Даниленко на книгу стихотворений для детей Микола Чернявского «Сонечны кошчык» (2012. 27 крас.) или материал Михася Ковалева «Вино одиноких от Михася Башлакова. Несколько слов-рассуждений о новой книге поэта» (2012. 13 крас.), в котором автор определяет жанр: «некалькі слоў-разваг». Это позволяет выразить оценку, но вынести за скобки анализ, что не выглядит в этом случае как недостаток.

Иными словами, любые жанровые трансформации возможны тогда, когда либо сохраняются все необходимые структурные элементы базового жанра, либо эксплицитно (как в предыдущем примере) или имплицитно обосновывается сама жанровая трансформация. Например, материал Левона Телеша «Богатый творческий путь сельского учителя» (2012. 1 чэрв.), хотя и имеет в качестве информационного повода выход книги «Выбранае» Аркадия Нафрановича, строится как творческий портрет, что позволяет сделать тип рецензируемого издания (сборник избранных произведений содержит тексты, писавшиеся в течение долгого времени, а значит, сам информационный повод позволяет обратиться уже к жанру творческого портрета).

Бесспорно, встречаются в «ЛіМе» и рецензии классической жанровой структуры. Обратимся к ним, чтобы убедиться в возможностях этого жанра. Особенно обратим внимание на структурные элементы жанра, которые отсутствовали в рассмотренных выше текстах. Речь идет о самых существенных для рецензии элементах — эстетическом анализе, определении места произведения в литературном процессе. Именно эти компоненты поднимают критический текст на качественно иной уровень.

Перед нами рецензия Сергея Чигрина «„Полымя роднае“ Владимира Гайдуга» (2012 27 студ.). Вот конкретные примеры использования структурных элементов, которых не хватает в «облегченных» вариантах анализируемого жанра: ...*Уладзімір Гайдук даўно вырываўся з... матэрыяльна-фізічнай сялянскай прыгнечанасці; Пошукі глыбіні, спробы раскрыць у жанры лірычнага верша ўсю складанасць духоўнага свету чалавека, яго псіхалогіі — без гэтага немагчыма ўявіць Гайдуга-паэта; Паэтычныя радкі арганічна развіваюць фальклорныя традыцыі...* (далее — цитата из стихотворения); *Уладзімір Гайдуг — паэт нешматслоўны, схільны да афарыстычнасці...; Ёсць, праўда, у зборніку і слабыя радкі і строфы. <...> Здаецца, гэтыя радкі-экспромты пісаліся проста дзеля рыфмы* (далее — пример).

Содержательной можно назвать рецензию Натальи Сидоренко «„Собачье занятие“ или реклама» (2012. 10 лют.) на книгу поэтических пародий Анатолия Зэкова «Каханне на снезе». Особенно удачным в ней является реализация таких структурных элементов жанра, как оценка и анализ: ...*пародыя для А. Зэкава — гэта самастойны твор, дзе ён не столькі паказвае паэта, колькі выказвае сябе. І робіць гэта віртуозна, з зайздросна вымаляванай парадаксальнасцю, а то і абсурднасцю той ці іншай сітуацыі, у якую трапляе лірычны герой. Што ж датычыць парадзіруемых радкоў, то яны для парадыста ўсяго толькі штурушок да тэмы, па-сапраўднаму аб'ёмнага абагульнення. У тым і адрозненне Анатоля Зэкава ад, скажам, таго ж парадыста-мэтра Георгія Юрчанкі, у аснове пародый якога не толькі тэматычныя, а і стылявыя абсягі творцы, — далее идет анализ конкретного примера. Заметим, что здесь реализуется (через сравнение с Г. Юрченко) и такой структурный элемент рецензии, как определение места произведения в литературном процессе. Всего один абзац — а классические законы жанра полностью проявлены!*

Наконец, образцовая рецензия самого Анатолия Зэкова «Между огнем и стужей» на сборник стихотворений Анны Новик «Сумёты агню» (2012. 2 сак.). Вот как А. Зэков пишет о месте молодой поэтессы в нашем литературном контексте: *Выхопліваю гэтыя, на першы погляд, лозунгавыя радкі з вершаў і разам з паэтэсай радуся і сам, бо колькі выпадае чытаць паэтычных строф іншых 17–20 гадовых дэбютантаў, у якіх столькі песімізму і расчаравання, нібыта жыццё іх не на самым пачатку, а ўжо выйшла на фінішную прамую. <...> У Ганны Новік нават халодная восень, з пранізлівымі вятрамі і працяжнымі абложнымі залавамі, — любімая часіна года, чыстая і светлая...*

Мастерски автор рецензии использует оценку и анализ: *Паэтэса імкнецца адным-двума штрыхамі намаляваць запамінальную карціну...*; *Валодае паэтэса і гумарыстычным дарам* (далее — примеры из стихотворений); *Ці ўсё так гладка і бездакорна ў кнізе Ганны Новік «Сумёты агню»? Безумоўна, не... Паэтэса не пазбегла моўных хібаў.* <...> *Граматычна нявывераны і такі паэтычны радок, як...; Наўрад ці апраўдана і ўжыванне ў сур'ёзным вершы размоўна-студэнцкага жаргону...* и т. д.

Все необходимые структурные элементы рецензии есть и в материале А. Зэкова «Я не сумую — я живу...» (2012. 27 крас.), посвященном книге Татьяны Атрощенко «Не я...». Перед нами рецензия с элементами творческого портрета, что обогащает ее, дополняет и развивает сигнификативные характеристики текста.

В стилистическом отношении некоторые авторы, судя по всему, путают литературную рецензию с научной. Последняя действительно является жанром «с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста» [Баженова, Котюрова 2003: 62]. В науке критика не образует самостоятельной отрасли научного творчества, а критика литературно-художественная — это именно творческая деятельность, и переносить на нее стилистические законы научных жанров нельзя. Из трех основных жанров критики (рецензия, статья, творческий портрет) ближе всего к научному дискурсу стоит статья, но совершенно очевидно, что и она не может создаваться в научном стиле. Тем более это касается рецензии. Основной стиль для всех трех жанров — публицистический.

Штампы — постоянная проблема публицистических текстов, не избежала ее и газетная рецензия. В рецензии штамп — образование более широкое, чем словосочетание, отдельная метафора и т. д. К сожалению, в рецензии иногда получает штампованное речевое воплощение характеристика и оценка произведения: *...в ней [книге] много действительно ярких образов, хороших стихотворений* (2012. 20 ліп.); *...кніга атрымалася* (2012. 1 чэрв.). Приведенные выражения не несут на себе никакой информативной нагрузки, как и в следующих конструкциях: *Интересны такжэ и воспоминання про опаленне войной детство...*; *Строкі В. Макаревича заставляюць задуматься о кождой мінуте жыцця...* (212. 10 жніўня).

Штампы часто являются составляющей второй проблемы — орнаментального архаического стиля. В белорусской литературной критике авторы часто злоупотребляют пафосными выражениями. Принятый стиль можно назвать стилем «всеобщего умиления», тем более что и само слово (*замілаванне*) почему-то очень полюбилось критикам: *Чалавечае замілаванне маці-прыродай выяўлена ў кнізе глыбока і разам з тым проста* (2012. 27 студ.). И через одно предложение: *Калі чытаеш яго творы, адчуваецца і замілаванне аўтара да слова народнага...*

Излишняя орнаментальность — явление в чем-то противоположное штампованности, но проблемы эти схожи по своей природе. Вот «ритуальное» заключение одной из уже упоминавшихся рецензий: *Няхай паэтычная душа Уладзіміра Гайдуга яшчэ доўга гарыць творчым полымем і піша пра Польшыя роднае і не толькі* (2012. 27 студ.). За пафосностью кроется и логическая ошибка: *душа... піша*.

Казалось бы, следить за соблюдением норм в текстах — одна из основных задач редакторов. Однако встречаются и грамматические ошибки, и словообразовательные, и нарушения лексической сочетаемости: *...з жыцця адной сабакі* (в белорусском языке *сабака* — существительное мужского рода); уже упоминавшиеся *абагуленья вобразы* (вместо *абагульнення*); *Яго аўтабіяграфічная аповесць «Мая адысея» была ўзнагароджана Літаратурнай прэміяй імя Уладзіміра Караткевіча* (повесть может быть отмечена

на премией, а наградить можно только автора); *Но в итоге же...* (избыточное употребление союза и частицы); *Первое, на что обращаешь внимание, — интересные названия, среди которых есть строки, похожие на раннее творчество Владимира Маяковского и Сергея Есенина, сходство с Анной Ахматовой...* (почему строки — среди названий, как названия могут быть похожи на творчество?); *Немало строк адресовано матери... проблемам родной земли, явлениям природы...* (проблемам и явлением может быть что-то посвящено, но не адресовано); *...так называется раздел, в котором собраны рассказы и воспоминания автора о Родине, его пометки и исследования, дневниковые записи, анализ произведений других авторов...* (анализ — не жанр, следовательно, это существительное не может быть в данном ряду однородных членов); *В них [стихах и рассказах] боль, радость, мудрость, тепло... Иными словами — все человеческие переживания (мудрость, тепло — это не переживания); Каждый день, который хочется запомнить и поделиться своими эмоциями, мыслями* (синтаксическая бессмыслица).

Некоторые выражения хотя и не являются примерами нарушения языковых норм, но выглядят неуклюжими, банальными: *Сборник стихов и рассказов... поражает серьезностью и четкостью; Стихи и рассказы Валерия Гришковца — душевные и серьезные* (создается впечатление, что автору рецензии не хватает оценочных эпитетов); *В книге используются документы, материалы периодической печати, ссылки на научные труды и многие цитаты и высказывания (?); В повести «Застолье» просматриваются некоторые отрезки жизни автора...* (некоторые эпизоды биографии?). В результате анализируемый текст воспринимается недоработанным, небрежным в плане речевой культуры.

Результаты исследования. На материале публикаций в еженедельнике «Літаратура і мастацтва» рассмотрены жанрово-стилистические трансформации в современной литературной рецензии. Чаще всего жанр рецензии трансформируется по следующим параметрам: отсутствуют необходимые структурные элементы (определение места произведения в литературном процессе или в творчестве автора, анализ содержания — если не считать тематики — и формы произведения), использован несоответствующий функционально-смысловой тип речи (например, повествование вместо рассуждения), включаются элементы других жанров (обычно творческого портрета). Классическая рецензия часто превращается в мини-рецензию. Именно ее белорусские исследователи называют наиболее распространенным жанром литературно-критических материалов [Аляшкевіч 2012: 370].

Информативность рецензий, в структуре которых не пропущены основные элементы, значительно выше информативности «облегченных» вариаций этого жанра. Следовательно, все возможные жанровые трансформации должны осуществляться с учетом необходимости сохранения первичных функций рецензии, реализация которых возможна именно благодаря наличию в тексте основных структурных элементов жанра.

Из стилистических проблем современной рецензии в качестве наиболее значительных были отмечены речевые штампы, использование архаичного орнаментального стиля и нарушение таких коммуникативных качеств речи, как правильность, точность и логичность.

Выводы. Жанровые трансформации в современной белорусской рецензии сводятся к тому, что: 1) чаще всего жанр неправомерно лишается необходимых структурных элементов, вследствие чего переходит из группы аналитических жанров в группу информационных; 2) жанр включает в себя элементы иных жанров, вследствие чего возникают гибридные образования (например, статья-рецензия).

С одной стороны, стилистические погрешности в рецензии схожи с таковыми и в других жанрах и могут быть поняты в контексте общего снижения стиля, а с другой стороны, белорусская литературная рецензия сохраняет элементы стиля, свойственного литературоведческому дискурсу советского времени, что сегодня воспринимается как анахронизм.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т. С. Рецензия в газете (на материалах центральной общеполитической прессы 1979–1983 гг., посвященных анализу произведений искусства и литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Аляшкевіч М. Літаратурная крытыка ў медыякультурнай прасторы Беларусі 2000-х гг.: функцыянальна-жанравая трансфармацыя // Журналістыка-2012: стан, праблемы і перспектывы. Вып. 14. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2012. С. 368–370.

Баженова Е. А., Котюрова М. П. Жанры научной литературы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 57–67.

Бициган Д. Д. Цитация в англоязычной рецензии // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика. 2011. № 2. С. 7–13.

Вакурова Н. В. Жанр рецензии как форма PR // Журналистика в 2008 году: общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. М.: МедиаМир, 2009. С. 443–444.

Вакурова Н. Рецензия в неспециализированном массовом издании // Журналістыка-2014: стан, праблемы і перспектывы. Вып. 16. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2014. С. 518–521.

Десюкевич О. Композиционно-стилистические и дискурсивные характеристики жанра рецензии // Жыццём і словам прысягаючы...: зб. навук. прац / пад рэд. В. І. Іўчанкава. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2012. С. 148–157.

Дускаева Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 664–675.

Крикунов Ю. А. Рецензия в газете: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.

Мальчевская Е. Структура и жанровая принадлежность современной рецензии // Журналістыка-2011: стан, праблемы і перспектывы. Вып. 13. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2011. С. 385–387.

Мошникова Н. Н. Лингво-когнитивный аспект исследования дискурса театральной рецензии: на матер. современных англоязычных печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Риторические основы журналистики: работа над жанрами газеты; учеб. пособие. М.: Флинта, 2009.

Синдеева Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000.

Яворская С. М. Рецензия как тип текста (на материале англоязычной рецензии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

REFERENCES

Alekseeva T. S. A review in the newspaper (based on publications in the mainstream political press in the years 1979–1983 dealing with analysis of works of art and literature): Abstract of PhD thesis [Retsenzija v gazete (na materialah tsentralnoi obshchepoliticheskoy pressy 1979–1983 gg., posvjashchennyh analizu proizvedenij iskusstva i literatury): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 1983.

Aliashkevich M. Literary criticism in the media-cultural environment of Belarus in the 2000's: functional transformation of the genre [Litaraturnaja krytyka u medyjakulturnaj prastory Belarusi 2000-h

gg.: funktsyjanalna-zhanravaja transformatsyja] // Journalism 2012: its state, problems and prospects [Zhurnalistyka-2012: stan, prablemy i perspektyvy]. Vol. 14. Minsk, 2012. P. 368–370.

Bazhenova E. A., Kotjurova M. P. Genres of the science literature [Zhanry nauchnoj literatury] // Encyclopaedic Dictionary of Style of the Russian Language [Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka] / ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2003. P. 57–67.

Bitsigan D. D. Citation in the English reviews [Tsitatsija v anglojazychnoj retsenzii] // Bulletin of Moscow State Regional University. Linguistics [Vestnik MGOU. Ser. Lingvistika]. 2011. No. 2. P. 7–13.

Desyukevitch O. Compositional, stylistic, and discursive characteristics of the genre of review [Kompozitsionno-stilisticheskije i diskursivnyje harakteristiki zhanra retsenzii] // The oath of life and word... [Zhytstvsjom i slovam prysjahajuchy...] / ed. by V. I. Iuchankau. Minsk, 2012. P. 148–157.

Duskaeva L. R. Linguistic and stylistic alterations in contemporary media [Jazykovo-stilisticheskie izmenenija v sovremennyh SMI] // Encyclopaedic Dictionary of Style of the Russian Language [Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka] / ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2003. P. 664–675.

Javorskaja S. M. Review as a category of text (based on the texts of English-language reviews): Abstract of PhD thesis [Retsenzija kak tip teksta (na materiale anglojazychnoj retsenzii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 2000.

Krikunov J. A. A review in the newspaper [Retsenzija v gazete]. Moscow, 1976.

Malchevskaja E. The structure and genre attribution of the contemporary review [Struktura i zhanrovaja prinadlezhnost' sovremennoj retsenzii] // Journalism 2014: its state, problems and prospects [Zhurnalistyka-2014: stan, prablemy i perspektyvy]. Vol. 13. Minsk, 2014. P. 385–387.

Moshnikova N. N. The linguistic and cognitive aspect of the study of theatre review discourse: based on modern English-language print media: Abstract of PhD thesis [Lingvo-kognitivnyj aspekt issledovanija diskursa teatralnoj retsenzii: na materiale sovremennyh anglojazychnyh pechatnyh SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 2006.

Rhetorical basics of journalism: studies in the newspaper genres [Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki: rabota nad zhanrami gazety]. Moscow, 2009.

Sindeeva T. I. Literary genre “newspaper review” and its linguistic and textual characteristics: based on English language materials: Abstract of PhD thesis [Rechevoj zhanr “gazetnaja retsenzija” i ego lingvotekstovye harakteristiki: na mater. anglijskogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 1984.

Tertychnyj A. A. Genres of the periodical print media [Zhanry periodicheskoy pechati]. Moscow, 2000.

Vakurova N. V. Genre of review as a form of PR [Zhanr retsenzii kak forma PR] // Journalism in the year 2008: public agenda and communication media practices [Zhurnalistika v 2008 godu: obshchestvennaja povestka dnja i kommunikativnyje praktiki SMI]. Moscow, 2009. P. 443–444.

Vakurova N. Review in a mass media periodicals [Retsenzija v nespetsializirovannom massovom izdanii] // Journalism 2014: its state, problems and prospects [Zhurnalistyka-2014: stan, prablemy i perspektyvy]. Vol. 16. Minsk, 2014. P. 518–521.

УДК 81'42;
ББК 76.32;
ГРНТИ 19.61.45;
КОД ВАК 10.01.10

.....
П. П. Жолнерович
Минск, Беларусь

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРОКА НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ ЭКРАНЕ

.....
Петр Петрович Жолнерович, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.
220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 406.
E-mail: zhaunier62@tut.by.

© Жолнерович П. П., 2017

Постановка проблемы. Состояние и возможности современной медиаиндустрии, пронизывающей все сферы информационного общества, таково, что она начинает выступать самостоятельным субъектом общественных отношений как в отдельном государстве, так и в международном масштабе, формирует повестку дня и расставляет в ней определенные акценты, эксплицитно либо имплицитно содержащиеся в медиатекстах. «Информация становится жизнеобеспечивающим продуктом для общества» [Ивченков 2009: 195]. Ввиду широкого диапазона жанровых и внутрижанровых отличий медиатекстов их квалификация и приобщение к глобальной речевой категории, определенной как публицистический стиль, вызывает многие вопросы и требует глубокого теоретического осмысления. В языкознании именование названного стиля претерпевает постоянные коррективы: можно встретить такие терминологические сочетания, как *публицистический стиль*, *газетно-публицистический стиль* [Цікоцкі 2002: 161], *стиль массовой коммуникации* [Солганик, Дроняева 2002: 21] и др. Понимая расширенное толкование публицистического стиля, М. Н. Кожина еще в 1970-х годах выделила внутри него понятие «собственно-публицистический» [Кожина 1977: 53], что вполне оправдано типологией самих текстов, входящих в конкретный подстиль.

История вопроса. Анализ лингвистических и журналистских исследований по данной проблематике показывает, что первые десятилетия XXI в. ознаменовались постепенным вытеснением терминологического сочетания *публицистический стиль* использованием названий институциональных типов дискурса, когда текст рассматривается в ситуации реального общения. Приближение лингвистических исследований текста к коммуникативистике дает возможность выделить компоненты дискурса: участники, хронотоп,

цели, ценности, стратегии, тематику и др. [см.: Карасик 2002: 318–330]. Но и в данном случае остается та же проблема дробления широкого понятия «медиадискурс» на разновидности и жанры, что приближает подобные исследования к медиалингвистике, к журналистским изысканиям. «Медиалингвистика, — констатирует В. И. Ивченков, — дает много преимуществ в определении структурных, системных и функциональных особенностей языкового факта, так как затрагивает пласт познания текста как коммуникативного явления (события, ситуации, социального контекста), дает доступ к распознаванию таких важных сторон коммуникативного акта, как социальная иерархизированность участников его, целевые установки, собственно намерения, традиционность и установление речевых канонов, внутреннее и внешнее конструирование речевого поведения, наконец производство и потребление текста (социально-когнитивный подход)» [Гучанкаў 2016: 291]. Кроме того, как отмечает Л. Р. Дускаева, «снижение уровня исследовательской абстракции и переход анализа с функционального стиля на его разновидности неизбежно приводит к переакцентировке исследовательских интересов, поскольку они фокусируются не на интегральных речевых свойствах, а на дифференциальных, характерных для отдельных ситуаций» [Дускаева 2013: 52], а это, в свою очередь, вызывает появление исследований, затрагивающих именно конкретный журналистский жанр.

Методика исследования. Система информационных жанров современного медиатранспорта настолько разнообразна, что даже классическая заметка приобретает свои жанровые разновидности. В частности, исследователи выделяют «событийную заметку, анонс, аннотацию, мини-рецензию, блиц-портрет, мини-обозрение, мини-совет» [Лащук 2004: 11]. Известный жанрист А. А. Тertyчный справедливо утверждает, что «жанровое разнообразие продукта журналистского творчества в настоящее время может расширяться и за счет включения в процесс жанрообразования в СМИ такого ранее малозаметного жанрообразующего фактора, как структура текстов» [Тertyчный 2016: 119]. Рассматриваемая информационная строка еще менее объемна, нежели заметка, по типу она соответствует хроникальному сообщению. В данном случае дискурсивные компоненты сужаются: первейшей целью коммуникации становится информирование аудитории в наиболее общих чертах об изображаемом событии без проникновения в сущность его внутренних взаимосвязей, без проведения его анализа. Будучи размещенной в нижней части телевизионного экрана, информация подобного хроникального сообщения приобретает только ей характерные параметры и не может быть целиком отнесена к письменной речи, которая традиционно рассматривается как прерогатива печатных СМИ.

В отличие от газетных хроникальных сообщений, которые часто публикуются под рубриками «Хроника дня», «Коротко», «В мире», «В стране» и т. п., информационная строка не дает реципиенту возможности временного раскрепощения, возможности повторного (именно по его желанию) возврата к тексту. В отличие от хроникальных радиосообщений, информационная строка на телеэкране визуально приобщает к тексту без аудиосопровождения. Эти два важных параметра дополняются наложением видеокартинки и аудиотекста, совершенно не связанных с тематикой информационной строки, и позволяют квалифицировать информационную строку как отдельный жанр публицистического текста, интегрирующий отдельные параметры печатной и электронной журналистики.

При появлении на экране информационной строки возникает психологически парадоксальная ситуация, при которой зритель, читая сообщение, вынужден, во-первых,

прослушивать звук, принадлежащий голосу ведущего либо сопровождающий видеосюжет (работают органы слуха), и, во-вторых, «дробить» зрение как основное внешнее чувство для чтения текста, причем оно то и дело может переключаться на верхнюю часть экрана (если слух уловит интересующую информацию). Все это позволяет утверждать, что самый простой, на первый взгляд, журналистский текст требует от зрителя достаточно сложной умственной работы в рамках так называемого «клипового мышления». А оно, в свою очередь, стало следствием развития коммуникационных технологий и Интернета, позволивших телевизионщикам в полной мере использовать возможности подключения дополнительного информационного контента на телеэкране при трансляции своих каналов.

«Клиповое мышление» становится мегатрендом современной жизни, чрезмерно насыщенной новостным продуктом, поэтому идеи Э. Тоффлера о несостоятельности в информационном обществе «идеи любого исчерпывающего синтеза» [Тоффлер 2010: 356] сегодня претерпевают существенные изменения. Действительно, потребителю информационной строки не дается времени для оценивания фактов, «мы не настраиваемся на волну автора, а воспринимаем, всасываем, абсорбируем текст за счет других техник», — утверждает Л. Данилкин (URL: <http://chtenie-21.ru/smi/6325>), что многими исследователями трактуется как привитие неспособности к критическому мышлению. В то же время современный когнитивный стиль предопределен, по мнению К. Г. Фрумкина, ускорением темпа жизни и увеличением объема информационного потока, заставляющими прибегать к отбору информации и ее сокращению; повышением требований к актуальности информации и скорости ее поступления, что сокращает время на ее обработку и установление причинно-следственных связей; возрастающим разнообразием поступающей информации; ростом числа одновременных дел или действий, что предполагает необходимость восприятия различных информационных потоков; ростом демократии и диалогичности на разных уровнях социальной системы [см.: Фрумкин 2010]. Вследствие этого включение информационной строки воспринимается вполне оправданным приемом, не выпадающим из общих тенденций развития информационного общества и, скорее всего, мало приводящим к когнитивным изменениям у реципиента. Ведь «нельзя игнорировать то обстоятельство, что человечество в течение веков поступательно двигалось к приобретению нового стиля мышления, которое, скорее всего, является просто еще одним этапом в развитии человечества, вектор которого одно поколение не в силах изменить» [Гриценко 2012: 74]. Господство интернет-технологий и их внедрение в современные информационные потоки через газеты, радио и телевидение обязательно вызовет (и вызывает) «приспособленческую» реакцию в когнитивных способностях получателей.

Анализ материала. Информационная строка генетически восходит к телетайпной ленте (не хватает лишь стука печатающего устройства) и, видимо, к информационным табло. Например, в 1970–1980-х годах в Минске на площади Якуба Коласа существовала видеогазета, которая знакомила жителей города с основными новостями путем их трансляции в виде строки на огромном удлинённом прямоугольном экране. Современные электронные рекламные панно используют информационную строку с оstanовкой, целью чего становится привлечение внимания потенциального покупателя к товару. Но текст информационной строки на телеэкране все-таки заимствован прежде всего из материалов информационных агентств, и ее широкое распространение связано с внедрением во все сферы жизни глобальной информационной сети и созданием телеканалов и собственных сайтов.

Телевизионная информационная строка в процессе функционирования уже приобрела свои разновидности, которые можно классифицировать следующим образом.

1. Экстренная, или эпизодическая. Тексты строки появляются во время трансляции любой телепередачи, информируя зрителей о возникновении новости, привлекающей всеобщее внимание: *Уважаемые телезрители! В 23.00 смотрите экстренный выпуск «Вестей»* (Россия); *Уважаемые телезрители! В 22.00 смотрите прямое включение из Центризбиркома* (НТВ). В этом случае текст медиасообщения трафаретен, тема экстренного выпуска не сообщается (она либо известна из предыдущих новостных передач, либо дублирует основную тему дня, например выборы). В отдельных случаях информационная строка включается эпизодически, что характерно для т/к “Euronews” во время проведения выборов, крупных политических событий мирового уровня, при совершении терактов; для подобной строки характерна частая повторяемость через определенное время: *FRANCE: MARINE LEPEN’S FAR-RIGHT NATIONAL FRONT LOST ELECTION RUN-OFFS — EXITPOLLS* (“Euronews”).

2. Приновостная, которая является обязательным атрибутом всех новостных выпусков (т/к «Мир», ОНТ (Беларусь), НТВ и др.). Приновостная информационная строка может иметь свои особенности на различных телеканалах. Например, ОНТ в 18.00 в бегущей строке целиком дублирует аудиосопровождение теленовостей (даже интервью) для инвалидов по слуху, в чем проявляется также социальная функция такой информационной строки. Отдельные телеканалы, например Первый канал, используют информационную строку в конце новостного выпуска для прогноза погоды (это увеличивает время для видеоконтента). Приновостной можно считать и строку, включаемую при трансляции утренних информационно-развлекательных программ на многих телеканалах.

3. Постоянная информационная строка характерна для телеканалов узкой тематической направленности (бизнес-канал РБК, новостной канал “Euronews”, православный канал «Союз»). Строка может исчезать лишь при показе рекламы. На т/к «Союз» постоянная информационная строка не исключается даже при трансляции богослужений и других, важных в отношении православного вероучения, передач. Для многих коммерческих телеканалов постоянная информационная строка служит для размещения рекламных сообщений (т/к ВТВ, ТВ 3 и др.), благодаря наличию которых каналы и существуют.

4. Бегущая и всплывающая, или сменяемая, информационная строка. Именно над этими разновидностями наиболее часто экспериментируют телеканалы. Так, т/к «Мир», “Euronews” и ОНТ (кроме упомянутого выпуска в 18.00) в последнее время изменили свои бегущие информационные строки на всплывающие (сменяемые).

Важными характеристиками бегущей информационной строки являются скорость ее движения по экрану и повторяемость. Скорость предопределяется возможностями прочтения информации зрителем, а повторяемость помогает тем, кто не успел ознакомиться с сообщением. В рассматриваемых примерах наибольшая скорость — у т/к НТВ и “Euronews” (до перехода на всплывающий вариант), наименьшая — у т/к «Союз». Повторяемость в приновостной бегущей строке также зависит от количества сообщений и хронометража выпуска новостей. Например, выпуск «Наши новости» (ОНТ), длящийся примерно 25 минут, содержит приблизительно 40 сообщений бегущей строки, что дает возможность ее «прокрутки» более трех раз (строка обрывается с последними словами ведущего). Это в принципе помогает зрителю ознакомиться с информацией.

Всплывающая информационная строка наиболее профессионально используется т/к “Euronews”. Структурно она включает в себя логотип канала, тему сообщения, предложение сообщения, текущее время:

euronews. | BELGIUM | Belgiums foreign minister finally sings the CETA deal | :08
| ahead of EU-Canada summit in Brussels this Sunday |

Тема сообщения варьируется в зависимости от смыслового наполнения предложения и заменяется при появлении коммерческой информации: MARKETS EUROSTOXX, MARKETS CURRENCIES, MARKETS METALS и т. п., а также прогноза погоды: METEO TODAY. Причем данная информация обычно транслируется посредством бегущей строки.

5. Одноуровневая и двухуровневая информационная строка. Большинство телеканалов использует одноуровневую информационную строку. Однако т/к РБК пошел дальше, создав двухуровневую информационную строку, отражающую специфику канала. Первый (верхний) уровень — постоянная бегущая строка. Вторым (нижним) уровнем — бегущая строка коммерческой информации (биржевая индексы и под.). Кроме того, в правом нижнем углу экрана присутствует не бегущая, а сменяемая (всплывающая) строка (курсы валют и др.). Скорость движения информационной строки первого уровня ниже, чем второго.

6. Информационная строка, графически отображаемая на экране только прописными буквами, и информационная строка из букв обычного начертания. Первую используют каналы с бегущей информационной строкой (НТВ, “Euronews” до перехода на всплывающий вариант) и «Мир» со всплывающей информационной строкой.

Телеканалы, стремящиеся придерживаться классической подачи теленовостей, не используют принудительную информационную строку, по-видимому констатируя этим нежелание отвлекать зрителя от основного контента новостных выпусков («Россия», Первый канал, «Беларусь 1» и др.).

Лингвистические особенности информационной строки обусловлены ее назначением — информировать зрителя об основных событиях дня. В связи с этим прагматика сообщений должна отражать точность и логичность построения высказывания. Разнообразные оценочные, метафорические и иные второстепенные коннотации языкового знака целиком отсутствуют либо сведены к минимуму. Свобода самовыражения журналиста, так называемое авторское «я» как категория журналистского текста, в данном случае ничтожна или даже неприемлема. В. И. Ивченков подчеркивает, что «авторское „я“ выражается в публицистическом тексте градуально. Если иметь в виду информационную заметку, то эта категория в ней минимизирована» [Иўчанкаў 2003: 89]. В то же время коллективное авторство текстов информационной строки наиболее выражено, приобретает концептуальный характер и проецируется на всю телекомпанию. «Принцип коллективного авторства порождает особые механизмы организации и производства текста» [Там же: 92]. Следует, однако, заметить, что выбор сообщений информационной строки, их компоновка могут в отдельных случаях свидетельствовать о предпочтениях ее составителей.

Сообщения информационной строки, не принадлежащие телеканалу, должны сопровождаться ссылками на авторство, чаще всего коллективное: преимущественно это информационные агентства: Суд Камбоджи после допроса вернул С. Полонского в тюремную камеру (**Интерфакс**) (РБК); В Гродненской области изъяты до решения суда 94 автомобиля нелегальных перевозчиков (**БелТА**) (ОНТ); **ДЕТСКИЕ САДЫ БУДУТ ОТКРЫВАТЬСЯ ПРИ ВУЗАХ — МИНОБРНАУКИ** (НТВ) и др. Сообщения, не содержащие ссылок на авторство, априори принадлежат телеканалу. В то же время РБК не без оснований

сопровождает собственные сообщения ссылкой на канал: *Россия начала передавать Турции данные разведки по Сирии, необходимые для проведения операции «Щит Евфрата» (РБК)*; *Amnesty International признала Facebook и WhatsApp самыми безопасными мессенджерами в мире (РБК)*, а “Euronews” и НТВ дублируют свой логотип перед каждым сообщением информационной строки, подтверждая таким образом их принадлежность телеканалу: *euronews. LEBANON | Political dialogue may bring Lebanon’s two-and-a-half years without a President to an end, as Saad Halili, backs Gen. Aoun (“Euronews”)*; **НТВ. ВЛАСТИ ЭКВАДОРА ОСТАВЯТ АССАНЖА БЕЗ ИНТЕРНЕТА ДО ОКОНЧАНИЯ ВЫБОРОВ В США** (НТВ).

В связи с этим вызывают неприятие сообщения информационной строки т/к ОНТ, которые очень редко содержат ссылки на авторство: *Канада договорилась о безвизовом режиме с Румынией; Тайфун «Хайма» обрушился на Гонконг вслед за Филиппинами; Убежища в Германии попросили 35 турецких дипломатов; Витебская область завершила уборку льна*. Первые три сообщения не могут принадлежать телеканалу, у которого практически нет зарубежной корреспондентской сети.

Сообщение информационной строки по структуре приближается к хедлайну (англ. *Headline*), который представляет собой «заголовок, содержащий главную новостную информацию материала» [Лашук 2004: 38]. Однако этот заголовок не имеет продолжения (лида), что характеризует сообщения информационных агентств, не имеет и основной части (как в газетной заметке). По сути, появление информационной строки на телеэкране вызвано наличием у канала собственного сайта и широким использованием там хедлайна как важнейшего элемента для поисковых систем. Сообщение в строке является хедлайном и одновременно текстом, что предъявляет к нему особые требования.

Смысловое наполнение сообщения строки должно соответствовать требованию завершенности. «От композиции в пределах самого хедлайна — что поставить на первое место, на чем акцентировать внимание — зависит качество его смысловой структуры» [Карпович 2007: 30]. Простое предложение, не осложненное придаточными частями, причастными и деепричастными оборотами, является основным в сообщении бегущей строки: *Д. Медведев принял участие в дискуссии Гайдаровского форума «Глобальные вызовы интеграции (РБК)*; *В американском штате Нью-Йорк ввели ограничения на продажу огнестрельного оружия (ОНТ)*; **ФИЛЬМ «УЧЕНИК» СЕРЕБРЕННИКОВА НОМИНИРОВАН НА «АЗИАТСКИЙ ОСКАР»** (НТВ); **НА ФИЛИППИНАХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ С СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПОГИБЛИ 10 ЧЕЛОВЕК** («Мир»).

Поток сообщений информационной строки обычно выстраивается иерархически, ведь следование текстов может свидетельствовать о формировании повестки дня самим каналом. Тематическое разнообразие информации, неумение расставить ее по степени важности превращает строку в мелькающий калейдоскоп, из которого зрителю действительно трудно выделить главное, особенно если он знакомится с такими новостями: *В Швеции открыли кладбище для атеистов (ОНТ)*; *В Минске появилось такси для домашних животных (ОНТ)*; **АРХАНГЕЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ ПОДДЕРЖАЛА ОБШИВКУ СТАРИННОГО ХРАМА САЙДИНГОМ** (НТВ). И одновременно читает включенные в эти же информационные строки сообщения: *На Ямале разбился Ми-8 — 19 погибших, есть выжившие (ОНТ)*; **ГРАЖДАН РОССИИ НЕ БЫЛО НА БОРТУ РАЗБИВШЕГОСЯ НА МАЛЬТЕ САМОЛЕТА** (НТВ). Выход видится, например, в рубрикации медиасообщений по важности, как это практикует т/к РБК (**ГЛАВНЫЕ, НОВОСТИ ЧАСА, СПОРТ** и др.), либо в указании темы подобно т/к “Euronews”.

Неприемлемо использование сообщений информационной строки через 24 часа в том же выпуске новостей, так как это противоречит требованию оперативности любого хроникального сообщения. В частности, это практикует т/к ОНТ, в «Наших новостях» (20.30) которого иногда встречается пять и более повторных сообщений (случалось, что сообщения транслировались даже на протяжении трех суток).

Использование цитат в сообщении информационной строки необходимо соотносить с осведомленностью телезрителя. Например, в следующем примере представляется недостаточным использование лишь инициала и фамилии цитируемого государственного деятеля: *А. Клепач: РФ необходимо смягчение денежно-кредитной политики* (РБК), кроме того, сомнительно, что это может быть главной новостью. Ср. однотипное сообщение этого же телеканала: *Глава МЧС Пучков: Пока рассматриваются все версии пожара в психоневрологическом интернате в Воронежской области* (РИА Новости) (РБК), а также: *ПУТИН: ЕДИНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НЕ СОЗДАН* («Мир»); *ДЕТСКИЕ САДЫ БУДУТ ОТКРЫВАТЬСЯ ПРИ ВУЗАХ — МИНОБРНАУКИ РФ* (НТВ).

С переходом на использование всплывающей информационной строки возникает новая проблема: длина хедлайна уменьшается до ширины телевизионного экрана, что вызывает сокращение уточняющей информации, включаемой посредством второстепенных членов простого предложения. Ограниченное количество печатных знаков с пробелами (в среднем от 50 до 70) делает сообщения информационной строки сжатыми до минимума: *Канада договорилась о безвизовом режиме с Румынией* (ОНТ), *ГЕНАССАМБЛЕЯ ООН В 25-й РАЗ ПРИЗВАЛА СНЯТЬ БЛОКАДУ КУБЫ* (Мир); *ПОРОШЕНКО ПОРУЧИЛ ПОВЫСИТЬ ЗАРПЛАТЫ В 2017 ГОДУ В СРЕДНЕМ В 2 РАЗА* («Мир»), возникают некорректные сокращения: *В Беларуси отменены ограничения для физлиц на хранение алкоголя* (ОНТ). Пожалуй, именно этим объясняется замена прописных букв на строчные при переходе т/к «Euronews» с бегущей информационной строки на всплывающую и разделение ее на экране на два уровня: *ITALY | Two strong earthquakes rock central Itali, caused damage and // blocking roads, but to casualties have been reported.*

В сообщении *Французские военные вступили в боевой контакт с малийскими мятежниками* (Интерфакс) (РБК) конструкция *боевой контакт* антропична, что связано с нежеланием прямого именования боя с соответствующими последствиями для участников, и требует корректировки. Сообщение *Мировая экономика сэкономила 1 трлн долларов из-за сокращения атак сомалийских пиратов* (ОНТ) нуждается в стилистической правке из-за явной тавтологичности.

Сообщение *Pink Floyd сняли клип на песню 1969 года* (ОНТ) не соответствует грамматическим требованиям координации подлежащего и сказуемого при использовании иноязычного наименования (желательно включить в предложение родовую принадлежность: *Группа Pink Floyd сняла...*). В данном случае телеканал повторил интернет-сообщение, на 90 % растиражированное в глобальной сети именно в таком разговорном варианте.

Глагол хроникального сообщения бегущей строки чаще используется в прошедшем (факт совершился), реже — в настоящем времени (факт совершается): *Минобороны России вывело на орбиту военный спутник* (Интерфакс) (РБК); *ОСУЖДЕННЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ СГОРЕВШЕГО КЛУБА «ХРОМАЯ ЛОШАДЬ» ПОПРОСИЛ ОБ УДО* (НТВ); *Беларусь и Латвия положительно оценивают итоги сотрудничества в 2012 году* (ОНТ).

Сообщения информационной строки практически никогда не состоят из двух предложений, что диктуется требованиями к хедлайну. Видимо, поэтому отдельные сообщения искусственно сконструированы как одно предложение и требуют переработки.

Например: В провинции Идлиб на севере Сирии совершена серия терактов; более 40 человек погибли (ТАСС) (РБК). Главная новостная информация — гибель людей — перемещена в конец предложения, на первое место вынесен ответ на вопрос «где?». В Индии местная жительница посадила 400 тыс. деревьев — 60-летняя индианка занимается озеленением 46 лет (ОНТ). В этом сообщении вторая часть, возможно, стояла в лиде, который уточняет, расширяет хедлайн, а составители включили в сообщение два факта. Экстренная бегущая строка MALI: THE REGIONAL IMPACT. STAY TUNED FOR IN-DEPTH ANALYSIS WITH AFRICAN AFFAIRS SPECIALIST FRANCIS KRATINDÉ (“Euronews”) состоит из двух предложений ввиду необходимости указания в первом из них общей темы (именительный темы — аналог рубрики в газете).

Вызывает сомнение включение в бегущую строку сообщений, оформленных пассивными конструкциями и содержащих глаголы будущего времени: *Функции транспортного контроля в пунктах пропуска в Беларуси в 2013 году планируется передать таможенным органам* (ОНТ) (кто будет принимать это решение?); *Публичная библиотека американского города Айова-Сити, штат Айова, введет запрет на сон в помещении* (ОНТ) (когда будет введен запрет?). Некоторые сообщения вызывают дополнительные вопросы из-за неполноты информации; чаще всего должно быть предложение с цитатой: *ВСЕ ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ В СОЧИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СДАНЫ ДО 15 ИЮНЯ* («Мир») (кто принял такое решение?); *Верховная Рада Украины в ближайшее время может принять все законопроекты, необходимые для выполнения плана действий по либерализации визового режима с Евросоюзом* («Мир») (кто проинформировал об этом?); *Белорусы смогут ездить в Аргентину без виз* (ОНТ) (когда вводится безвизовый режим?); *МВФ РАССМОТРИТ НОВУЮ ПРОГРАММУ ДЛЯ МОЛДОВЫ 7 НОЯБРЯ* («Мир») (когда рассматривалась предыдущая и существовала ли она вообще?).

Следует отметить особенности постоянной бегущей строки православного телеканала «Союз». Она сохраняет основные характеристики религиозного дискурса: обращения (*Братья и сестры!*), широкое перечисление титулов действующих иерархов и православных святых, сложные синтаксические конструкции с многочисленным количеством однородных членов предложения и т. п. В бегущей строке отсутствуют сообщения-хедлайны, а вместо них используются заметки, анонсы. Это, во-первых, усложняет знакомство зрителя с информацией (часто сообщение длится несколько минут), а во-вторых, полностью отвлекает его от телевизионной передачи. Приведем лишь начало одной такой заметки: *По благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла в Екатеринбурге проходит VIII Международная православная выставка «Русь крещенная, святая...». В этом году проект объединил более 150 участников из России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Израиля, Греции. Более половины из них представляют монастыри, подворья, духовные издательства и образовательные центры Русской Православной Церкви... В конце заметки содержится приглашение посетить выставку. В результате заметка приобретает черты рекламной. Такая же рекламная функция видится и в повторяемой информации с просьбой о финансовой поддержке канала: *Дорогие друзья! С 6 октября мы проводим благотворительный марафон «От Сергия до покрова» в поддержку телеканала «Союз», для продолжения и развития телеканала. В первую очередь нужно погасить долги за вещание с апреля по сентябрь. Всего 44 млн. рублей... («Союз»)*. Особенно способствуют перлокутивному эффекту наличие строки во время трансляции богослужений (на экране лишь священник, читающий молитвы перед иконами) и медленная скорость движения строки.*

Выводы. Таким образом, сообщения информационной строки на телеэкране имеют свои, только им присущие характеристики. Использование строки продиктовано желанием телеканалов увеличить объем контента посредством использования имеющегося на собственном сайте. Однако психологические особенности восприятия такой информации не до конца изучены и требуют дальнейшего исследования. Пока трудно дать ответ на вопрос, почему не все телеканалы используют информационную строку (возможно, именно она отвлекает зрителя от предлагаемых новостей дня).

Лингвистические особенности сообщений информационной строки продиктованы требованиями к хедлайну как к предпочтительному заголовку любого информационного материала. В информационной строке минимизировано авторское «я» и максимально проявляется коллективное авторство журналистского текста. Бегущая информационная строка менее подвержена влиянию физических характеристик телеэкрана, в отличие от всплывающей, которая ограничена определенным количеством печатных знаков. Сообщения информационной строки нежелательно насыщать разнотипной информацией, так как это затрудняет зрителю фильтрацию главных новостей.

ЛИТЕРАТУРА

Гриценко И. А. Клиповое мышление — новый этап развития человечества // Учен. зап. РГСУ. Сер. Социальная педагогика и психология. 2012. № 4. С. 71–74.

Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: основные подходы и методики // Слова ў кантэксте часу: пленар. дакл. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2013. С. 49–55.

Ивченков В. Культура общения: риторический образ времени // Слова ў кантэксте часу: зб. навук. прац. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2009. С. 188–199.

Ўчанкаў В. І. Дыскус беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: Белор. дзярж. ун-т, 2003.

Ўчанкаў В. Медыялінгвістыка: вытокі, асаблівасці фарміравання і прыярытэты // Журналістыка-2016: стан, праблемы і перспектывы. Мінск: Белор. дзярж. ун-т, 2016. С. 289–292.

Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Карповіч М. Хедлайн: сэнсавая і граматычная структура // Журналістыка-2007: надзённыя праблемы: перспектывы. Мінск: Белор. дзярж. ун-т, 2007. С. 28–34.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977.

Лащук О. Р. Редактирование информационных сообщений: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2004.

Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие. М.: Академия, 2002.

Тертычный А. К вопросу о классификации жанров современных СМИ // Журналістыка-2016: стан, праблемы і перспектывы. Мінск: Белор. дзярж. ун-т, 2016. С. 117–120.

Тоффлер, Элвин. Третья волна. М.: У-Фактория, 2010.

Фрумкин, Константин. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос: лит.-филос. журн. 2010. 22 сент. URL: <http://www.topos.ru/article/7371>.

Цікоцкі М. Я. Стылістыка тэксту. Мінск: Беларус. навука, 2002.

REFERENCES

- Cikocki M. Ja.* Textual stylistics [Stylistyka tekstu]. Minsk, 2002.
- Duskayeva L. R.* Media linguistics in Russia: main approaches and methods [Medialingvistika v Rossii: osnovnije podhody i metodiki] // [Slova u kantextce chasu: plenarniya daklady]. Minsk, 2013. P. 49–55.
- Frumkin K.* Clip thinking and the fate of linear text [Klipovoje myshlenije i sudba linejnogo teksta] // Topos [Topos: lit-filos. zurn.]. 2010. 22 Sept. URL: <http://www.topos.ru/article/7371>.
- Gricenko I. A.* Clip thinking — a new stage of human development [Klipovoje mizhlenije — novij etap razvitija chelovechestva] // Sci. notes of RSSU [Uchen. zap. RGSU. Ser. Socialnaja pedagogika i psihologija]. 2012. No. 4. P. 71–74.
- Iuchankau V.* Media linguistics: the origins, peculiarities of formation and priorities [Medijalingvistika: vitoki, asablivasti farmiravannia i pryjaritety] // Journalism-16: status, problems and prospects [Zhurnalistika-2016: stan, prablemy i perspektivy]. Minsk, 2016. P. 289–292.
- Iuchankau V. I.* The discourse of the Belarusian media: organization of nonfiction text [Diskurs belaruskich SMI: arganizacija publicistichnaga tekstu]. Minsk, 2003.
- Ivchenkov V.* The culture of communication: the rhetocial image of the time [Kultura obshchenija: ritoricheskij obraz vremeni] // The word in the context of the time [Slova u kantextce chasu: zb. navuk. prac]. Minsk, 2009. P. 188–199.
- Karasik V. I.* Language circle: personality, concepts, discourse [Jazikovoj krug: lichnost, kontsepty, diskurs]. Volgograd, 2001.
- Karpovich M.* Headline: semantic and grammatical structure [Hedlajn. Sensavaja i gramatichnaja struktura] // Journalism-2007: pressing issues: perspectives [Zhurnalistika-2007: nadzjonnyja prablemy: perspektivy]. Minsk, 2007. P. 28–34.
- Kozhina M. N.* Stylistics of the Russian language [Stilistika russkogo jazyka]. Moscow, 1977.
- Lazhuk O. R.* News editing [Redaktirovaniye informacionnyh soobchenij]. Moscow, 2004.
- Solganik G. J., Droniajeva T. S.* Modern Russian stylistics and speech culture [Stiltstika sovremennogo russkogo jazyka i kultura rechi]. Moscow, 2002.
- Tertychny A.* On the classification of modern media genres [K voprosu o klassifikacii zanrov sovremennyh SMI] // Journalism-16: status, problems and prospects [Zhurnalistika-2016: stan, prablemy i perspektivy]. Minsk, 2016. P. 117–120.
- Toffler E.* The third wave [Tretja volna]. Moscow, 2010.

**МЕДИАТЕКСТ: СТРУКТУРА, КОМПОЗИЦИЯ,
ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ**
.....

УДК 070:791;
ББК 81.1;
ГРНТИ 19.51.51;
КОД ВАК 10.01.10

Л. П. Саенкова-Мельницкая
Минск, Беларусь

**ФУНКЦИИ АВТОРСКОЙ КОЛОНКИ
О КИНО
КАК КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОГО
МЕДИАТЕКСТА**

Людмила Петровна Саенкова-Мельницкая, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературно-художественной критики Института журналистики Белорусского государственного университета.
220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 318.
E-mail: sayenkova@gmail.com.

© Саенкова-Мельницкая Л. П., 2017

Постановка проблемы. Несмотря на меняющиеся параметры современного общественного устройства и связанный с этим процесс активного формирования энтропийного поля, культурологи определяют нынешнюю ситуацию как время «культурного перехода». Под этим понятием чаще всего подразумевается уровень технологической оснащенности современного общества, степень снижения зависимости человека от природы, возможности более комфортного обустройства коллективной и индивидуальной жизни. Однако, как известно, общества, ставшие по уровню технико-экономического развития постиндустриальными и информационными, не всегда вызревают духовно. «Культурный переход», думается, в большей степени должен означать осознание смыслов, норм, целей, ценностей собственно культуры. По сути, это и есть процесс освоения и осмысления гуманистических принципов и императивов. Одной из главных задач современного медийного пространства является открытие сущностных общечеловеческих смыслов и ценностей, возможностей и критериев для гуманистического выбора. Тексты многообразного медийного поля, как правило, соотносятся с ценностными параметрами общества. Культурный потенциал медиатекста раскрывается в соотнесении с аксиоландшафтом общества. Вектор современного цивилизационного развития направлен в сторону не столько культуры, сколько массовой культуры, не столько нравственно-духовной сферы, сколько материально-технологичной.

Начиная с последнего десятилетия XX в. в журналистике обозначились явления, которые свидетельствовали о выпадении некоторых СМИ из пространства культуры. Ученые стали констатировать «дегуманизацию логосферы», «игнорирование этических принципов», «разрушение эстетических традиций», «словесный беспредел», «деформацию общечелове-

ческих ценностей». Одним из признаков культурной «состоятельности» современных медиатекстов является наличие гуманистического потенциала, который раскрывается через определенные авторские стратегии, в том числе и через языковые, стилевые нюансы. В белорусских СМИ более всего этот потенциал раскрывается в авторских колонках по проблемам современной культуры, искусства. Арт-колумнистика, ставшая постоянной и неотъемлемой частью некоторых белорусских изданий, свидетельствует о насущной потребности приобщения к общечеловеческим ценностям посредством искусства, противостоящим заметным разрушительным тенденциям.

Понятие «медиатекст» в лингвистическом и культурологическом аспектах имеет различия. Медиатекст как лингвистическое явление — форма, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [Современный медиатекст 2011: 6] и в которой выделяются лингвомедийные особенности. Текст в системе массовой коммуникации, как и любой другой текст, предопределяется такими признаками, как информативность, целостность, целеполагание, субъектно-объектные отношения, «обработанность речетворческого материала» [Сметанина 2002: 66]. Однако в культурологическом аспекте медиатекст обладает некими дополнительными характеристиками. Об одном из самых существенных параметров высказался в свое время Ю. М. Лотман: «Исходным для культурологического понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса... языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры выраженности» [Лотман 1992: 133]. «Дополнительная выраженность» означает наличие тех ценностно значимых признаков, которые соотносимы с концептуальными позициями культуры. Такие же черты выделены и Т. Г. Добросклонской: «Культурологический подход к толкованию понятия текст позволяет выделить в нем те черты и особенности, которые оказываются значимыми с точки зрения общей концепции культуры» [Добросклонская 2008: 170–171].

Культурологическая составляющая медиатекста соотносится не только и не столько с разнообразными вопросами художественной культуры, освещаемыми в СМИ, сколько с особенностями раскрытия гуманистических и смыслообразующих императивов в этих текстах. Сегодня, когда в культуре ощущается «комплекс неполноценности, порожденный осознанием ограниченности своих возможностей и полномочий», когда «культура, как живая личность, переживает агрессивность, озлобленность, обиду и провокативность» [Князева 2016: 443], эти императивы особенно важны. По сути, у культуры и у СМИ как части культуры должны совпадать основные цели: быть ретранслятором гуманистических ценностей и способствовать развитию человека, общества. Медиатекст, как и культура, может не только представлять новые смыслы, но и быть хранилищем культурной памяти. В какой-то степени можно констатировать, что современная медиасреда является не столько фоном, сколько генератором развития культуры. Как заметил исследователь проблем трансформации культуры В. В. Миронов, «система массмедиа переходит из состояния некоего фона культурных событий в их творца, заставляя культуру функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства как новой функциональной системы современного общества» [Миронов 2012: 104]. Однако принцип завершенности, доминировавший в классической культуре, сегодня замещен принципом фрагментарности, раздробленности. Целостность окружающего контекста (текста) нарушена, и каждый волен извлекать,

складывать свои смыслы из раздробленной реальности. Свою лепту в формирование блип-культуры (термин введен Э. Тоффлером), т. е. культуры, основанной на фрагментарном восприятии действительности, пренебрежении содержательными смыслами, вносит и медиасреда. Своеобразной альтернативой этим процессам являются медиатексты под негласным грифом «авторское». Разновекторные процессы обозначили в современной журналистике очевидную дуалистичность: тяготение, с одной стороны, к коммерциализации, массовизации, стандартизации, с другой — к индивидуализации, подчеркнутой субъективизации. На это обратил внимание белорусский исследователь В. И. Ивченко: «Методы журналистского творчества претерпевают качественные изменения в сторону еще большей технологизации процесса, с одной стороны, и нарастания индивидуального, с другой. Возникает журналистика мнений: сегодня мы говорим о персонифицированности современного журналиста, равно как и о медиациентричности мира. Все это происходит на фоне интегрированных учений, связующим звеном которых является информация как инструмент познания действительности [Ивченко 2016: 85].

«Авторские тексты», «авторское высказывание», «авторская журналистика», подобно понятиям «бардовская песня», «авторское кино», является зоной откровения, пространством смыслов, с которыми возможно соотнесение смыслов тех, к кому обращено высказанное слово.

Методы исследования. Поскольку объектом исследования является авторский медиатекст в системе координат культуры, то одним из наиболее предпочтительных методов является культурологический метод, позволяющий оценить представляемый артефакт в многообразии внутренних и внешних связей. Культурологический метод помогает выявить не только художественные закономерности произведения искусства, но и многообразные закономерности функционирования этого произведения во времени и пространстве, а также занимаемое этим произведением место в мировом художественном контексте. Анализ функциональных особенностей авторской колонки, посвященной вопросам киноискусства, предполагает обращение к методам системно-целостного анализа и киногогерменевтики (основы которых разработаны Е. Левиным и Д. Салынским), позволяющим выявить синтез содержания и формы, авторской мировоззренческой основы и особенностей авторского киноязыка. Наиболее полный анализ текстов печатных СМИ возможен при использовании метода контент-анализа, помогающего раскрыть и систематизировать содержательно-тематическое поле медиатекстов.

История вопроса. Понятие «автор текста», возникшее, как известно, на волне технологического оснащения коммуникационных процессов, является следствием гоменизации культуры в целом и коммерциализации литературы в частности. Созданная в недрах массмедиа и постоянно меняющаяся новая реальность благоприятствует индивидуальному самовыражению. На это обратил внимание Н. Луман: «Поскольку массмедиа порождают некую фоновую реальность... то от нее можно и оторваться, выделиться на ее фоне своими личными мнениями, прогнозами, предпочтениями и т. д.» [Луман 2005: 104]. В самом понятии «автор» заложена своеобразная дихотомия. Авторство свидетельствует, с одной стороны, об акцентировании индивидуального, личностного, о выработке механизмов самозащиты от унификации, с другой — о появлении новых стандартов: мировоззренческих, стилевых — и об утверждении нового типа диктата — авторского. С одной стороны, авторство спровоцировало зарождение и расцвет массовой культуры, с другой стороны, авторство в любом тексте является сво-

еобразным знаком сопротивления всеобщей массовизации культуры. Однако важнее всего то, что наличие автора как определенной категории, как структурообразующего элемента обеспечивает не только целостность текста, но и целостность запечатленной реальности, а также предметно-смысловую завершенность в результате авторско-рефлексивного осмысления этой реальности.

Выявившаяся в отечественной журналистике с 90-х годов прошлого столетия тенденция к выраженной субъективации текстов определила появление жанра «авторская колонка». Именно с периода трансформации социокультурной ситуации открылись шлюзы для свободного авторского высказывания. Понятие «автор» как смыслообразующая и стилевая категория в советской и постсоветской журналистике было всегда. Но «автор» как выразитель не столько общественного идеала, сколько своей индивидуальной позиции по поводу ситуации, выделенной как значимое явление, опять же исходя из собственного, авторского, выбора и интересов, обозначился с конца XX в. В то время чаще использовалось понятие «авторская колонка», позже — «колумнистика». Расцвету отечественной колумнистики способствовало несколько процессов: процесс конвергенции, процесс усиления мультимедийности [Ярцева 2011: 3], изменение векторов социального развития, открытый доступ к опыту зарубежных коллег, ситуация постмодернизма, усиление эссеистического начала в журналистских текстах, феномен блогинга. На рубеже XX–XXI вв. сформировалась та ситуация «вызова», ситуация потребности в свободном слове, которая предопределила ситуацию «ответа». Такой «ответ» предполагал появление не просто автора, создающего и предлагающего широкой аудитории свой текст, а автора, способного, в силу своих личностных, профессиональных качеств, даже автобиографических данных, создать своим текстом диалогическое пространство, своеобразное энергетически-смысловое поле. Приоритетные позиции стал приобретать автор как «человек думающий». Именно мысль автора, способная вовлечь в коммуникационное поле аудиторию, стала определяющим фактором в развитии и росте популярности колумнистики. Известный эссеист и радиоведущий Александр Генис в образной форме сформулировал это так: «В век общедоступной информации, которая льется из интернета, как вода из крана, только сочинители газетных колонок способны перегородить поток новостей, чтобы заставить нас задуматься. Колумнист — это тот, кого не только читают, но и пересказывают, он монополизирует беседу за каждым семейным завтраком, вызывает огонь на себя, провоцирует споры и зачинает дискуссии» [Генис 2005]. Несмотря на то что понятия «автор рубрики», «автор колонки» и «колумнист» представляются абсолютно идентичными, между ними есть разница. Разделительная черта между понятиями лежит в плоскости авторства. Не всякий автор колонки или рубрики может быть колумнистом. Колумнист — тот автор, которому доверяют, который обладает умением создавать особый эффект интимизации и при этом облекает свой текст в безупречно яркую речевую форму, порой не лишенную иронии и юмора. Это тот автор, у которого за созданным текстом открывается та картина действительности, которая в какой-то степени соотносится с представлениями об этой действительности адресата. Из сочетания нескольких представлений вполне может возникнуть нечто целостное. «Блестящие колумнисты — мастера синтеза, составления картин из разрозненных деталей. Колумнист пишет так хорошо, что приобретает право на субъективное мнение. С другой стороны, он пишет так хорошо, что уже не важно, что именно он пишет» [Бершидский 2006]. За этим ироничным замечанием видится определение цели и статуса колумниста.

Колонка, будучи текстом с ярко выраженными информативными и творческо-аналитическими составляющими, с принципиально выделенной авторской позицией, тем не менее не всегда определяется как самостоятельный жанр. Иногда по-прежнему не делается различий между колонкой как жанром, колонкой как частью текста и специальной рубрикой, имеющей свое устойчивое и постоянное место на полосе. «Полноправный жанр — колонка — рубрика, закрепленная за конкретным автором» [Кройчик 2000: 132]. В жанровой системе, предложенной А. А. Тертычным, авторская колонка не упоминается ни в одном из выделенных ученым жанровых видов [Тертычный 2000]. Г. В. Лазутина и С. С. Распопова, введя понятие «жанровая модель» и характеризую специфику жанров в зависимости от типа творческой деятельности журналиста, не определяют место колонки ни в «новостной», ни в «проблемно-аналитической» журналистике [Лазутина, Распопова 2012]. Некоторые авторы, упоминая колонку как специфическое жанровое образование, в то же время соединяют ее с комментарием, эссе, фельетоном, репликой [Ярцева 2011; Шостак 1998]. Рассматривая колонку как часть «исследовательско-новостных текстов» (термин Л. Е. Кройчика), подчеркивается, что колонка, будучи «монологом публициста», «близка эссе», «отличается от комментария» [Кройчик 2000: 152–153]. Несмотря на то что в европейской журналистской практике понятие «column» имеет давнюю историю, некоторые исследователи, предлагая разнообразную жанровую систему, тоже не рассматривали авторскую колонку как отдельный жанр. Например, французский исследователь Ж.-Л. Легардетт, анализируя такие жанровые блоки, как «благородные жанры», «жанры-фантазии», «жанры-комментарии», нигде не упоминает о колонке как о самостоятельном жанре [Legardett 1989].

Авторская колонка, появившись на стыке журналистики факта и журналистики мнений, вобрав в себя элементы многих жанровых «предшественников», является самостоятельным жанром по авторской позиции, цели авторского высказывания, по использованию разных форм персонализации текста, образно-стилистическому оформлению. Колонка — монологическая форма высказывания, в котором доминирующим элементом является ярко выраженное персонафицированное мнение по любому событию, явлению, факту и которое принципиально направлено на диалог с аудиторией.

В зависимости от темы, цели, авторской стратегии у каждой колонки есть свои особенности. Свои отличительные параметры есть и у колонок, посвященных вопросам культуры, искусства. Этот вид авторских колонок можно было бы обозначить как арт-колумнистику. Такие колонки представляют своеобразный синтез литературно-художественной критики и собственно журналистики [Marcus 2007]. Авторские колонки, ориентированные на представление самых разных артефактов, в Беларуси стали активно появляться с конца 90-х годов минувшего столетия. На авторство указывали специальные рубрики («Кино с...», «Музыкальный обзор от...», «У телевизора с...», «Пристрастия», «Личный вкус», «Пойдем в кино с Димой Р.»), имеющие определенное время выхода и место расположения на полосе. Однако далеко не все колонки можно было бы определить как арт-колумнистику, поскольку в некоторых из них авторское мнение заменялось информационной констатацией, лишенной рефлексивной аналитичности и эффекта персонафицированности. Ситуация изменилась в 10-х годах нынешнего столетия. Появились колонки, в которых очевидной стала модальность как категория выраженного авторского отношения, авторских стратегий и тактик и где были обозначены определенные аксиологические акценты. Это жанровая трансформация свидетельствовала о большей степени авторской свободы, о доверии автору, о редакционной (и в какой-то степени — социальной) ставке на автора не только как на носителя

информации, но и как на личность, способную предложить в авторской интерпретации концептуальное оформление той или иной информации. По сути, ставка на индивидуальное в какой-то степени означала то, что в свое время М. М. Бахтин назвал индивидуальным: «что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [Бахтин 1986: 17].

Анализ материала. Колонка «Кинодом» в одной из самых тиражных белорусских газет «СБ. Беларусь сегодня» появилась в 2014 г. с целью информирования читателей о самых значимых фильмах текущего кинорепертуара. Несмотря на то что в колонке, как иногда подчеркивается, предметом исследования является «субъект высказывания», а содержанием — «система переживаний» [Ярцева 2011: 18–19], думается, что предметом и содержанием авторского «переживания» является определенная тема, факт, проблема. В случае с «Кинодомом» таким предметом является фильм. Именно с отношения к предмету начинается поиск текстообразующих элементов. Аудитория данного печатного издания является массовой и сравнительно однородной как по социальной принадлежности, так и по сфере занятости, как по возрасту, так и по предполагаемым интересам. Поэтому предпочтительно выбрать тот фильм, который соответствовал бы интересам разных, но похожих по эстетическим предпочтениям читательских групп. Несмотря на то что выбор предмета авторского внимания соответствует принципу массовости, основным принципом остается индивидуальный подход, исходя из профессиональной подготовленности автора, его собственных эстетических предпочтений, степени осведомленности в развитии мировых кинотенденций. Поскольку в современном прокатном кинопространстве доминирует в основном американский мейнстрим, то найти в этом потоке авторское кино чрезвычайно сложно. Тем не менее предпочтительной авторской установкой в этой колонке является акцент на фильмах, ставших либо художественным открытием мирового уровня, либо откровением на уровне индивидуального авторского высказывания. Одна из функций, которая реализуется в данном медиатексте еще на стадии выбора фильма, — просветительно-популяризаторская (или художественно-познавательная). В поле зрения колумниста попадали как произведения, удостоенные наград на крупных международных фестивалях («Сын Саула», реж. Ласло Немеш; «Магия лунного света», «Иррациональный человек» и «Светская жизнь», реж. Вуди Аллен; «Голубь сидел на ветке, размышляя о бытии», реж. Рой Андерсон; «Молодость», реж. Паоло Соррентино; «Выживший», реж. Алехандро Иньярриту), так и те, которые стали заметным художественным явлением в прошлом (например, анимация Ю. Норштейна, А. Хржановского, фильмы В. Рубинчика). В разговоре о ярких художественных явлениях, не всегда понятных и принимаемых массовой аудиторией, одним из самых важных адресатов остается именно массовый читатель. Это значит, что, с одной стороны, надо выбирать такой фильм, который либо в «памяти народной», либо на «устах у всех», с другой — представлять такое произведение так, чтобы его художественная значимость была понятна именно этому читателю.

Балансирование между массовым и специальным, между коммерчески выгодным и художественно ценностным обусловлено свойством самой культуры — диалектическим противоречием между индивидуальным, личным и коллективным, общественным [Кнабе 1993]. Традиции и нормы, характерные для большинства людей в повседневной жизни и близкие отдельному человеку, в большей степени соотносятся с обыденной, «низовой» культурой. «Высокая» культура отстоит от житейских стереотипов, представляя «идеальный культурный пласт». Балансирование на грани «низкого» и «высокого», «массового» и «элитарного» предполагает определенный авторский стиль, где есть ме-

сто иронии, разговорной, экспрессивно окрашенной лексики. Такие авторские тексты, в которых сознательно устанавливается дистанция, близкая к адресату, предполагают и определенную ритмическую организацию: предложения, абзацы выстраиваются так, чтобы процесс чтения совпадал с заданной мелодикой. Например, представляя эстетически изысканный фильм южнокорейского режиссера Пак Чхан Ука «Служанка», автору колонки важно было начать текст с необычного факта, чтобы представить читателю специфическую художественно-образительную составляющую фильма: *Теперь это невозможно представить, что один из неформальных лидеров современного южно-корейского кино Пак Чхан Ук в свое время так и не смог освоить эстетику как учебный предмет в университете. А сегодня, похоже, равного ему в эстетике экранного зрелища трудно подыскать.* Далее следует та часть, где автор колонки в специально выбранной ритмической последовательности описывает художественные элементы кадров, давая возможность читателю почувствовать визуальную красоту экранного произведения: *Его скандально громкий фильм «Служанка» не может не восхищать безупречной изысканностью каждого кадра, в котором ощущаешь нежную фактуру японских кимоно, упругость кружевных накидок, прохладу японских садов и свежесть цветущей сакуры, холод серебряных оправ для зеркал из хризолитов и тепло богато вышитых гобеленов. В этом фильме что ни деталь — то блаженство для глаза, что ни сюжетный поворот — то удовольствие для ума* (СБ. Беларусь сегодня. 2016. 15 сент.).

Механизмы массовой культуры как доминирующей культуры общества потребления преобладают и в журналистских текстах независимо от издания, цели авторского высказывания, предпочтений аудитории. В условиях действия рыночных механизмов журналистика тоже становится частью рыночных отношений, где качество информационного продукта обуславливается не его художественными достоинствами, а «логикой товарного производства и обмена» [Вартанова 2004]. Критерием качества текста, в том числе и авторской колонки, является степень массовой востребованности, популярности. Одним из таких критериев в современном медиапространстве является количество читательских откликов. В некоторых редакциях этот критерий является основным. И вновь возникает противоречие. С одной стороны, совершенно очевидно, что у публикаций на темы культуры, искусства, аудитория гораздо меньшая, чем у публикаций на темы политики, спорта, криминала или даже экономики. Да и способность высказаться по вопросам культуры и искусства тоже гораздо меньшая. С другой стороны, любой опубликованный текст независимо от темы должен вызывать, по мнению редакции, максимальное количество «комментов». Как ни странно, но именно количество читательских откликов становится определяющим профессиональной состоятельности автора. Выработывается механизм зависимости автора от предпочтений массового читателя, от необходимости налаживать диалог с читательской аудиторией. Но есть еще и третий момент: колумнистика предполагает активное участие читателей в обсуждении той или иной темы. Возникающие в современном медиапространстве обстоятельства совсем не творческого плана способствуют выработке определенных авторских стратегий, позволяющих сохранять разумный баланс между потребительским эффектом и собственно ценностным, соответствующим сущностным императивам культуры.

Есть фильмы, созданные уникальным художественным языком и представляющие высокий авторский уровень «эстетического отношения к действительности», а значит, требующие определенной методики, подхода в объяснении формы и содержательной сущности (например, «Сын Саула», удостоенный премии «Оскар» как лучший иностранный фильм). Многоуровневая система таких произведений требует киногогерме-

невтического подхода, когда важно раскрыть как собственно художественный текст кинопроизведения, так и образ реальности, представленной в нем: *Для этого фильма как будто специально придуман новый киноязык, который позволяет зрителям пережить эффект присутствия невиданной прежде силы. Тот крик, вырывающийся наружу из глубин естества, так и остается застывшим в немом ужасе, которого прежде мы не переживали.* «Субъективная камера» оператора Матиаса Эрдели, работающая только на крупных планах и которая буквально по пятам следует за главным героем, выражает не столько его взгляд, сколько наше состояние в условиях беспросветного кошмара. Ощущение предельной достоверности и реального присутствия усиливается «щадающим» режимом, когда все жуткие сцены массового уничтожения показаны «размытым» фоном. Но именно эта расфокусировка и делает не ясно видимые трагедии самыми видимыми, самыми четкими, самыми жуткими. Пространство трагедии приобретает ту же объемность, что и само время войны (Там же. 21 апр.).

Однако предпочтения массовой аудитории сегодня являются главными в стратегии редакций. Критерий «легче, веселее» становится принципиальным в оценке качества «информационного продукта». Тем не менее, находясь на грани «массового» и «специального», автору колонки важно актуализировать смысл тех ценностей, которые «стимулируют развитие человека» [Лазутина 2013: 68]. В особенностях представления, анализа кинотекста реализуется ценностно-ориентирующая функция. Если учесть различия ценностных предпочтений аудитории, среди которых художественная культура не всегда является приоритетом, то роль медиатекста в ценностном самоопределении личности представляется чрезвычайно важной. Это является частью единого процесса гармонизации ценностных отношений общества в целом. Тексты «Кинодома» позволяют читательской аудитории соотнести или скорректировать свои эстетические предпочтения. Ценностно-ориентирующая функция способствует реализации другой функции — латентной. Как известно, латентная функция культуры предполагает осознание своей культурной идентичности в любой ситуации на внутреннем, интуитивном уровне. Читатели, которые не посвящены в предмет разговора, но имеют определенный культурный бэкграунд, через медиатекст осознают себя причастными к факту искусства. Конкретный контент авторской колонки через представление сущностных особенностей произведения киноискусства активизирует смысл универсальных ценностей. Так было с представлением фильма «Сын Саула», когда некоторые читатели (зрители), не видевшие фильм, откликнулись большим количеством комментариев, где были обозначены их гражданские позиции, отношение к войне, к памяти о войне. Возникла своеобразная «коммуникативная цепочка», когда каждое предыдущее мнение давало повод для возникновения последующего, когда аудитория почувствовала себя сопричастной не столько к появлению нового артефакта, сколько к обсуждению базовых ценностей. Оказалось, что медиатекст способствует поддержке в массовом сознании таких значимых для человека категорий, как жизнь, мир, добро, сопротивление разрушению. Сам факт выбора того или иного произведения для разговора, которое может вызвать в сознании аудитории соотнесение с нравственными категориями, по мнению Г. В. Лазутиной, «важнейшая из возможностей журналистики эффективно участвовать в ценностном ориентировании» [Там же: 70]. И это тоже сопряжено с главной целью и одной из главных функций культуры — гуманистической.

Реализация этой функции предполагает моделирование определенных ценностных отношений, которые являются приоритетными. Например, фильм «Неоновый демон» одного из самых заметных в мировом кинопространстве режиссеров Николаса Рефна,

участвовавший в конкурсной программе Каннского фестиваля, вызвал даже у профессиональной публики неоднозначное отношение. Появившаяся в отечественном прокате картина создала массовый ажиотаж, особенно в молодежной среде. Однако несмотря на внешнюю визуальную броскость, содержательный посыл фильма деструктивен. В рецензиях некоторых журналистов, молодых критиков была заметна позиция представить творение скандального режиссера как новое авторское слово, должное привлечь к себе внимание (*Рефн дает фору любому неповоротливому классику тем, как умело и современно обращается с материалом. Он шутит там, где другие серьезны, льет литры крови и рассыпает блески, пока фестивальны старожилы напыщенно надувают щеки и играют в занимательную философию*). — URL: <http://afisha.tut.by/news/reviews/505953.html>). Но иногда участие средств массовой информации в ценностном ориентировании проявляется с противоположной стороны: ничего не публиковать. В то время как Интернет заполнился огромным количеством негодующих зрительских отзывов, печатные СМИ Беларуси хранили молчание. По сути, этот фильм стал той «горячей точкой» в кинопространстве, которую надо было не обходить вниманием, а наоборот — обозначить, выявив не только авторское отношение, но и редакционную установку. «Если мы хотим, чтобы участие периодики в ценностном ориентировании „работало“ на гармонизацию ценностных отношений, деятельность редакционных коллективов должна быть осознанно гуманистической, осознанно направленной на решение задач, выдвигаемых временем» [Там же: 72]. Если предметом внимания критика, журналиста может стать неоднозначный по авторскому месседжу, вызывающий массовый интерес артефакт, то это может поспособствовать созданию того диалогического пространства, в котором смогут соотноситься, корректироваться разные ценностные идентичности. По сути, это будет реализация диалогическо-побудительной функции.

Авторская колонка по искусству становится для читателей возможностью не только соотнести свои эстетические предпочтения, художественные вкусы, но и повысить свой культурный уровень. Решение задачи культурного образования предполагает использование самых разных приемов: представление внешнего культурного (в данном случае — кино-) фона, обозначение закономерностей развития вида искусства и места в этом процессе творчества художника, акцентуация особенностей художественного стиля автора, репрезентация авторской идеи в сочетании с анализом художественного языка. Одним из заметных приемов в авторских колонках на темы искусства (в частности, в колонке «Кинодом») является использование интертекстуальных «вкраплений», которые дают возможность читателям ощутить объемность и культурный потенциал представляемой информации и которые являются следствием поисково-аналитической работы с претекстом. Например, представляя фильм Вуди Аллена «Светская жизнь», важно было сопоставить главного героя с образом режиссера, на что были прямые указания в самом фильме: *В каждом его фильме стоит искать его, великого автора. За притягательными ритмами нью-йоркских рэгтаймов и блюзов слышится любимая им бытовая мелодия бруклинских кварталов, откуда он сам родом, еврейских домов, где временами английский перемежается идишем; неказистый, но весьма интеллигентный молодой человек из «Светского общества» (Джесси Айзенберг) — альтер-эго режиссера* (СБ. Беларусь сегодня. 2016. 28 июля). Но еще интереснее было обнаружить обращение режиссера к творчеству Достоевского, Толстого, а в образе главного персонажа «Светской жизни» обнаружить черты Мышкина, Левина, Безухова. Наряду с претекстом не менее важную роль играет подтекст. Например, в колонке, посвященной громкому

успеху фильма «Палач» белорусского режиссера Вячеслава Никифорова на национальном российском конкурсе «Золотой орел», текст был оформлен таким образом, что подспудно прочитывалась мысль о бедственном положении белорусского кино, где известному режиссеру так и не удается получить право на постановку в родной стране. Возможно, по этой причине текст не был опубликован в массовой газете, а появился в специализированном журнале «На экранах»: *Вручение российских «Золотых орлов» заставило подумать о белорусском кино. Год назад на эту премию в номинации лучший анимационный фильм был представлен фильм «Федерик Шопен» белорусского режиссера Ирины Кодюковой. В этом году сразу трех «орлов» в разных номинациях получил фильм «Палач», снятый в России белорусским режиссером Вячеславом Никифоровым. Если бы у этих авторов была бы возможность создавать фильмы в Беларуси, то мы имели бы то национальное кино, которым можно было бы гордиться. Однако такая возможность если и появится, то очень нескоро* [Саенкова 2016: 2]. Точно так же и в разговоре об одном из самых ярких феноменов современного кинематографа — румынском кино — исподволь упоминались параллели с разными странами постсоветского пространства, имевшими общие стартовые возможности, общее прошлое, но по-разному распорядившимися своей киносферой.

Выводы. Авторская колонка является той уникальной формой, которая в общем новостном потоке представляет самодостаточное интеллектуально-рефлексивное пространство, способное реализовывать многочисленные культурные функции и ценностные установки, соотносимые с базовыми общечеловеческими ценностями.

Арт-колумнистика, обладающая своим инструментарием в создании личного, интимизированного диалога, удовлетворяя информационно-интеллектуально-эстетические запросы и способствуя росту культурного уровня аудитории, соотносится с принципиально важными позициями и функциональными особенностями культуры и является значимой частью современного медиапространства. Авторские колонки современного белорусского медиaproстранства, посвященные вопросам культуры, искусства, играют важную роль в определении как эстетических критериев, так и ценностных предпочтений общества. Несмотря на то что авторы колонок (киноколонок, в частности) вынуждены считаться с диктатом коммерческих законов, массовой культуры, с предпочтениями массового потребителя, в пространстве именно этих медиатекстов более всего ощутимы смыслы высокой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бершидский, Леонид. Почему Карл Иванович Шустерлинг скорее аналитик, чем колумнист // Ведомости. 2006. 27 марта. URL: <http://info.vedomosti.ru/smartmoney/article/2006/03/27/192>.
- Вартанова Е. Л. Медиаэкономика в системе современных исследований СМИ // Медиаскоп. 2004. № 1. URL: <http://mediascope.ru/node/185>.
- Генис, Александр. Поверх барьеров // Эфир радио «Свобода» от 26 июля 2005 г. URL: <http://www.svoboda.org/p/3318.html>.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта; Наука, 2008.
- Ивченко В. И. Журналистика в системе научных исследований: онтологический статус и перспективы // Vestnik BSU. Ser. 4. Philology. Journalism. Pedagogy [Весн. БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка]. 2016. № 2. С. 84–87.

Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1994.

Князева М. Л. Культура и СМИ: негативы информационного потенциала // Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы: матер. междунар. науч.-практ. конф. Москва, 5–6 февр. 2016 г. М.: МедиаМир, 2016.

Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭ-СЭП, 2000. С. 125–160.

Лазутина Г. В. Пресса в процессе ценностного ориентирования аудитории: возможности и результаты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 6. С. 66–78.

Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2012.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>.

Луман, Никлас. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

Мионов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Гуманитарий юга России. № 1. 2012. URL: http://www.isras.ru/files/File/Gumanitary_Yuga_Rossii/2012_1/Mironov.pdf.

Саенкова, Людмила. Не заметить «Орлов» невозможно // На экранах. 2016. № 2. С. 2.

Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.

Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск: Омск. гос. ун-т, 2011.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000.

Шостак М. И. Журналист и его произведение: практ. пособие. М.: Гендальф, 1998.

Ярцева С. С. Колумнистика: история возникновения и перспективы развития: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.

Legardett, Jan-Luc. Les secretes de l'écriture journalistique. Paris: Syros Alternative, 1989.

Marcus, Richard. Critic and reviewer: a difference in Intent // Blogcritics. 2007. May 13. URL: <http://blogcritics.org/critic-and-reviewer-a-difference-in/>.

REFERENCES

Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity [Aestetica slovesnogo tvorchestva]. Moscow, 1986.

Bershidskij, Leonid. Why is Karl Ivanovich Shusterling more analyst than columnist [Pochemy Karl Ivanovich Shusterling bolee analitik chem columnist] // Vedomosti. 2006. 27 March. URL: <http://info.vedomosti.ru/smartmoney/article/2006/03/27/192>.

Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: a systematic approach to the study of media language [Medialingvistika: sistemniy podhod k izucheniyu yazyka SMI]. Moscow, 2008.

Genis, Alex. Over barriers [Poverh barierov] // Radio "Svoboda": ether was 26 July 2005.

Ivchenkov V. I. Journalism in the research system: the ontological status and prospects [Zhurnalistika v sisteme nauchnyh issledovaniy: ontologicheskii status i perspektivy] // Vesnik BDU. Ser. 4. Philalogia. Journalism. Pedagogika. 2016. No. 2. P. 84–87.

Knabe G. S. Materials to the lectures on the general theory of culture and culture of Ancient Rome [Materialy k lekciyam po obschey teorii kultury i culture antichnogo Rima]. Moscow, 1993.

Knyazeva M. L. Culture and mass media: negatives of informative potential [Kultura I SMI: negativy informacionnogo potenciala] // Informative potential of society and resources of the mediasystem: materials of international conf. [Informatsionnyj potentsial obsh'estva i resursy mediasistemy]. Moscow, February, 5–6 2016. Moscow, 2016.

Kroichik L. E. System of journalistic genres [Sistema zhurnalistskih zhanrov] // Bases of creative activity of journalist [Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista] / ed. by S. G. Korkonosenko. St Petersburg, 2000.

Lazutina G. V. The press in the process of the valued orientation of audience: possibilities and results [Pressa v processe tsennostnoi orientacii auditoria: vozmozhnosti i rezultaty] // The Moscow Univ. Herald [Vestn. Mosk. un-ta]. Ser. 10. Journalism. 2013. No. 6. P. 66–78.

Lazutina G. V., Raspopova S. S. Genres of journalistic work [Zhanry zhurnalistskogo tvorchestva]. Moscow, 2012. Selected papers: in 3 volumes vol. 1. Tallinn: 1992

Legardett, Jan-Luc. Les secretes de l'écriture journalistique. Paris: Syros Alternative, 1989.

Lotman Ju. M. Selected papers [Izbrannyje statji]: in 3 vol. Vol. 1. Tallinn, 1992. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>.

Luhmann, Niklass. Reality of mass media [Realnost massmedia]. Moscow, 2005.

Marcus, Richard. Critic and reviewer: a difference in Intent // Blogcritics. 2007. May 13. URL: <http://blogcritics.org/critic-and-reviewer-a-difference-in/>.

Mironov V. V. Transformation of culture in the sphere of global communication [Transformaciya kul'tury v prostranstve globalnoy kommunikacii] // Humanities in the South of Russia [Gumanitarnij yuga Rosii]. 2012. No. 1. URL: http://www.isras.ru/files/File/Gumanitary_Yuga_Rossii/2012_1/Mironov.pdf.

Sayenkova, Ludmila. Not notice “Eagles” is impossible [Ne zametit “Orlov” nevozmozhno] // On the screens [Na ekranah]. 2016. № 2. P. 2.

Shostak M. I. The Journalist and his work [Zhurnalistskiy ego proizvedenie]. Moscow, 1998.

Smetanina S. I. Media text in the system of culture [Media-text v sisteme kul'tury]. St Petersburg, 2002.

Tertychnyj A. A. Genres of periodicals [Zhanry periodicheskoy pechati]. Moscow, 2000.

The modern media text: a textbook [Sovremennyy mediatekst: ucheb. posobie] / ed. by N. A. Kuzmina. Omsk, 2011.

Vartanova E. L. Media economy is in the system of modern researches of mass media [Mediaekonomika v sisteme sovremennykh issledovaniy SMI] // Mediascop. 2004. No. 1. URL: <http://mediascope.ru/node/185>.

Yartseva S. S. Columnistthe: history and prospects of development [Kolumnistika: istoriya vozniknoveniya i perspektivy razvitiya: dis. ... kand. filol. nauk]. Voronezh, 2011.

УДК 811.161.3;
ББК 81.2;
ГРНТИ 16.21.47;
КОД ВАК 10.02.01

Ю. Н. Лукьянюк, Л. Г. Шестернёва
Минск, Беларусь

**СТИЛИСТИЧЕСКИ
МАРКИРОВАННАЯ
КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКА
В БЕЛОРУССКИХ СМК:
СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ
И МОДЕЛИРОВАНИЕ**

Юлия Николаевна Лукьянюк, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405.

E-mail: lukianqk@mail.ru.

Лилия Георгиевна Шестернёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405.

E-mail: lilija-shesternjova@rambler.ru.

Постановка проблемы. Интернет становится универсальным и доминирующим средством в межкультурной коммуникации и вместе с тем является важнейшим инструментом взаимного влияния одного языка на другой на всех уровнях. «Интернет стал средством иерархического распространения лингвистических навыков и ресурсов как внутри одной нации, так и между различными государствами и языковыми системами. В результате появилось неравенство лингвистических систем и поглощение одних языков другими» [Леонтович 2000: 201]. Проникновение сетевых технологий в жизнь миллионов людей приводит к широкому распространению лексики этой отрасли коммуникации в СМК, к включению в медиатекст компьютерной лексики не только теми, кто профессионально занимается этой деятельностью, но и теми, кто связан с ней опосредованно. В связи с этим исследование компьютерной лексики в языке СМК приобретает особое значение для белорусского языкознания. Сегодня компьютерная терминология и компьютерный жаргон квалифицируются, систематизируются: появляются как толковые, так и переводные словари терминологической лексики, расширяется употребление ее и в средствах массовой коммуникации.

Описание методики исследования. Как утверждает проф. В. И. Ивченков, методы журналистского творчества претерпевают качественные изменения в сторону еще большей технологизации процесса, с одной стороны, и нарастания индивидуального — с другой. Возникает журналистика мнений: сегодня мы говорим о персонифицированности современного журналиста, равно как и о медиациентричности мира. Всё это происходит на фоне интегрированных учений, связующим звеном которых является информация как инструмент познания действительности [Ивченков 2016б: 85]. «Журналистика адаптирует научно-практическое знание к

массовому сознанию в целях принятия последним моделей поведения, политических предпочтений, культурных ценностей, морали, этики, эстетики. Медиа культивируют идеологию развития общества, журналистика проникает во все сферы жизни людей, ее начало основано на смежности, междисциплинарности, и она глубоко исторична» [Ивченков 2016а: 279].

Пути и способы образования компьютерной лексики весьма разнообразны. Но все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к действительности и сделать его пригодным для постоянного использования. В статье проанализированы тексты ведущих белорусских средств массовой информации, в результате были выявлены наиболее частотные словообразовательные модели компьютерной лексики, входящие в речеобразующий инструментарий издания.

В основе и белорусской, и русской терминологии Интернета лежит, естественно, терминология английская. Среди заимствованных терминов по степени их освоения можно различать:

1) лексические единицы, сохраняющие английское написание и произношение, например: login, cookies, e-mail, internet, off-line, on-line. В большинстве случаев в СМК они одновременно употребляются и на кириллице, исходя из произношения этих единиц в английском языке;

2) лексические единицы, сохраняющие английское написание и произношение, например: *i-мэйл (и-мэйл) / e-майл, інтэрнэт (интернет), аф-лайн / афлайн*. Исключение — слово e-mail (email), для которого желательным является написание латиницей. Такое же написание принято сохранять и во многих акронимах: GIF, FTP, HTML, HTTP, IP, JPEG, URL и т. д.: *Выгоднее говорить, чем писать e-mail; убираем имя пользователя и email (KB; Компьютерные вести. URL: <https://www.kv.by>); Секреты создания GIF-анимации; Графика для Web, GIF и JPEG (KB);*

3) лексические единицы, частично или полностью освоенные: *флуд, камп'ютар, спам, тролінг, мадэм, чат; кэшыраваць — кэшыраванне, ранжыраваць — ранжыраванне*. Они проникают в белорусскую и русскую языковую среду, образуют белорусскими / русскими аффиксами, склоняются / спрягаются, от них образуются прилагательные (*мадэмны, серверны*), глаголы (*хакіраваць, чатаваць*): *Новая версія более безпасна: увеличена стойкость парольных хэшей, улучшена система защиты от флуд-атак; не стоить, например, флудить (говорить не по теме) в общем чате; какой 3G-модем лучше?; с 12 марта изменен номер модемного пула для коммутируемого доступа в интернет (KB).*

Многие русские и особенно белорусские компьютерные термины образованы путем калькирования, например: *актыўны канал (активный канал), белыя старонкі (белые страницы), заява на каментар (заявление на комментарий), карта сервера (карта сервера)*. В медиатекстах встречаются также семантические (*закладка (закладка), люстэрка (зеркало), меню (меню), мазаіка (мозаика), сеціва (сеть), шлюз (шлюз)*) и фразеологические кальки (*па майм сціплым меркаванні (по моему скромному мнению), на мой погляд (на мой взгляд), прачытай дапаможнік (прочитай руководство)*) и др., которые являются расшифровкой английских аббревиатур: “fitb fill in the blank...”, “imho in my humble opinion”): *По моему скромному мнению, проприетарное ПО ничуть не хуже открытого (KB).*

Путем объединения в термине элементов белорусского (русского) и английского языков возникают гибридные лексические единицы, например: *гіперспасылка (гиперссылка), кіберпрастора (киберпространство), вэб-старонка (веб-страница), інтэрнэт-магазін (интернет-магазин), банераабменны (баннерообменный)*.

Исходя из морфологической природы термина однословные термины делятся на:

- 1) однословные субстантивные: *дамен, правайдар, сайт, чат*;
- 2) однословные атрибутивные: *віртуальны, глабальны, інтэрактыўны, адкрыты, дуплексны, экспартыруемы*;
- 3) однословные глагольные, связанные с отглагольными существительными: *загрузка — загрузіць, кадзіроўка (тэкставай інфармацыі) — кадзіраваць, кэшываванне (дадзеных, вэб-сайтаў) — кэшываваць, мадэрацыя — мадэрыраваць, ранжываванне — ранжываваць*.

Двухсловные термины в соотношении со структурными моделями, встречающиеся в средствах массовой информации, можно распределить по следующим типам:

1) субстантивные (генитивные), состоящие из двух существительных, например: *заголовок окна, имя пользователя, строка меню, эмуляция терминала*; как видим, второе существительное с синтаксической точки зрения является несогласованным определением и чаще стоит в родительном падеже, но может встречаться и в другой форме, напр.: *адрес в интернете, вирусы в интернете, пиратство в интернете, этикет в интернете; заявка на объяснение, заявка на комментарий*. Встречаются и сложные наименования, в которых препозиционный элемент выступает в адъективной функции. В этой роли чаще всего выступают слова *веб, интернет* и некоторые другие: *веб-мастер, веб-сервер, веб-страница; интернет-каталог, интернет-магазин, интернет-маркетинг, интернет-сервис*. Например: *Для такой операции даже изобретён специальный эмулятор терминала; чтобы стояла отметка требовать ввод имени пользователя и пароля* (КВ);

2) адъективно-субстантивные, состоящие из прилагательного и существительного, напр.: *активный канал, ключевое слово, системный оператор, текстовый процессор*; прилагательное иногда стоит в постпозиции: *запрос простой, запрос затруднен, поиск быстрый, поиск сложный*. Например: *К примеру, Microsoft Basic и текстовый процессор WordStar; системный оператор станции зачастую являлся «священной коровой», объектом всеобщего обожания и поклонения* (КВ);

3) атрибутивно-субстантивные, состоящие из причастия и существительного, для белорусского языка не характерны (по сравнению с русским языком: *арендуемая линия, выделенный сервер, коммутируемая линия, подключаемый модуль, просмотренная гиперссылка, скрытое поле, удалённый доступ, причастие даже может стоять в постпозиции: изображение встроенное, изображение проявляющееся*). Например: *Какой уж тут удалённый доступ, не говоря уж об удалённом администрировании; подключаемые модули не могут работать отдельно от браузера* (КВ).

Как видно из приведенных примеров, в белорусской и русской компьютерной терминологии рядом с однословными терминами широко представлены и термины-словосочетания. Последние удобно использовать для наименования целостных, но сложных понятий. «Продуктивность составных наименований объясняется рядом причин, и прежде всего экстралингвистическими, необходимостью общества в номинации массы новых неизвестных явлений (процессов, новых объектов реального мира) единицами с точной мотивированностью, а это удовлетворяют именно словосочетания, в которых значение «целого» состоит из значений его составляющих. Выбор компонентов составного наименования существенный, потому что каждая составляющая имеет свое значение и функцию, от которых зависят устойчивость, узуальность, общая номинативная функция самого составного наименования» [Натансон 1966: 24].

В белорусских средствах массовой информации («Звезда», «СБ. Беларусь сегодня» и др.) в большинстве случаев встречаются двухсловные термины. В специальных же научных текстах (например, КВ) широко используются и многокомпонентные терминологические единицы. Последние нарушают требование краткости термина. Однако термин может считаться удачным только в том случае, если его структура не будет противоречить семантической точности. Так, Д. С. Лотте замечает, что «появление точных, но не достаточно коротких терминов, или, наоборот, коротких, но недостаточно точных нередко обусловлено слабым знанием тех средств, которые представляет язык для образования терминов» [Лотте 1961: 78]. Т. В. Арашонкава, А. Н. Булыка, В. В. Лющик и А. И. Подлужный считают, что «тэрмін як носьбіт спецыяльнага значэння павінен адпавядаць шэрагу патрабаванняў. Асноўнымі асаблівасцямі падобнага наймення, якое прэтэндуе на статус нарматыўнага, з'яўляецца дакладнасць, кароткасць і сістэмнасць» [Тэорыя... 1999: 19]. Л. А. Антонюк считает приемлемым применение коротких, однако не всегда точных терминов только в сфере массовой коммуникации, но ни в коем случае не в системе образования [Антонюк 1989: 76].

Таким образом, требование краткости термина должно осуществляться в пределах допустимого, т. е. не должно препятствовать точности терминологической единицы.

Чрезвычайно важно выяснить, какие многокомпонентные термины можно считать терминологическими сочетаниями, а какие нельзя, как решить проблему границ составного термина. Чем более сложная структура терминологического сочетания, тем с большей сложностью он вычленяется из текста, тем сложнее восстанавливать такой термин.

История вопроса. В лингвистике не существует единого мнения по поводу границ вычленения составных терминов. В. Овчеренко не видит лингвистических оснований для вычленения терминологических сочетаний, за исключением тех случаев, когда термин является фразеологизмом. «Термином... целесообразно считать лишь отдельные языковые знаки, т. е. семантически целостные (синтетические) образования, отражающие специальные понятия, но не свободные (аналитические) сочетания знаков, объединяемые по существующим в языке моделям для выражения таких понятий» [Леонтович 2000: 205].

Противоположной точки зрения, вслед за Д. Лотте, придерживается Б. Головин. Он утверждает, что терминологические словосочетания связаны друг с другом. Это говорит об устойчивости состава и даже о последовательности его компонентов. Иначе, по мнению исследователя, невозможно было бы включение в терминологические словари терминословосочетаний. «Нет оснований сомневаться в существовании и широком использовании терминологических словосочетаний (составных терминов) — различной структуры и разной степени сложности» [Головин 1973: 61].

Л. И. Ройзензон предлагает своеобразную интерпретацию составных терминов: «Возникая в результате фразеологизации и являясь фразеологически восполнимыми, составные термины тем самым входят в общий фонд фразеологических единиц. Если термин-лексема признается словом, то на тех же правах термины-словосочетания должны быть отнесены к фразеологии» [Ройзензон 1973: 156]. Составные термины, как и все другие единицы языка, воспроизводятся в готовом виде. Терминологичность обуславливает их устойчивость.

А. Д. Хаютин в понятие воспроизводимости в отношении составных терминов вместе с устойчивостью (частотностью употребления в речи уже готовых оборотов)

включает и актуальность: по его мнению, они «являются для данного языка в данную историческую эпоху важными и необходимыми для коммуникации» [Хаютин 1972: 79].

Проблема границ составного термина в научной литературе пока не имеет однозначного решения. Поэтому за основу выделения терминов-словосочетаний возьмем своеобразную логическую теорему Головина, суть которой заключается в следующем: «...если единица языка, которая обозначает некоторое целое, некоторую сложную структуру, — термин, то и все единицы языка, обозначающие часть целого, стороны, элементы и отношения структуры, — также термины. Обратное утверждение также правильное...» [Головин 1973: 61]. То есть если лексикализованное сочетание *имя пользователя* — термин, то и сочетание слов *имя пользователя интернета* нужно считать термином.

Анализ материала. Наиболее существенные признаки составных терминов можно сгруппировать в два блока: семантический и структурный.

Блок семантических признаков составного термина представляют собой:

- семантическую целостность;
- классификационную, дифференциальную функцию (родо-видовые отношения);
- вход в терминологическое гнездо, которое отражает развитие научного понятия;
- специфичность значения, что соотносится с понятием науки, техники.

В структурный блок объединяется ряд признаков:

- свойство, которое находит выражение в фиксации состава терминологического сочетания, стабильным порядком его компонентов и невозможности их замены;
- неполнота реализации грамматических форм компонентов составного термина;
- воспроизводимость.

Подытоживая вышесказанное, можно дать следующую дефиницию: *терминосочетание* — это номинативная единица, характеризующаяся многокомпонентностью и раздельнооформленностью в плане структурного выражения, но не обладающая семантической неделимостью в плане содержания.

В каждом составном термине можно выделить специфический компонент (СК) препозиционного, пост- и препозиционного, постпозиционного характера, которые выполняют функцию семантической дифференциации ядерного компонента. Количество СК может колебаться от двух до пяти, а иногда и более компонентов.

Таким образом, составные терминоединицы, встречающиеся в белорусских СМК, в зависимости от типа структуры можно разделить на две группы.

1. Простые терминосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, одно из которых является главным, второе — зависимым: *эмуляция терминала*, *вирус-программа*, *интернет-сервис*, *электронная коммуникация*, *поиск сложный*, *просмотренная гиперссылка*. Например: *Популярнейший российский интернет-сервис по обмену валют (KB)*.

2. Составные многокомпонентные термины. Многокомпонентные терминосочетания составляют примерно 8,7% из общего числа всех компьютерных терминологических единиц, которые встречаются в средствах массовой информации. В большинстве своем они представляют собой расшифровку на русском / белорусском языках английских сокращений: *язык описания (моделирования) виртуальной действительности* — *язык описания виртуальной реальности* — *Virtual Reality Markup Language*. Например: *Для работы с программой человек должен более-менее смыслить в роботах, знать язык C (C++ или Java) и язык моделирования виртуальной реальности VRML 2.0 (Virtual Reality Modeling Language) (KB)*.

Ученые П. Копанев и И. Морхасев утверждают: «С одной стороны, все компоненты языковой структуры объединены общей для всех функцией — функцией номинации, обозначения отдельных сторон объекта, который исследуется, в их отношениях между собой, что дает основание говорить о словах-номенах как компонентах словосочетания. С другой стороны, компоненты словосочетания отличаются друг от друга разной степенью терминологичности, т. е. разной степенью специфичности передаваемой информации. И если возможно говорить об отличии термина от других слов в рамках коммуникативного терминоведения, то только в смысле их различной терминологичности» [Копанеў, Мархасёў 1989: 45].

Исследователи выделили четыре степени терминологичности:

— нулевая степень терминологичности — слово-название применяется в качестве общеупотребительной лексической единицы и не принадлежит к какой-либо терминологической системе;

— первая степень терминологичности — слово-название относится к общенаучным (общетехническим) слоям лексики. Оно называет соответствующее общее понятие науки и техники и приобретает конкретный смысл из соответствующего экстралингвистического макроконтраста и связанного с ним лингвистического микроконтекста;

— вторая степень терминологичности — слово-название обозначает общее научно-техническое понятие для ряда смежных, пограничных наук;

— третья степень терминологичности — слово-название обозначает понятие, которое, как правило, принадлежит к одной специальной сфере, оно образует собственно терминологическую лексику.

В таком случае однословные термины всегда обладают третьей степенью терминологичности (*сервер, домен, модератор, фалксномия, блогосфера, чат* и т. п.). Двухкомпонентные термины могут составлять элементы третьей и второй степеней терминологичности, например: *процесс верстки, межпрограммный канал* и др. В состав двухсоставных терминов могут входить термины третьей и первой степеней терминологичности: *гипертекстовая ссылка, доменная имя* и др. Что же касается трехкомпонентных терминологических сочетаний и составных терминов, состоящих из четырех, пяти и более слов, то в них входят терминологические элементы всех четырех степеней терминологичности, например: *память произвольного доступа, панель быстрого запуска, запоминающее устройство только для чтения* и др. Из приведенных примеров следует, что терминологическая единица третьей степени терминологичности может иметь место как в однословном, так и в многословном термине. Что же до нулевой степени, то она возможна только в многокомпонентных терминосочетаниях.

Особую роль в образовании компьютерных терминов играет аббревиация. Она представляет собой продуктивный способ образования имен от названий, состоящих из нескольких слов. Ниже мы рассмотрим аббревиацию как способ образования белорусских компьютерных терминов и покажем на конкретных примерах продуктивность этого словообразования.

Согласно классификации, представленной В. В. Лопатиным в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», выделяются следующие типы аббревиатур: 1) аббревиатуры инициального типа, 2) аббревиатуры слоговые, состоящие из начальных частей слов, более сложных, чем звуки, 3) аббревиатуры смешанного типа, которые состоят как из начальных звуков (названий букв), так и из более сложных

начальных частей слов, 4) аббревиатуры, состоящие из сочетания составной начальной части слова с формой косвенного падежа существительного, 5) аббревиатуры, состоящие из сочетания начала слова, более сложного, чем инициальные, с концом или с началом и концом второго. В рамках инициального типа автор выделяет три подтипа: 1) буквенные аббревиатуры, 2) звуковые аббревиатуры, 3) буквенно-звуковые аббревиатуры [Лингвистический... 1990: 47].

Аббревиация, т. е. образование нового слова из усеченных компонентов сложного слова или словосочетания, выступает как действенный способ терминообразования в английском и в белорусском языках. В сфере белорусской компьютерной терминологии были обозначены термины, образованные следующими видами аббревиации.

1) Буквенные: АБД — администратор базы данных; ЭВМ — электронная вычислительная машина; CPU (central processing unit), ЦП — центральный процессор; LCD (Liquid Crystal Display), ЖКМ — жидкокристаллический монитор; OCSP (Online Certificate Status Protocol) и др.

2) Звуковые: ЭК — электронный каталог, ОПАС (On-line Public Access Catalogue) — каталог публичного доступа в режиме онлайн; CRL (Certificate Revocation List), СОП — список отозванных свидетельств; ВиО — вопросы и ответы; OS (Operating System), ОС — операционная система; ППД — память произвольного доступа; ИК — интерфейс пользователя и др.

3) Буквенно-звуковые: ПУЛБ — программа управления личной безопасностью; ПЗУ — постоянное запоминающее устройство и др.

4) Аббревиатурно-лексемные: состоят из начальной части первого слова и целого второго слова: НС-грамматика, МАП-схема и др.

Такая высокая продуктивность аббревиационного терминословообразования не случайна. Аббревиация обладает важными качествами. К ним относятся: конструктивность (аббревиация «облегчает» процесс появления выражения и может передавать содержание целой синтаксической терминоединицы), краткость, или компрессивность (аббревиатура является самым продуктивным способом уменьшения многословных названий).

Аббревиация выступает в качестве эффективного средства языковой экономии, потому что заключается в обеспечении передачи максимального количества информации при минимальном использовании языковых средств. Именно в связи с этим и в английском, и в белорусском языках появляются аббревиатуры-синонимы двухкомпонентных и многокомпонентных словосочетаний.

От терминологической и профессиональной компьютерной лексики отличается так называемый компьютерный жаргон, для которого характерна ограниченная сфера использования. Это социальный вариант речи, используемый при определенных условиях общения. Жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией, особым использованием словообразовательных средств.

Компьютерный жаргон образуется теми же словообразовательными способами, что и в литературном языке: с помощью суффиксации, префиксации, компрессии, аббревиации и т. д. Тем не менее «спецификой жаргонного словообразования является то, что в нем ярче проступает игровая и экспрессивная функция» [Словарь... 2007: 18].

Компрессивные способы словообразования объединяют номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличаются от них более короткой формой [Там же: 179].

Компьютерный жаргон является ярким примером «тяготения» к различным сокращениям. Одним из способов компрессивного словообразования является усечение — отсутствие фонемы в производной основе [Там же: 181]. Высокочастотное применение в нем находит окопа, под которой понимается отпадение финальной части слова: *комп* ‘компьютер’, *вінч* ‘винчестер’, *вінд* ‘Windows’, *док* ‘документ’, *гіг* ‘гигабайт’, *мег* ‘мегабайт’, *кіло* ‘килобайт’, *Пента* ‘Pentium’, *адмін* ‘администратор’, *канф* ‘конфигурационный файл’, *проц* ‘процессор’, *флони* ‘флоппи-диск’. Гораздо меньше распространено явление аферезиса — начального усечения слова: *нет* ‘интернет’, *бук* ‘ноутбук’. Большая группа лексических единиц образуется путем присоединения к базовой основе флексии: *клава* ‘клавиатура’, *дока* ‘документация’, *інфа* ‘информация’, *мак* ‘Макинтош’: *З ранку яна садзілася за «комп», прыхапіўшы кавы і чыпсаў, і «завісала» днямі ў інтэрнэце* (Звезда. 2015. 31 кастр.); *У меня все полки заставлены теликами и компами от точного попадания молнии* (СБ. 2011. 28 июня); *Кіньце «вушы»*. *Яшчэ адзін спосаб не стаць рабом тэхналогій — пакінуць дома навушнікі, не браць іх у паездкі* (Звезда. 2015. 17 сак.); *Пра тое, як імкліва фэйкавая навіна распаўсюджваецца ў інтэрнэце і як яна ўспрымаецца аўдыторыяй, удзельнікі медыяшколы мелі магчымасць пераканацца на ўласныя вочы* (Звезда. 2015. 12 сак.).

Усеченные варианты иногда представляют собой результат фонетической мимикрии, т. е. совпадают со словами общенародного языка: *пень* ‘Pentium’, *рама* ‘поисковая система Рамблер’, *паскуднік* ‘человек, который программирует на языке Pascal’, *фокуснік* ‘человек, который пишет на Foxpro’, *макрушнік* ‘программист, работающий на Макро Ассемблере’ (ср. в арго: ‘убийца’). Преобразования могут возникать под влиянием антономазии: *Петя* ‘персональный компьютер на базе процессора Pentium’. Такие искажения являются сознательными, поэтому эти слова приобретают ярко выраженную юмористическую коннотацию.

Среди усечений в компьютерном жаргоне продуктивна модель «имя прилагательное + имя существительное», причем обе части могут редуцироваться — такие сокращения определяются как агглютинации [Левикова 2003: 314]: *сіс адмін* ‘системный администратор’, *мылсерв* ‘почтовый сервер’, *прымат* ‘примерный математик’, *дэма* ‘демонстрационная версия программы’ и т. д.

Компьютерные жаргонизмы возникают в результате активного словообразовательного процесса суффиксальной универбации. Универбаты функционируют в устной и профессиональной речи, в речи самых разных социолектов. При образовании компьютерных универбов встречаются как нейтральные, так и экспрессивные суффиксы.

Нейтральный суффикс -к-: *электронка* ‘электронная почта’, *лакалка* ‘лакальная сетка’, *мацярынка* ‘мацярынская плата’, *аператыўка* ‘аператыўная памяць’, *шукалка* ‘пошукавая сістэма’ (Google, Яндекс).

Экспрессивные суффиксы: *прыкладушка* ‘прикладная праграма’, *мікруха* ‘мікрасхема’, *компік* ‘камп’ютар’, *флорік* ‘флорі-дыск’, *вісяк* ‘праграма, якая выклікае завісанне камп’ютара’.

Еще одним проявлением тенденции к экономии языковых средств в современном компьютерном жаргоне является аббревиация, под которой понимается существительное, образованное от усеченных отрезков слов, из таких же отрезков в сочетании с целыми словами, а также из начальных звуков слов [Там же: 15].

Буквенные сокращения — алфавитизмы — образуются путем словообразовательного калькирования: *ПК* ‘персональный компьютер’, образованное от англ. PC (Personal

Computer). Это лексема не жаргонизирована, но при присоединении к алфавитизмам экспрессивных суффиксов появляются жаргонные лексемы. В результате подобного звучания английские аббревиатуры трансформируются в уменьшительные имена: *Аська* (ICQ), *Ирка* (IRC), *Дося* (дискровая операционная система MS Dos), *Ромка* (от Rom — Read Only Memory).

Совмещение двух графических систем — латиницы и кириллицы — дает возможность для реализации языковой игры: *рама* (от RAM — Random Access Memory), *сидишка* (сидюшник) — компакт-диск (CD-ROM), *мой кроссовок* — компания Microsoft.

Результаты исследования. Компрессивное словообразование — продуктивный способ словотворчества как в терминологии Интернета, так и в его жаргонизации. Экспрессивная функция жаргонного словообразования преобладает над номинативной благодаря использованию оригинальных способов словообразования, в частности фонетической мимикрии, которая проявляется в создании производных существительных на основе каламбурного совпадения с нейтральными или разговорными словами.

Усеченные жаргонизмы возникают сознательно, и создаются они их носителями для экономии языковых средств, что способствует экспрессивизации компьютерного социолекта.

Результатом исследования являются материалы для будущего белорусскоязычного словаря компьютерных терминов и жаргонизмов (см. Приложение).

Выводы. Развитие компьютерных технологий вызывает необходимость появления в языке СМК большого количества компьютерных терминов и жаргонизмов. Основными источниками формирования компьютерной лексики на современном этапе ее развития являются заимствования из английского языка, интернациональный фонд (терминообразование и образование жаргонизмов на англоязычной основе) и только потом — семантические, морфемные и синтаксические способы образования новых лексических единиц с учетом когнитивного потенциала белорусского и русского языков.

ЛИТЕРАТУРА

Антанюк Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыяніраванне. Мінск: Навука і тэхніка, 1989.

Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминованности словосочетаний // Лексика, терминология, стили: межвуз. науч. сб. / отв. ред. Б. Н. Головин. Вып. 2. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1973. С. 57–65.

Ивченко В. И. Журналистика в системе культуры: медиацентричность современного мира // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры: зб. матэр. (Мінск, Беларусь, 5–6 мая 2016 г.) / гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск: Права і эканоміка, 2016а. С. 278–282.

Ивченко В. И. Журналистика в системе научных исследований: онтологический статус и перспективы // Весн. БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016б. № 2. С. 84–87.

Копанеў П. І., Мархасёў І. Р. Тэрміны ці словы-назвы? // Беларус. лінгвістыка. 1989. Вып. 35. С. 44–48.

Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: Фаир-пресс, 2003.

Леонтович О. А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 195–214.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Натансон Н. А. Требования, предъявляемые к научным и техническим терминам // Науч.-тех. информация. 1966. № 1. С. 23–26.

Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1973.

Словарь молодежного и интернет-сленга: толкование более 10 000 слов и выражений / авт.-сост. Н. В. Белов. Минск: Харвест, 2007.

Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі / Г. У. Арашонкава, А. М. Булыка, У. В. Люшцік, А. І. Падлужны. Мінск: Беларус. навука, 1999.

Хяутин А. Д. Термин, терминология, номенклатура: учеб. пособие. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1972.

REFERENCES

Antanyuk L. A. Belarusian scientific terminology: formation, structure, regulation, construction, operation [Belaruskaya navukovaya terminalogiya: farmiravanne, struktura, uparadkavanne, kanstruyavanne, funktsyianiravanne]. Minsk, 1989.

Dictionary of youth and Internet slang: interpretation of more than 10 000 words and expressions [Slovar molodezhnogo i internet-slenga: tolkovanie bolee 10 000 slov i vyirazheniy] / auth.-comp. N. V. Belov. Minsk, 2007.

Golovin B. N. About some proofs of terminality of word combinations [O nekotoryih dokazatelstvah terminirovannosti slovosochetaniy] // Vocabulary, terminology, styles: Interuniversity scientific collection [Leksika, terminologiya, stili: mezhvuz. nauch. sb. / otv. red. B. N. Golovin]. Vyp. 2. Gorkiy, 1973. S. 57–65.

Hayutin A. D. Term, terminology, nomenclature [Termin, terminologiya, nomenklatura]. Samar-kand, 1972.

Ivchenkov V. I. Journalism in the cultural system: the media centeredness of the modern world [Zhurnalistika v sisteme kulturyi: mediatsentrichnost sovremennogo mira] // First International Scientific Congress of Belarusian culture: a collection of materials [Pershey mizhnarodnyy navukovyy kangres belaruskay kulturyi: zb. mater. Minsk, Belarus, 5–6 maya 2016 g.]. Minsk, 2016. S. 278–282.

Ivchenkov V. I. Journalism in the system of scientific research: ontological status and prospects [Zhurnalistika v sisteme nauchnyih issledovaniy: ontologicheskiy status i perspektivy] // BSU. Ser. 4. Philology. Journalism. Pedagogy [Vesn. BDU. Ser. 4. Filalogiya. Zhurnalistyika. Pedagogika]. 2016. No. 2. S. 84–87.

Kopaneu P. I., Marhasou I. R. Terminy tsi word NAME? [TermInyi tsI slovyi-nazvyi?] // Belarusian linguistics [Belarusian lingvistyka]. 1989. Vol. 35. P. 44–48.

Levikova S. I. Large dictionary of youth slang [Bolshoy slovar molodezhnogo slenga]. Moscow, 2003.

Leontovich O. A. Computer discourse: linguistic identity in the virtual world [Kompyuternyy diskurs: yazykovaya lichnost v virtualnom mire] // Linguistic personality: institutional and personal discourse [Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs]. Volgograd, 2000. P. 195–214.

Linguistic Encyclopedic Dictionary [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva]. Moscow, 1990.

Lotte D. S. Fundamentals of scientific and technical terminology: questions of the theory and methodology [Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki]. Moscow, 1961.

Nathanson N. A. Requirements to scientific and technical terms [Trebovaniya, pred'yavlyaemye k nauchnyim i tehicheskim terminam] // Sci. and Technic. Information [Nauch.-the. informatsiya]. 1966. No. 1. S. 23–26.

Royzenzon L. I. Lectures on general and Russian phraseology [Lektzii po obschey i russkoy frazeologii]. Samarkand, 1973.

Theory and practice of the Belarusian terminology [Teoriya i praktyka belaruskay terminalogii] / G. U. Aarashonkava, A. M. Bulyko, U. V. Lyushtsik, A. I. Padluzhny. Minsk, 1999.

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ И ЖАРГОНИЗМОВ**

А

адмін — адміністратар (administrator)

Айбаліт — антывірусная дыягнастычная праграма (Aidstest)

аператыўка — аператыўная памяць (main memory)

ася, аська — праграма зносін у сетцы інтэрнэт шляхам абмену тэкставымі паведамленнямі (ICQ)

Б

батоны — клавiшы (key)

блін — дыск (floppy disk)

блог — блог, дзённік (blog)

бягучка — бягучы радок (current string)

В

васька, васік — мова праграмавання Бэйсік (Beginner's All Symbolic Instruction Code)

вінд — Windows

вінт, вінч, венік, блін, венцылятар — вінчэстар (winchester disk)

вісяк — праграма, якая выклікае завісанне камп'ютара

вушкі — рэкламныя ўстаўкі на старонках інтэрнэта

Г

гейміць — гуляць (game)

гіг, гектар — гігабайт (gigabyte)

грыбы — патрэбныя спасылкі ў інтэрнэце (reference)

Д

док — дакумент (document)

дока — дакументацыя (documentation)

дося — дыскавая аперацыйная сістэма (MS Dos)

дэма — дэманстрацыйная версія праграмы (demonstration version of the program)

Е

ёксель-моксель — праграма Microsoft Excel

Ж

жаць, таптаць — архіваваць (archive)

З

зіпіць — выкарыстоўваць архіватар (zip)

І

інтэрнэт, нэт — сеціва (Internet)

інфа — інфармацыя (information)

ірка — камп'ютарная праграма (IRC)

К

кадр — блок дадзеных стандартнага фармату, які перадаецца па каналу сувязі (frame)

карлсан, ветрадуў — вентылятар працэсара (processor fan)

кейс, гроб — корпус камп'ютара (computer case)

кіло, ка — кілабайт (kilobyte)

кішкі — унутранае ўстройства аперацыйнай сістэмы (internal device of an operating system)

клава, раяль, стукалка, кебарда, кейборда, кнопкі — клавіятура (keyboard)

комп, компік, кампуцэр, кампостар, кракадзіл, пісюк, пісюха, пісішнік — камп'ютар (computer)

конф — канфігурацыйны файл (configuration file)

крэкаць — узломваць праграмы (crack)

ксеня, ксюха, ксюша — камп'ютарная праграма Xenia Mailer

Л

лакалка — лакальная сетка (local network)

лапша — мноства камп

’ютарных правадоў

М

мазгі — аператыўная памяць (main memory)

мак — макінтош (Macintosh Server)

макрушнік — праграміст, які працуе на Макра Асэмблеры

мамка, мацярынка — мацярынская плата (motherboard)

мег, метр, тона — мегабайт (megabytes)

мой красовак — кампанія Microsoft

мон, монік, моня, морда, тэлевізар, дысплюй — манітор (display)

мыла, ямеля — электронная пошта (e-mail)

мылсерв — паштовы сервер (mail server)

мыльніца — мадэм (modem)

мышша, крыса, хвастатая, хома, звер — камп'ютарная мышка (“mouse”)

Н

насільнік, сіяніст — праграміст, які працуе на мове C++

П

пампаваць, зліваць, скачваць — капіраваць інфармацыю з сервера

партал — частка сеціўнай прасторы, у якой размешчана вялікая колькасць тэкстаў даведачна-інфармацыйнага характару (portal)

паскуднік — чалавек, які праграмуе на мове Pascal

пент, пенцюх — персанальны камп'ютар на базе працэсара Pentium

пісюк — персанальны камп'ютар (personal computer)

прога — праграма (application)

прыкладушка — прыкладная праграма (application)

прымат — прыкладны матэматык

принтак — принтар (printer)

Р

рама — пошукавая сістэма Рамблер (RAM — Random Access Memory),

распакаваць — разархівіраваць (unzip)

С

сабака, сабачка, хвост, жаба, краказябла, масямба — сімвал @

семафор — пераменная ў памяці, сінхранізуе доступ да рэсурса

сервак, сцэрвер — сервер (server)

сідзішка, сідзюшнік — кампакт-дыск (CD-ROM),

сіс адмін — сістэмны адміністратар (system administrator)

сіс ап — сістэмны аператар (system operator)

спаміць — закідаць непатрэбнымі пісьмамі рэкламнага характару (spam)

Т

таптаць клаву, ціскаць клаву — друкаваць тэкст на клавіятуры

тармазіла — браўзар Mozilla

Ф

філе — файл (file)

флапак, флопік — флопі-дыск (floppy disk)

фляжка — флэш карта памяці (flash disk)

фокуснік — чалавек, які піша на Foxpro

фоташоп, фотажоп — праграма для мантажу і рэдагавання фотаздымкаў, ілюстрацый (Adobe Photoshop)

Х

хакер, кракер — чалавек, які выдатна валодае камп'ютарнымі тэхналогіямі і можа ўзломваць праграмы (hack)

хамяк — хатняя старонка ў інтэрнэце (home page)

Ч

чайнік — няўмелы карыстальнік (loser)

чаціца — кантактаваць, размаўляць у чаце

Ш

шукалка — пошукавая сістэма Google, Яндекс

шырынка — плата пашырэння памяці (memory card)

Э

экзэшнік — файл з расшырэннем exe

электронка — электронная пошта (email)

эмпэшка — файл у фармаце mp3

этыкетка — эскіз — паменшанае адлюстраванне файла перад адкрыццём (thumbnail)

Ю

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В МАССМЕДИА**
.....

УДК 811.161.1 : 811.161.3;
ББК 81+76.032 ;
ГРНТИ 16.21.33;
КОД ВАК 10.02.19

И. И. Минчук
Гродно, Беларусь

**РУССКИЙ
И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ
В ЭФИРЕ БЕЛОРУССКИХ
ТЕЛЕКАНАЛОВ**

.....
Инна Ивановна Минчук, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
230022, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22, к. 319.
E-mail: inn-zhuk@yandex.ru.

© Минчук И. И., 2017

Постановка проблемы. Белорусские средства массовой информации функционируют в условиях государственного двуязычия. Согласно Конституции (ст. 17) государственными языками Республики Беларусь являются белорусский и русский языки. Функционирование двух государственных языков в белорусском обществе сопряжено с комплексом проблемных вопросов, касающихся разных сфер деятельности: лингвистической, психологической, социальной, правовой. А. А. Лукашанец указывает 12 парадоксов функционирования белорусского языка и языкового сознания белорусов, среди которых значимыми для данной статьи назовем: а) очевидный дисбаланс между развитием системы белорусского литературного языка в XX в. и его реальным функционированием в обществе; б) недостаточную речевую компетенцию и завышенные требования к культуре собственной белорусской речи; в) ограниченное функционирование белорусского языка в традиционных сферах использования (делопроизводство, образование, наука и т. д.) и его интенсивное распространение в новых коммуникативных сферах (интернет-коммуникация, конфессиональная сфера) [Лукашанец 2013: 45].

Изучение функционирования русского и белорусского языков в средствах массовой информации представляется сегодня особенно актуальным в контексте чрезвычайной роли СМИ в развитии языковой системы в целом и речевой практики носителей языка в частности. Динамичные процессы, происходящие в сфере СМИ в XXI в., требуют исследовательского внимания для понимания дальнейших перспектив и возможных направлений развития национального телевидения.

История вопроса. Языковая ситуация в Беларуси находится в зоне пристального внимания исследователей. В конце XX — начале XXI в. изучению особенностей языковой ситуации в стране свои работы по-

святили А. А. Гируцкий, А. А. Важник, С. Н. Запрудский, В. И. Ивченко, И. В. Калита, М. И. Конюшкевич, Ю. Б. Коряков, А. А. Лукашанец, А. Е. Михневич, Н. Б. Мечковская, А. И. Наркевич, Т. Р. Рамза, И. С. Ровдо, М. Е. Тикоцкий и др.

В последние годы ученые проявляют интерес к изучению языковой ситуации в медиасреде: в Интернете [Важник 2007; Белова 2015], в языке печатных средств массовой информации [Ўчанкаў 2016; Піваварчык 2015; Конюшкевич 2016].

Что касается телевидения, то сегодня работы белорусских исследователей посвящены преимущественно истории его становления [Мельнікаў 1989; Яканюк 2003; Мельникова, Плавник 2011] и перспективам [Фрольцова 2011; Мельникова 2012]. В то же время наблюдения над функционированием государственных языков в эфире белорусских телеканалов отсутствуют.

С момента своего создания белорусское телевидение сочетало в эфире русский и белорусский языки. Минская студия телевидения начала свое вещание 1 января 1956 г. Первые слова, с которыми обратилась диктор студии Тамара Бастун к белорусским телезрителям, были произнесены на белорусском языке: «Добры вечар, таварышы! Віншуем вас з Новым годам! Пачынаем нашы пробныя перадачы. Сёння вы ўбачыце кіначасопіс „Навіны дня“ і мастацкі фільм „Пакаленне пераможцаў“» [Курков 2007: 32]. Значительная часть программ, которые транслировала «Минская студия телевидения» на заре становления, в том числе и кинофильмы, пересылалась из Москвы и звучала в эфире на русском языке.

Цель данной статьи — установить особенности использования русского и белорусского языков в современных телевизионных программах белорусских телеканалов и выявить факторы, определяющие выбор языкового кода. Представляется значимым решение ряда задач:

- 1) определение места и роли государственных языков в программе вещания белорусских телевизионных каналов;
- 2) установление вариантов соотношения русского и белорусского языков в рамках:
а) телеканала, б) отдельной телепрограммы;
- 3) выявление факторов, которые обуславливают выбор языкового кода в белорусском телевизионном эфире.

Описание методики исследования. В ходе исследования проведен контент-анализ белорусских телеканалов — национальных (каналы в структуре Национальной государственной телерадиокомпания Республики Беларусь, а также ОНТ, СТВ), региональных (областные телерадиокомпании Витебска, Бреста, Гомеля, Гродно, Могилева) и местных (на примере телеканала г. Гродно «Гродно Плюс») — на предмет использования государственных языков в эфире за период 2016 г. На материале отдельных программ выявлялось соотношение белорусского и русского языков: языковой код паратекста (графической упаковки), текста ведущего и участников программы.

Анализ материала. Система визуальных СМИ Республики Беларусь. Несмотря на активное развитие интернет-среды, традиционные СМИ — радио, печать и телевидение — продолжают борьбу за свою аудиторию. Телевидение остается для белорусов «главным источником информации о жизни в Беларуси и за рубежом» [Медиасфера... 2014: 19] и наиболее распространенным в Беларуси медиа с максимальным охватом населения (99,3%) (URL: <http://www.brtpc.by/services/television>). По данным Министерства информации Республики Беларусь на 1 октября 2016 г. в республике зарегистрировано 99 телепрограмм. Из них 40 имеют государственную форму собственности (URL: <http://www.mininform.gov.by/ru/stat-ru>).

Для сравнения: на начало 2010 г. в стране была зарегистрирована 71 телепрограмма (30 из которых государственные).

Самый крупный медиахолдинг страны, Национальная телерадиокомпания Республики Беларусь (НГТРК), «является центральным государственным учреждением Республики Беларусь, обеспечивающим освещение государственной политики посредством телерадиовещания» (URL: <http://www.tvr.by>). Начиная с 2012 г. НГТРК находится в стадии реструктуризации и на сегодня включает в свой состав телеканалы «Беларусь 1» (общественно-политический), «Беларусь 2» (молодежный), «Беларусь 3» (освещение государственной информационной политики в области культурной жизни страны), «Беларусь 4» (региональный), «Беларусь 5» (спортивный), «Беларусь 24» (международный спутниковый), «НТВ-Беларусь». В структуру НГТРК включены также пять областных телерадиокомпаний — Бреста, Витебска, Гомеля, Гродно, Могилева.

Значимыми игроками в медиaprостранстве Беларуси являются еще два общереспубликанских канала — ОНТ (ЗАО «Второй национальный телеканал») и СТВ (ЗАО «Столичное телевидение»).

По результатам социологических исследований, проведенных Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в 2014 г., наибольшей популярностью у зрительской аудитории пользуются общенациональные телеканалы ОНТ — 67% респондентов от числа опрошенных, «Беларусь 1» — 62, «НТВ-Беларусь» — 59,4, «РТР-Беларусь» — 53,6, «Беларусь 2» — 46,8, «СТВ» — 32,3, «Беларусь 3» — 20,1% [Медиафера... 2014: 27]. Следует заметить, что лидирующие позиции в этом рейтинге занимают телеканалы, транслирующие значительную долю российского контента: ОНТ, «НТВ-Беларусь», «РТР-Беларусь». Конкуренцию им составляет главный общественно-политический канал страны — «Беларусь 1».

Отдельно стоит сказать о местных телеканалах. Их зрительская аудитория невелика, контент не отличается тематическим и жанровым разнообразием [Фрольцова 2011: 158], тем не менее в крупных городах Беларуси регулярно выходят в эфир городские каналы: «Гродно Плюс» (г. Гродно), «Буг-ТВ» (г. Брест), «Могилев-2» (г. Могилев), «СКИФ» (г. Витебск), «Нирея» (г. Гомель), «Лида-ТВ» (г. Лида).

Русский и белорусский языки в эфире республиканских телеканалов. В сетке вещания белорусских каналов заявлены передачи на белорусском и на русском языках. Переключение языкового кода (с русского на белорусский и наоборот) можно рассмотреть в двух плоскостях: в масштабах телеканала и в масштабах телепрограммы.

Белорусский телевизионный эфир двуязычен. Соотношение программ на русском и белорусском языках на разных белорусских телеканалах различно. Сложно говорить о процентном выражении, так как эфир телеканалов динамичен: одни программы уходят из сетки вещания, другие вводятся в нее. Можно отметить лишь общие тенденции.

Главный общественно-политический канал страны «Беларусь 1» транслирует несколько белорусскоязычных информационных программ («Краіна», «Навіны надвор'я», «Навіны рэгіёну») и познавательно-религиозную программу «Існасць». Большинство белорусских проектов в сетке вещания телеканала — на русском языке: информационная программа «Панорама», информационно-аналитическая программа «Главный эфир», дискуссионная программа «Клуб редакторов», ток-шоу «Форум», «День в большом городе», проект «Terra incognita. Беларусь неизвестная» и др.

В эфире телеканала «Беларусь 3», миссия которого — позиционирование культуры как совокупности материальных и интеллектуальных ценностей Республики Беларусь

в современной медиасреде, на белорусском языке транслируется целый ряд телевизионных проектов, адресованных разным возрастным категориям зрителей: новости культуры «Калейдаскоп», социокультурный проект «Дыя@блог», познавательный проект «Справы фамільныя», телевикторина «Размаўляем па-беларуску», музыкальные проекты «Наперад у мінулае», «Нацыянальны хіт-парад. Сто песен для Беларусі», передача для самых маленьких «Калыханка» и др.

Диаметрально противоположная ситуация в эфире молодежного канала «Беларусь 2»: канал делает ставку на развлечения, проекты выходят на русском языке.

Что касается других общереспубликанских каналов, то в их сетке вещания минимальное количество белорусскоязычных проектов: телеканал СТБ предлагает аудитории информационную программу «Міншчына», телеканал ОНТ — музыкально-познавательный проект «Легенды.Live». В эфире каналов «НТВ-Беларусь» и «РТР-Беларусь» белорусскоязычные проекты не представлены.

В то же время абсолютно все региональные телеканалы имеют в своем эфирном пакете программы на белорусском языке: «Беларусь 4. Гродно» — проект о сельчанах «Вёсачка мая»; «Беларусь 4. Брест» — программа о колоритных местах Брестчины «Палескія нарысы», цикл передач о народных умельцах «Край»; «Беларусь 4. Витебск» — информационно-аналитическая программа «Віцебскі веснік. 7 дзен»; «Беларусь 4. Могилев» — программа в стиле «лайф» об интересных местах и необычных людях «Гісторыя з геаграфіяй», проект в жанре зарисовки с натуры «Знаёмыя незнаёмцы», «Беларусь 4. Гомель» — информационная программа «Эканамічная даведка», тележурнал об историко-культурном наследии Гомельщины «Мой край». Задача региональных проектов на белорусском языке — рассказать современникам о жизни сельских тружеников и сохранить для потомков уникальный колорит белорусских регионов. В указанных программах часто звучит та самая «тряска», которая вызывает активные споры ученых-лингвистов. Владимир Радкевич: *У нашай жыцні всё харошае. Это в те года ня то было. Як гаварыцца, прадуктаў менш в магазіне было. А шчас на выбар: што хаціш... Усё есць...* (Гісторыя з геаграфіяй // Беларусь 4. Могилев. 15 сак. 2016 г.).

В программе дня белорусских городских (местных) каналов доминируют русскоязычные программы, но тем не менее встречаются и программы на белорусском языке. Например, в эфире городского канала «Гродно Плюс» (г. Гродно) с 2015 г. еженедельно выходит молодежная программа «Зоркі вінілу», которая рассказывает зрителям о мировых музыкальных хитах с позиций современной молодежи.

В рамках одной телепрограммы в качестве языкового кода может использоваться: а) только белорусский язык, б) только русский язык, в) русский и белорусский языки одновременно.

Как пример телевизионной программы, выходящей в эфир исключительно на белорусском языке, назовем телевикторину «Размаўляем па-беларуску» производства ТРК «Гомель», которая транслируется на телеканалах «Беларусь 3» и «Беларусь 4. Гомель». Ведущая — главный редактор телерадиокомпании Елена Троценко. Елена Троценко: *Калі вы з намі, значыць, імкненне да ведаў — гэта ваша якасць. Прывітанне, паважаныя глядачы! Гэта віктарына «Размаўляем па-беларуску», у якой кожны можа паспрабаваць сябе ў ролі лінгвіста* (Размаўляем па-беларуску // Беларусь 3 крас. 2016 г.).

Все содержание программы (речь ведущей Елены Троценко, эксперта программы, писателя, поэта, педагога, языковеда Святослава Крупенько, речь участников) выдержано в рамках белорусского языка. Паратекст (графическое оформление: открывающая и закрывающая заставки, титры, рубрики *Прыгадваем, Перакладаем, Тлумачым,*

Ужываем, Цытуем) выполнен на белорусском языке. Отдельного внимания заслуживают названия команд-участниц викторины: *Аптымісты — Сучаснікі, Калядачкі — Пралескі, Спадчына — Аksamіткі, Паветы — Ветразі, Навальніца — Ведь, Глыбінка — Нашчадкі, Зорачкі — Знічкі, Мудрагелістыя грымзолі — Чырвоны радок.*

Приведенный пример — достаточно редкое явление в телевизионной практике современных белорусских телеканалов. Для белорусского телевизионного эфира абсолютно естественна ситуация, когда языковой код переключается в рамках одной программы. Переключение языкового кода может быть запланированным (внесенным в концепцию программы) и незапланированным (связанным с языковыми предпочтениями говорящих).

Намеренное переключение языкового кода в рамках программы покажем на примере масштабного социокультурного проекта телеканала «Беларусь 3» «Дыя@блог», представляющего собою беседу с гостем в студии и одновременно — со зрителями у экранов телевизоров. Программа состоит из четырех блоков, выходящих в разные дни недели. «Дыя@блог. Пра мову» (ведущая Елена Троценко) выходит исключительно на белорусском языке. «Дыя@блог. Пра прыгожае» (ведущая Кристина Смольская) и «Дыя@блог. Пра вечнае» (ведущий Михаил Кириченко) — на русском. В передаче «Дыя@блог. Пра літаратуру» две ведущие: Стелла Чиркова ведет беседу с гостем на русском, а Татьяна Сивец — на белорусском языке.

Вот как в совместном блоге Стелла Чиркова и Татьяна Сивец раскрывают концепцию своей программы: Мы такие разные... Одна говорит по-белорусски, другая — по-русски. Одна родилась летом в Минске, другая — зимой в Москве. Одна блондинка, другая — брюнетка. Одна всю жизнь работает в литературно-творческих изданиях, а другая — в научной сфере. Одна пишет стихи и пьесы, другая — прозу и публицистику. Одна любит путешествия в Европу, другая — в Азию. Одна выбирает балет, другая — оперу. Одна слушает фолк, другая — классику. Что нас объединяет? Проект «Дыя@блог», который не только нас, таких разных, познакомил, но и помог найти общее: интерес к культурной жизни во всех её проявлениях!» (URL: <http://sivecchircova.blogspot.com.by/>).

Таким образом, два языковых кода в программе используются отнюдь не случайно. Они выступают своеобразным символом многообразия жизни.

Татьяна Сивец: *Вітаем вас! Гэта праграма «Дыя@блог. Пра літаратуру». Як заўжды мы гаворым пра тое, што цікава вам у свеце сучаснага прыўкраснага беларускага пісьменства. З вамі Стэла Чыркова і я, Таццяна Сівец. Мы гаворым для вас!*

Стелла Чиркова: *Заходзіце на наш сайт diablog.by, задавайце пытанні, пакідайце каментарыі, прысоедзіньцеся да беседы, прысылайце SMS-сообщения. Мы вміце абсуждаем іх на адрэдняй старонцы нашага блога. Нам важна ваша думка! (Дыя@блог. Пра літаратуру // Беларусь 3. 12 чэрв. 2016 г.).*

Графическая упаковка телепрограммы выполнена на белорусском языке. В течение передачи на экране появляются комментарии, присланные зрителями, — на русском и на белорусском языках. Ведущие говорят каждая на своем языке. Гости отвечают на белорусском или на русском языках в зависимости от их языковых предпочтений.

Стелла Чиркова: *И у нас в гостях Александр Бадак, поэт-песенник, член жюри конкурса молодых исполнителей и постоянный участник фестиваля в Молодечно. Александр Николаевич, здравствуйте!*

Александр Бадак: *Добры дзень!*

Татьяна Сивец: *Вітаем вас! (Там же).*

Еще один двуязычный проект телеканала «Беларусь 3» — музыкальная программа «Наперад у мінулае», в которой современные белорусские исполнители делают аранжировку белорусских фольклорных песен. В программе двое ведущих: Оксана Вечер ведет диалог с участниками на белорусском языке, а Юрий Ващук — на русском.

Оксана Вечер: *Вы самі маглі пачуць, наколькі цікавы і самабытны матэрыял мы сёння тут запісалі. Цяпер Юрась Ващук мусіць перапрацаваць адну з песняў.*

Юрий Ващук: *Песня «Ой, хмелю мой, хмелю» встречалась в программах часто, но мы ни разу с ней не работали. Почему бы не сделать это сейчас? С удовольствием начинаем запись вокала! (Наперад ў мінулае // Беларусь 3. 17 студ. 2016 г.).*

В приведенных проектах сочетание белорусского и русского языков в одной программе предусмотрено ее концепцией.

Рассмотрим другую группу программ, в которой переключение с белорусского на русский языковой код не связано с идейной составляющей, а вызвано языковыми предпочтениями участников.

Одним из таких примеров является информационная программа «Міншчына» на национальном телеканале СТВ. Графическая упаковка (открывающая и закрывающая заставки, титры) выполнены на белорусском языке. Текст ведущего — исключительно на белорусском языке. Корреспонденты готовят свои репортажи на белорусском языке. И лишь синхроны интервьюируемых в репортажах могут быть как на русском, так и на белорусском языках.

Корреспондент: *Больш за дзесяць год таму дырэктар прыватнага прадпрыемства ў Мінску набыў стратную гаспадарку на Мядзельшчыне з абяцаннем узняць яе з каленяў, але ў выніку разрабіў яе на некалькі частак. Адна з іх — фермерская гаспадарка «Касцевічы-Агра» — займалася трусамі і пчоламі. Вольга Лазарава там і працавала. Вось толькі цяпер можна сказаць, што за бясплатна. Запозычанасць людзям па заробку стваралася пакрысе. Работнікі звальняліся па ўласным жаданні. Гора-фермер завінаваціў людзям вялізныя сумы. Так, толькі Вольга Лазарава і да сёння не можа далічыцца больш за шэсць тысяч рублёў.*

Ольга Лазарева: *Он нам обещает: продам коров — отдам деньги, продам дома — отдам деньги. А воз и ныне там. Я не прошу милостыню. Я просто хочу вернуть свои деньги.*

Титр: *Вольга Лазарава, жыхарка Мядзельскага раёна (Міншчына // СТВ. 6 кастр. 2016 г.).*

Приведенный пример иллюстрирует не только переключение языкового кода при смене говорящих лиц. Во время синхрона зритель воспринимает одновременно информацию на двух языках: паратекст (титр) — на белорусском, речь интервьюируемого — на русском.

Переключение языкового кода в программе может быть не только незапланированным, но и в некотором роде непоследовательным, как, например, в программе «Існасць» (телеканал «Беларусь 1»), авторы которой знакомят телезрителей с историей и философией христианства, рассказывают о религиозных праздниках, путешествуют по святым местам Беларуси. Ведущая Инга Белова готовит свои программы как на русском, так и на белорусском языках — в зависимости от темы передачи. Графическая упаковка программы частично выполнена на белорусском (открывающая заставка), частично (финальные титры с указанием творческого коллектива) на русском языках. В программе от 27 августа 2016 г. о старейшем из существующих столичных храмов Свято-Петро-Павловском соборе наблюдается постоянное непоследовательное пере-

ключение языкового кода. Ведущая ведет повествование на русском языке. Часть интервьюируемых говорит на белорусском, и титры — на белорусском (*Барыс Лазука, дырэктар Музея старажытнай культуры Беларусі*), часть интервьюируемых говорит на русском, и титры — на русском (*Павел, Митрополит Минский и Заславский*), часть интервьюируемых говорит на белорусском языке, а титры — на русском (*Лидия Мицкевич, кандидат исторических наук*). Представляется, что подобная «разносортница», которой легко можно избежать при производстве программы, есть следствие некоторой невнимательности авторов, ведь, по справедливому замечанию В. И. Ивченкова, «государственное двуязычие является не „исторической роскошью“, а „ответственной обязанностью“ владения речью» [Ўчанкаў 2004: 45].

В эфире белорусских телеканалов можно наблюдать еще одну ситуацию, когда языковые предпочтения ведущего и участников определяют выбор языкового кода каждой конкретной передачи. Например, ведущая программы «Открытый вопрос» производства региональной ТРК «Гродно», приглашая гостей в студию для беседы в прямом эфире, уточняет, на каком языке желают беседовать интервьюируемые. Если гость свободно владеет белорусским языком, ведущая готовит программу на белорусском. Можно отметить, что белорусский язык в качестве языкового кода выбирают представители сферы культуры и образования, которые и повседневной речевой практике используют белорусский язык.

Таким образом, постоянное соседство русского и белорусского языков — реальность белорусского телевизионного эфира. Умелое сочетание авторами двух языковых кодов в одной программе может придавать ей особую динамику и неповторимый национальный колорит. Здесь считаем уместным вспомнить о пользующемся популярностью у белорусской молодежи проекте телеканала ОНТ «Легенды.Live» с ведущим Иваном Подрезом. Ведущий исключительно на белорусском языке рассказывает истории мировых легенд музыки, а молодые белорусские исполнители представляют кавер-версии популярных композиций. Белорусскую речь молодого и харизматичного ведущего разбавляют комментарии гостей-исполнителей на русском и на белорусском языках. Переключение языкового кода в программе органично, размежевано музыкальными фрагментами. Вот несколько отзывов телезрителей, которые они разместили на странице программы:

Марыя: Вялікі-вялікі дзякуй!!! Цудоўная праграма! Івана прыемна слухаць і назіраць, удалы выбар выканаўцаў. Асабісты дзякуй за гурт «Стары Ольса»!

Антон: Еце две недели назад даже не подозревал о существовании вашей передачи, а сегодня уже пересмотрел все выпуски и с нетерпением жду следующего! Понравилась и сама идея, и подача, и подбор исполнителей.

Павел: Иван, цудоўны праект. Чароўны! Сіла інтэлекту і густоўнасць — сапраўды выбуховая сумесь. Чакаю кожную новую праграму з цікавасцю. Паспеху і не спыняцца на дасягнутым! (URL: <http://ont.by/tv/projects/legends.live/>).

Результаты исследования. Анализ сетки вещания и контента белорусских телеканалов показал, что белорусский телевизионный эфир двуязычен. Несмотря на безусловное количественное доминирование русскоязычных проектов, в эфире национальных, региональных и местных каналов Беларуси представлены как белорусскоязычные программы, так и программы, объединяющие два государственных языка. Выбор белорусского языка в качестве единственного или одного из языковых кодов в программе может быть обусловлен рядом факторов.

1. Концепция телеканала диктует определенные требования к формированию программы эфирного дня. Так, телеканал «Беларусь 3», созданный в 2013 г. с целью

освещения государственной информационной политики в сфере культурной жизни страны, на сегодня имеет в своей сетке вещания более десятка оригинальных проектов на белорусском языке (или на белорусском и русском языках) для разных возрастных аудиторий. Областные белорусские телерадиокомпании, стремясь отразить региональный колорит, готовят белорусскоязычные проекты о тружениках, истории и достопримечательностях регионов.

2. Тематика программы может определить выбор языкового кода. Большинство рассмотренных проектов прямо или косвенно связаны со сферой культуры (искусство, история, религия и т. д.). Ее представители зачастую свободно владеют белорусским языком и постоянно используют его в коммуникации.

3. Жанр программы также накладывает определенные ограничения на возможность выбора языкового кода. Например, крупные белорусские общественно-политические ток-шоу («Форум» с Дмитрием Бочковым («Беларусь 1»), «Дело принципа» с Вадимом Гигиным (ОНТ), «Что происходит» с Егором Хрустальевым (СТВ и «РТР-Беларусь»)), предполагающие спонтанный обмен мнениями большого числа участников, в том числе и представителей других национальностей, подготовлены на русском языке.

4. Языковые предпочтения участников телепрограммы могут сыграть определяющую роль при выборе языкового кода в процессе подготовки телевизионной программы. Свободное владение и белорусским, и русским языком дает преимущество как ведущему программы, так и потенциальным героям телевизионного эфира, открывая перед ними новые возможности.

Выводы. Эфир белорусских телевизионных каналов отражает особенности двуязычия в белорусском обществе: наблюдается функциональная неравнозначность государственных языков. Тем не менее современное белорусское телевидение можно рассматривать как одну из динамично развивающихся сфер функционирования белорусского языка. Его использование в телевизионных программах обусловлено целым рядом факторов: а) концепцией телеканала, б) жанром телепрограммы, в) ее тематикой, г) языковыми предпочтениями ведущего программы и гостя.

С конца XX в. белорусское телевидение находится в постоянной жесткой конкуренции с зарубежными телеканалами в борьбе за внимание аудитории. Представляется, что обращение к самобытной национальной культуре, эксперименты с использованием белорусского языка как основного или одного из языковых кодов телепрограммы — способ повысить привлекательность белорусского телевизионного контента, а свободное владение двумя государственными языками — фактор успешности журналиста и медиаперсоны в современном телевизионном эфире.

ЛИТЕРАТУРА

Белова К. А. Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015.

Важнік С. А. Тры стыхій Байнэта, або Права нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі. Вып. 1. Мінск: Права і эканоміка, 2007.

Ўчанкаў В. І. Вектары развіцця беларускага мовазнаўства на мяжы XX-XXI стагоддзяў: ад тэксту да дыскурсу // Славянскі мир і нацыянальная рэчывая культура ў сучаснай камунікацыі: к 155-летию акад. Е. Ф. Карскаго: сб. науч. тр. / гл. ред. М. І. Конюшкевіч. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2016. С. 188–197.

Ўчанкаў В. І. Дыскурс беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: Электронная кніга БДУ, 2004. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/18590/1/1vchenkov_Diskurs.pdf.

- Конюшкевич М. И. Двужычное медиапространство. Статья первая. Белорусизмы в русской-язычных текстах белорусских СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 4(14). С. 59–69.
- Курков И. Н. Белтелерадиокомпания: мир живого эфира. Минск: Медиафакт, 2007.
- Лукашанец А. А. Беларуская мова ва ўмовах блізкароднаснага беларуска-рускага білінгвізму: парадоксы развіцця сістэмы, функцыянальнай і моўнай свядомасці // Беларуская-руская-польская супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. артыкулаў. Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2013. С. 43–48.
- Медиафера Беларусі: социол. аспект / под общ. ред. В. О. Дашевича. 2014. URL: http://iac.gov.by/sbornik/Mediasfera_Belarusi.pdf.
- Мельнікаў Э. Р. Экран — глядач — экран: дыялогі каля тэлевізара. Мінск: Беларусь, 1989.
- Мельникова Л. И., Плавник А. А. Основы белорусской тележурналистики: учеб.-метод. пособие. Минск: Калиновский бульвар, 2011.
- Мельникова Л. И. Современное белорусское телевидение: от какого наследства мы отказываемся? // Жыццём і словам прысягаючы...: зб. навук. прац. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2012. С. 402–411.
- Піваварчык Т. А. Суадносін і ўзаемадзейне беларускай і рускай моў у мясцовай газеце // Весн. Гродз. дзярж. ўн-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2015. № 3 (200). С. 68–74.
- Фрольцова Н. Т. Белорусское региональное телевидение в системе современной электронной коммуникации // Рэгіянальныя СМІ ў сучаснай інфармацыйнай прасторы: матэр. міжнарод. навук.-практ. семін. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. С. 151–162.
- Яканюк Д. Л. Мастацкае вяртанне на радыё і тэлебачанні: метады дапамож. Мінск: Беларуская дзярж. ўн-т культ. і маст., 2003.

REFERENCES

- Belova K. A. Internet discourse in Belarus sociolinguistic aspects [Internet-diskurs Belarusi v sociolinguisticheskom aspekte]: PhD thesis. Minsk, 2015.
- Frol'tsova N. T. Belarusian regional television within the system of modern electronic communication [Belorusskoe regional'noe televidenie v sisteme sovremennoj jelektronnoj kommunikacii] // Regional mass media within modern information space [Regijanal'nyja SMI u suchasnoj informatsyjnoj prastory]. Minsk, 2011. P. 151–162.
- Iuchankau V. I. Discourse of Belarusian mass media: organization of publicistic text [Dyskurs belaruskich SMI: arganizacyja publicystychnaga tjeckstu]. Minsk, 2004. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/18590/1/Ivchenkov_Diskurs.pdf.
- Iuchankau V. I. Vectors of development of Belarusian linguistics at the turn of XX-XXI centuries: from text to discourse [Vektary razv'itstysya belaruskaga movaznaŭstva na rubyazhyi HH-HHI stagoddzyaŭ: ad tekstu da dyiskursu] // The Slavic world and national speech culture in modern communication: to 155-th anniversary of Acad. E. F. Karsky / ed. by M. I. Konyushkevich [Slavyanskiy mir i natsionalnaya rechevaya kultura v sovremennoj kommunikatsii: k 155-letiyu akad. E. F. Karskogo]. Grodno, 2016. P. 188–197.
- Konushkevich M. Bilingual media space. Article one. Borrowings from the Belarusian language in Russian texts of the Belarusian massmedia [Dvujazychnoe mediaprostranstvo. Statja pervaja. Belorusizmy v russkojazychnyh tekstah belarusskich SMI]. Media linguistics. 2016. No. 4(14). P. 59–69.
- Kurkov J. H. Beltelerradiocompany: the world of the living ether [Beltelerradiokompanija: mir zhivogo efira]. Minsk, 2007.
- Lukashanec A. A. The Belarusian language within close Belarusian-Russian-Polish bilingualism [Belaruskaja mova va wmovah blizkarodnasnaga belarуска-ruskaga bilingvizmu: paradoksy razvicyy sistemy, funkcyjanalnaj i mownaj svjedomasci] // Belarusian-Russian-Polish comparative linguistic, literary studies, culturology [Belarуска-rуска-pol'skaje supastau'al'nae novaznaustva, litaraturaznaustva, kul'turalogija]: collect. of sci. articles. Vitebsk, 2013. P. 43–48.
- Mediasphere Belarus: sociological aspect [Mediasfera Belarusi: sociologicheskii aspekt] / ed. by V. O. Dashkevich. 2014. URL: http://iac.gov.by/sbornik/Mediasfera_Belarusi.pdf.

Mel'nikov E. R. The screen — the viewer — the screen: dialogues at the TV [Jekran — gljadach — jekran: dyjalogi kalja tjelevizara]. Minsk, 1989.

Mel'nikova L. I., Plavnik A. A. Fundamentals of Belarusian TV journalism: teaching aid [Osnovy belorusskoj teleshurnalistiki: ucheb.-metod. posobie]. Minsk, 2011.

Mel'nikova L. I. Modern Belarusian television: what heritage do we reject? [Sovremennoe belorusskoe televidenie: ot kakogo nasledstva my otkazyvaemsja] // Swear with life and word... [Zhitsem i slovom prysyagajuchy]: collect. of sci. articles. Minsk, 2012. P. 402–411.

Pivavarchyk T. A. Interrelations and interaction of the Belarusian and the Russian languages in local newspaper [Suadnosiny i wzaemadzejanne belaruskaj i ruskaj mow u mjascovaj gazece] // Herald Grodno Univ. [Vesn. Gtoaz. un-ta]. Vol. 3. Philology. Pedagogy. Psychology. 2015. No. 3 (200). P. 68–74.

Vazhnik S. A. Three elements of Bynet or the rights of national language selfidentification [Try styhii Baineta abo prava natsyjanalnaj mounaj samaidentyfikatsyi]. Vol. 1. Minsk, 2007.

Yakanyuk D. L. Artistic broadcast on radio and television: manual [Mastackae vjashchanne na radyjo i tjelebachanni: metad. dapamozh]. Minsk, 2003.

УДК 81'42;
ББК 81.2;
ГРНТИ 16.21.55;
КОД ВАК 10.02.01, 10.02.19

.....
E. A. Shcheglova
Saint Petersburg, Russia

**TEXT-FORMING ROLE
OF VOCABULARY
IN TRAVEL SKETCHES
(ILLUSTRATED WITH TRAVEL
SKETCHES BY I. A. GONCHAROV
"FRIGATE PALLADA")**

.....
Ekaterina Alexandrovna Shcheglova, Lecturer
of the Department of speech communication,
St Petersburg State University,
199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island,
26, r. 703.
E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

© Shcheglova E. A. , 2017

Problem description. Genres change over time, each era expresses itself through its genre forms [Коньков 2011]. Travel sketches can be called one of such era-defining genre forms in the 2nd half of the XIX century: many researchers note a growing interest in journeys in the specified period, this period was marked by emergence of a large number of track (or geographical sketches — in this period they are hardly differentiated) in magazines [Проценко 1984; Покатилова 1989].

The interest in travel literature in general and in sketches in particular can be explained with a number of factors: the growth of national consciousness, the increasing role of scientific knowledge, the educated society's interest in scientific discoveries (more on the influence of these factors on language processes in the nineteenth century can be found here: [Виноградов 1982; Сорокин 1965]). I. A. Goncharov's travel sketches "Frigate Pallada" can be considered one of the key texts of this period. At this, the stylistic image of the genre form of this time largely depends on vocabulary, organizing the sketches as a text.

History of the issue. The key property of any text is its integrity [Николаева 2000: 507], provided by the integrity of language units ("the unity of the whole" [Виноградов 1959]). For the first time, a thought about the role of vocabulary in the organization of the text structure (in this case we are talking about a fiction text) seemed to appear in the works of V. V. Vinogradov, who spoke about the need to study the verbal composition of the text as a dynamic system seeking to self-unfold. At the same time, he relied on the concept of "word series": the text composition is understood as a system of "dynamic deployment of word series in the complex unity of the whole" [Виноградов 1971: 49]. A. I. Gorshkov continued the development of the word series doctrine. He clarifies the definition of word series and defines them as a sequence of "linguistic units of different levels, represented in the text, united by com-

positional features and their correlation with the particular sphere of language communication or a special means of linguistic expression” [Горшков 1984: 18]. Thus, the definition of “word” should be understood in a wider meaning: “it is not only the vocabulary, lexical series, but also the series of all other language units and unities, that is, the series that can fit into words and be made up of words” [Горшков 2015: 22].

As L. R. Duskaeva states, objectification of a travel in the text requires some demonstration: a) of what is fixed by the traveler’s view — the space of observations’ properties: geographical objects on the water and on land, natural phenomena, phenomena of cultural heritage, traditions of a particular area, including folklore, culinary — observation as the stage of knowledge; b) of the way in which the traveler learns about the space, how he moves around, how he watches, what results he achieves after observing — the phase of reflection on the experience he obtained at the stage of observation [Дускаева 2014].

This defines the variable nature of lexical groups, organizing the text of travel sketches (or word series as V. V. Vinogradov understands it). Part of them is made up of lexical groups, fairly homogeneous in their semantics, without the internal hierarchy of units that make up the group.

At this, the verbal material constituting such word series is evenly distributed in the text, forming a kind of pillar for the text of the work. In other word series, the units are heterogeneous in their structure and semantics, one can highlight the keywords with a large number of paradigmatic and syntagmatic relations with other lexical items. In this case, the main conceptual content of the work is concentrated in such word series.

This idea is confirmed by turning to another scientific direction of studying a text as a unity — to the text linguistics. Much attention to lexical material in the classical work was paid by I. R. Gal’perin [Гальперин 1981]. Y. M. Kalinina, who based her analysis of a fiction text composition on the principles of modern linguistic paradigm, distinguishes two groups of compositional components — structural and that of content and idea: “The first group consists of linguistic phenomena which are of direct relevance to the structural organization of the text, which reproduce the chronology of events and describe the environment surrounding the characters (elements of factual and idio-stylistic types). The second group consists of linguistic phenomena, carrying great meaning, which express the ideological position of the characters and the author (elements of ideological and individualized types)” [Калинина 2009: 6].

Referring to the lexical composition of a fiction work, one should obviously talk about different ways of implementing the text forming function of lexics. In one case, when word series constitute the lexical core of the work, the text-forming function is realized linearly; in the other case, when word series are directly related to the ideological content of the work, then it is realized nonlinearly.

Methodology of the study. Analysis of the vocabulary, which performs the text-forming function in I. A. Goncharov’s travel sketches, took place in several stages. At first, we carried out a systematic analysis of the lexical content of the sketches to determine the composition of lexical means, used by the author.

In the second phase, we allocated vocabulary groups, which make up the genre and stylistic originality of the work, we studied their role in the organization of the verbal composition in the work. It was found out that the vocabulary of some groups (word series) is uniformly distributed over the sketches, therefore, it performs the text-forming function linearly. In other cases, the words included in the group (word series), are often used in those passages that reflect the conceptional vision of the author, while the lexemes themselves demonstrate the

complexity of the semantics, the plurality of syntagmatic and paradigmatic relations. Such lexemes can be considered key ones, and they realize the text-forming function nonlinearly. At the third stage, we carried out the analysis of the selected groups' usage and their functioning features. The above — mentioned differences among the selected groups caused the difference in the research approach. The groups of lexics, which fulfill the text-forming function linearly, were analyzed without doing any analysis of specific lexical units' occurrences. We highlighted common features of the use and operation, typical of the group. In the case of vocabulary, which implements the text-forming function nonlinearly, the main research objective was a detailed description of these words' semantics, which required a careful study of the usage contexts, the system of paradigmatic and syntagmatic relations.

Material analysis. The groups implementing the text forming function linearly include names of exotic realities, regional language, maritime language, toponyms and ethnonyms. These groups are united in sketches due to the similarities of functioning and peculiarities of their use. The system of author's interpretations and explanations of lexical units from these groups confirms their special role in the "Frigate" sketches. The vocabulary becomes a kind of core of the sketches' texts, fulfilling the text-forming function linearly. While analyzing the words associated with the conceptual content of the sketches, it was found that the ethnonyms, toponyms, and toponymically-produced adjectives used in most cases in direct nominative meanings, in some cases, may form word series, in which the composing lexemes demonstrate the changes in semantics, the acquisition of new historical and cultural connotative meanings. The words of these word series form the ideological fabric of the sketches, thus, implementing the text-forming function nonlinearly.

The fact that these groups of toponyms are present on the sketches' pages devoted to the description of a round-the-world trip, seems quite obvious and predictable. They serve to indicate the position of the ship, the expedition members and the author on the world map at the moment of speech, in the past and in the future. An important role is played by the deictic vocabulary here:

I wrote to you, how I was fascinated with an island of Madeira (and its wine too). Then, when it disappeared from our sight, I got a little disappointed (Я писал вам, как я был очарован островом (и вином тоже) Мадеры. Потом, когда она скрылась у нас из вида, я немного разочаровался) [Гончаров 1997: 101]; I'm under the equator, under the vertical sun rays, on the border of India and China, in the realm of the eternal, mercilessly-hot summer (Я под экватором, под отвесными лучами солнца, на меже Индии и Китая, в царстве вечного, беспощадно-знойного лета) [Ibid.: 253]; They were still the most south islands, extreme limits, only the small islands and rocks of the Japanese archipelago, which bore European and their original names. There were Julia, Clara, then Jakunoshima, Nomoshima, Iwoshima, then came -saki: Tagasaki, Kossaki, Nagasaki. Shima means an island, Saki — a cape, or vice versa, I can't remember (Это были еще самые южные острова, крайние пределы, только островки и скалы Японского архипелага, носившие европейские и свои имена. Тут были Юлия, Клара, далее Якуносима, Номосима, Ивосима, потом пошли саки: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. Сима значит остров, саки — мыс, или наоборот, не помню) [Ibid.: 314], etc.

The author pays much attention to the accuracy of the toponyms' use, in the case there are several variable and equivalent names of the same geographical object, the author gives them all to the reader. This is especially true in cases when along with the original title, there are one or several names in European languages, which became the result of colonialists' activities: "First river in English or Erst river (the first river) in Dutch," — Vandyke replied

(«Ферст-ривер по-английски или Эршт-ривер (первая река) по-голландски», — отвечал Вандик) [Ibid.: 177].

In this case, the author gives two foreign-language names — English and Dutch — and then Russian translation. Such a use has a historical-cultural background, because the territory of the Cape colony in Africa was originally under the Dutch colonial rule, which was changed into English later. In some cases, when Goncharov presents a unique, exotic name, not the Europeans' given one, the author provides a kind of “etymological” reference, adds some reflections on the “right” name: *Koreans call themselves, or their country, Chaosin or Chausin, and the name of Korea belongs to one of their ancient dynasties (Корейцы называют себя, или страну свою, Чаосин или Чаусин, а название Корея принадлежит одной из их старинных династий)* [Ibid.: 617].

Ethnonyms play a similar role in the designation of the journey geography. Names of various tribes and peoples are often given in everyday contexts to describe daily life and often appear in the same row with other lexical units, which are the names of the tribes and their representatives: *Here is a tall handsome negro, Fingo or Mozambique, dragging bales on his shoulders; this is a “kuli” — a hired servant, a porter, running errands; here is another one, from the tribe of Zulu, and most often a Hottentot, deftly manages a pair of horses, harnessed in a convertible. There the third one, a bitchuan, leads a saddle horse; the fourth sweeps the street, raising the red-yellow dust (Вот стройный, красивый негр, финго или мозамбик, тащит тюк на плечах; это «кули» — наемный слуга, носильщик, бегающий на посылках; вот другой, из племени зулу, а чаще готтентот, на козлах ловко управляет парой лошадей, запряженных в кабриолет. Там третий, бичуан, ведет верховую лошадь; четвертый метет улицу, поднимая столбом красно-желтую пыль)* [Ibid.: 140]; *We raced along the village, now filled with crowds of people, mostly Tagalog and Chinese, partially mestizos: all these people were going to work or from work; others seemed to be just happy with the coming cool weather and came out of their homes to walk, they were walking along the shops, stood in crowds and talked (Мы промчались по предместью, теперь уже наполненному толпами народа, большею частью тагалами и китайцами, отчасти также метисами: весь этот люд шел на работу или с работы; другие, казалось, просто обрадовались наступавшей прохладе и вышли из домов гулять, ходили по лавкам, стояли толпами и разговаривали)* [Ibid.: 534].

The exotic realities' names were grouped along thematic lines basing on the unity of their use and functioning in the sketches minding the author's position regarding this language. The term “reality” here describes a fairly wide range of objects and phenomena of the local environment, perceived by the author as an integral part of the exotic reality, in which he abides during the journey. These are the names of natural phenomena and objects (plants: *kakisy (какисы), tangerines (мандарины)*; animals: *babwani (бабуан), shrimps (шримсы)*) and cultural realities proper (*poritoni (норимоны), saki (саки), jonka (джонка)*). Names of exotic realities are an important part of the narrative about places visited by I. A. Goncharov together with the “Pallada” crew during the voyage, creating the necessary historical and cultural context: *I was walking among the European houses and Chinese huts, among the ships and jonkas, between the Christian churches and the pagan temples (Я гулял между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христианскими церквами и кумирнями)* [Ibid.: 603]. Contrast is provided by means of enumeration of homogeneous objects pairs: each pair is formed by two nouns with a specific subject value, describing the realities belonging to different cultural codes (*a house — a hut, a ship — a jonka, churches — temples*).

Like the ethnonyms and toponyms, names of exotic realities reflect the geography of the journey because their composition changes with the change of the place of stay. A characteristic feature of their use is the presence of metalinguistic elements that serve to explain to the reader what the object or phenomenon is hidden behind the unknown or the little-known name: *curry served every day everywhere from the Cape of Good Hope to China, especially in India; it is beef or other meat, sometimes chicken, paltry, finally, even crayfish and especially shrimps cut in small pieces and cooked with a pungent sauce that is made up of ten or more Indian peppers. Moreover, this is served with some special, almost poisonous soy, after which the dish got its name. Specially cooked in the same water rice is served as a necessary belonging to it* (карри, подаваемое ежедневно везде, начиная с мыса Доброй Надежды до Китая, особенно в Индии; это говядина или другое мясо, иногда курица, дичь, наконец, даже раки и особенно шримсы, изрезанные мелкими кусочками и сваренные с едим соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев. Мало того, к этому подают еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, от которой блюдо и получило свое название. Как необходимая принадлежность к нему подается особо варенный в одной воде рис) [Ibid.: 143]. As can be seen from the above-given example, such meta-text inserts are of a purely personal nature and are usually full of speech means expressing the author's assessment of the object or reality phenomenon he saw. The author often compares the unknown with the known, which is an appeal to the reader's cultural memory: *there were also the so-called in English custard-apples, the fruit, looking like both pears and apples, with white flesh with black seeds* (еще были тут называемые по-английски кастард-эпплз (custard apples) плоды, похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами) [Ibid.: 98].

Regional vocabulary is present in the final "Siberian" sketches of "Frigate Pallada". Its functioning and usage specifics are in many ways similar to the vocabulary related to the names of exotic realities. Goncharov pays extraordinary attention to regional words, which he learnt directly from his lively conversations with the locals, thus giving the readers a wealth of material. For example, a description of the *povarnya* (поварня, 'an empty hut, designed for relaxation and travellers' overnight stay') full of irony: *Hence it is a quasi-povarnya. If you want to make it a real povarnya, bring your own cook, some provision as well, and sometimes some wood to the place where there is no forest; don't forget to bring some fire too* (Следовательно, это quasi-поварня. Если хотите сделать ее настоящей поварней, то привезите с собой повара, да кстати уж и провизию, а иногда и дров, где лесу нет; не забудьте взять и огня) [Ibid.: 686] and the imagery of the verb *curzhevet'* (куржеветь): *only eyebrows, eyelashes, mustache, and others have a beard, can curzhevet', that is cover with ice, so strongly that eyebrows grow together with lashes, the mustache — with the beard and they form an ice visor on the face* (только брови, ресницы, усы, а у кого есть и борода, куржевеют, то есть покрываются льдом, так что брови срastaются с ресницами, усы с бородой и образуют на лице ледяное забрало) [Ibid.: 698], etc.

Like the names of exotic realities in "exotic" sketches of "Frigate" cycle, the "Siberian" ones (a return to Petersburg is described) have the regional lexicon accompanied by the author's explanations. In this case, they are often formally recognized as part of the dialogue with local residents. So, it is possible to detect the whole series of interpretations of the words in the dialogue, with one explanation leading to another: *"You'd better buy kukhlyanka, especially a double one..." — said the other, who had been listening to our conversation. "What is kukhlyanka?" — I asked. "This is a sort of a shirt made of reindeer skins, fur up. And if you buy a double one, than you'll get the same wool underneath, so you won't need any coats". "No, it's hard to put*

on, — somebody interrupted, — you won't be able to move in this double kukhlyanka. You'd better buy a reindeer-fur coat to wear under one side kukhlyanka — that's all". — "What is a reindeer-fur coat?" — "This is a coat made of young deer skins". "You'd better buy a borovaya dokha, — said the fourth, — then you'll have all you need". — "What is it — a borlovaya dokha?" — I asked. "This is the skin of a wild goat, it's fluffy, warm and soft: there is no chance frost will reach you" («Лучше всего вам кухлянку купить, особенно двойную...» — сказал другой, вслушавшийся в наш разговор. «Что это такое кухлянка?» — спросил я. «Это такая рубашка из оленьей шкуры, шерстью вверх. А если купите двойную, то есть и снизу такая же шерсть, так никакой шубы не надо». «Нет, это тяжело надевать, — перебил кто-то, — в двойной кухлянке не поворишься. А вы лучше под одинакую кухлянку купите пыжиковое пальто, — вот и всё». — «Что это такое пыжиковое пальто?» — «Это пальто из шкур молодых оленей». «Всего лучше купить вам борловую доху, — заговорил четвертый, — тогда вам ровно ничего не надо». — «Что это такое борловая доха?» — спросил я. «Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не проберет») [Ibid.: 674]. Further, such words as *torbasy* (торбасы), *tchizhy* (чижи), *naled'* (наледь), *khius* (хюс), *otemnet'* (отемнеть) are similarly clarified — overall, there are 8 lexical units interpreted in this dialogue. The author explains the words *dokha* (доха) and *naled'* (наледь) in subsequent occurrences too. Lesser-known nominations hide the objects, familiar to the reader (*ushkan* — 'a hare', *morda* — 'nets'), and unknown to the reader (*tschyoki* (щёку) — 'a steep bank on the Lena river', *hius* (хюс) — 'Northern wind').

Marine vocabulary not just creates the colouring of marine life (in this case, such a degree of sketches' being saturated with nautical words would not be required), but also fulfils an educational function (like in the case of exotic realities and regional vocabulary examples). The author introduces the reader to the peculiarities of marine life and the language that these features reflect. It should be noted that the author provides the following as proper naval terms: *mizzen-mast* (бизань-мачта), *topsail* (марселя), *sailing system* (парусная система), *mainsheet* (шкот), etc. He also gives some professional jargon: *whaler* (китолов, 'a whale hunting ship'), *merchant* (кунец, a ship, carrying trade items), etc. The author also gives the lexical units, which he heard in simple sailors' speech: *aseyi* (асеи, 'English people'), *bratishka* (братушка, a word they address each other with), *fordak* (фордак, 'a jibe').

I. A. Goncharov illustrates the words related to marine vocabulary with explanations designed to bring the incomprehensible phenomenon closer to the usual reader whose life is far from sea: *Squalls came: squalls are when you sit in the country house, suspecting nothing, with the windows open. The suddenly your balcony is attacked by wind, it bursts inside with dust through the window, shatters glass, knocks the pots, slams the shutters, when people are usually late to hurry to shut the windows, to remove flowers, meanwhile, the rain had enough time to pour onto the furniture, onto the floor. Now this situation is repeated here every half an hour* (Начались шквалы: шквалы — это когда вы сидите на даче, ничего не подозревая, с открытыми окнами, вдруг на балкон ваш налетает вихрь, врывается с пылью в окна, бьет стекла, валит горшки с цветами, хлопает ставнями, когда бросаются, по обыкновению поздно, закрывать окна, убирать цветы, а между тем дождь успел хлынуть на мебель, на паркет. Теперь это повторяется здесь каждые полчаса) [Ibid.: 67]. The reality of marine life, unusual for the reader, ignorant in naval matters, is placed into a situation familiar to everybody; the "approaching effect" is also supported by I. A. Goncharov's direct addressing his reader (*you sit in the country house*), which is another characteristic feature of the sketches.

Observing life in different parts of the world, its conceptual comprehension is the ideological content of the sketches — words that have become crucial for these fragments of sketches,

form the group of vocabulary, which implements the text-forming function nonlinearly. A word series with the English ethnonym *the English* and the adjective *English* turned out to be the most demonstrative in this respect concerning a number of extralinguistic reasons. It is associated with such key words as *comfort* (комфорт), *convenience* (удобство), *civilization* (цивилизация), *trade* (торговля), *practicality* (практичность) etc. One should mind the fact that the keywords, forming a word series, are associated with the image of the British in the Russian culture, which is illustrated by the analysis of texts used as comparative material.

Cultural and historical component of the meaning is of a particular importance in the semantics of these words. Thus, the meaning of the word *comfort* actualized in various contexts of the work contains a seme 'novelty', for example: *It is easy to guess that the owners (of the hotel in the Cape colony in Africa. — E. S.) were English: the furniture is new, everything is fresh and full of signs of comfort* (Нетрудно догадаться, что хозяева были англичане: мебель новая, всё свежо и везде признаки комфорта) [Ibid.: 177].

This was due to the English dominance of the time in the world economy — it is this country, which owned the most advanced production technologies of consumption goods (as they would be called now). That is why a comfortable way of life meant using all these inventions in daily life: *After that, reserved and confident, that he (the Englishman. — E. S.) lived this day with all conveniences, that he saw a lot wonderful, that he's got a duke (Wellington. — E. S.) and steamed chickens, that he sold a party of paper blankets on the stock exchange, and his voice — in the Parliament, he sits down to eat and leaving the table not quite steadily, hangs non-opening locks to the closet and the bureau, removes his boots with a machine, sets the alarm clock and goes to bed* (После того, покойный сознанием, что он прожил день по всем удобствам, что видел много замечательного, что у него есть дук и паровые цыплята, что он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте — свой голос, он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать) [Ibid.: 61].

With the change in the position of Great Britain on the world stage, the nature of the word *comfort* (комфорт) usage has changed when used addressing the Albion residents. It can be seen in cultural descriptions of England of the XX and XXI centuries, in which English comfort is described as the addiction of the English to the old, familiar things, sometimes passing from generation to generation (close to the concepts "patriarchy", "patriarchal" according to Goncharov) [Овчинников 1987; Паксман 2009].

Another interesting example is the ratio of the volume of the terms "trade" and "life", which are expressed by the corresponding lexical units in the following contexts, creating the image of the English capital: *Meanwhile, the overall impression produced by London exterior view, with its circulation of population, is strange: there are up to two million inhabitants, it is the world trade center, —but why do you think life, its rapid fermentation, is so unnoticeable. Trade is visible, but there is no life: or you should conclude that the trade is life here, as it is, in fact* (Между тем общее впечатление, какое производит наружный вид Лондона, с циркуляцией народонаселения, странно: там до двух миллионов жителей, центр всемирной торговли, а чего бы вы думали не заметно? — жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле) [Гончаров 1997: 48].

The lexemes expressing the concept of "life" and "trade" are largely presented as contextual antonyms (opposed as a part and the whole). Moreover, they are concepts, which are mutually exclusive. Contrasting between these two concepts is expressed in this context by contrasting attributes of life in London and life in a general sense: *population circulation* (цир-

куляция народонаселения) — *rapid fermentation of life* (бурное брожение жизни). The word *circulation* (циркуляция) has the following definition in Dahl's dictionary: 'turning, rotation'; compatibility presented in the glossary is important — *blood circulation* (циркуляция крови) [Даль, IV]. Thus, terminology is important; regular, mechanistic nature of the movement means much. The word *fermentation* (брожение) is explained in the dictionary of 1847 in its general meaning: 'the same as moving', i. e. 'walking there and back' in its special meaning: 'In chemistry: inside movement that occur in organic solids and in liquids containing organic parts by means of ferment: wine, spirit movement' [Словарь... 1847, I].

Y. S. Sorokin notes that such combinations as *mind fermentation* (брожение ума) are usual in the 30-ies of the XIX century. Here, associations with chemical ideas are obvious and often accentuated in these contexts [Сорокин 1965: 410]. In this context, it is important to emphasize spontaneity, randomness of this kind of movement. The final part of I. A. Goncharov's argumentation is to convince the reader that the concepts are of equal volume. The word *trade* (торговля) takes on the meaning 'a comprehensive activity, leveling all other aspects of life'.

The results of the study. Analysis of the lexical material of travel sketches by I. A. Goncharov in "Frigate Pallada" has demonstrated a special role of lexical means in their textual organization. We discovered the groups (word series), the component units of which form the verbal composition of sketches, thereby fulfilling the text-forming function.

The implementation nature of the text-forming functions of different word series' vocabulary is different. Some of them are formed by units, which are evenly distributed all over the text, seal it and make it the whole. Thus, the units of these groups become a kind of lexical axis around which the work is created. These are the names for exotic realities, regional language, maritime language, toponyms and ethnonyms. Among these groups' lexical units' usage features, especially noteworthy is a network of metalinguistic elements (author's interpretations and explanations), with which I. A. Goncharov supplies a significant part of lexical units belonging to those groups (on specifics of little-known and unknown nominations' explanations in I. A. Goncharov's works — [Щерлова 2014]).

Another characteristic feature of these groups' lexical units' use is introducing several names or equivalent names. The fact of the author's attention to this language speaks of its role in the sketches. The pattern of this vocabulary use shows the stage of observation in the process of understanding the world. Such lexical units are implementing the text-forming function linearly.

Other word series are formed by the units, which are key ones for those fragments of sketches in which the author presents his vision of the world. Hence the extraordinary semantic load of these words, is expressed in the presence of diverse shades of meaning, but also of historical, cultural and evaluative connotative meanings.

They reflect the next step in the process of learning — understanding. The words of this lexical series form the ideological fabric of the sketches, that is, implement the text-forming function nonlinearly.

Conclusion. Thus, I. A. Goncharov's travel sketches being definitely some of the best examples of travel sketches of his time — reflect all the contradiction in the human perception of the world and of person's self in this world, typical of this period, with its rapid processes in all spheres of society. This is what the need to study words as a carrier of historical and cultural memory is explained with.

The results of this study show the necessity of studying journalistic texts of different periods from different linguistic and stylistic perspectives: scientific prospects of such a diachronic approach also aiming at comprehension of modern media texts are proven by T. Y. Red'kina's works in the sphere of modern travel texts studying [Редькина 2011; 2015].

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высш. школа, 1971.
- Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков: учебник. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1982.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
- Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997.
- Горшков А. И.* Русский язык в русской словесности. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2015.
- Горшков А. И.* Теория и история русского литературного языка. М.: Высш. школа, 1984.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1989–1991.
- Дускаева Л. Р.* Познавательльно-просветительская медиаречь: репрезентация коммуникативно-го сценария трэвел-медиа-текстов // Науч. вестн. Белгор. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197), вып. 24. С. 85–92.
- Калинина Ю. М.* Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009.
- Коньков В. И.* Жанр как речевая структура // Русская речь в средствах массовой информации: речевые системы и речевые структуры / под ред. В. И. Конькова, А. Н. Потсар. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 198–209.
- Николаева Т. М.* Текст // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Бол. сов. энцикл., 2000. С. 507.
- Овчинников В. С.* Сакура и дуб: впечатления и размышления и японцах и англичанах. Минск: Народная Асвета, 1987.
- Паксман Дж.* Англия: портрет народа. СПб.: Амфора, 2009.
- Покатилова Н. В.* «Фрегат „Паллада“» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840–1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Проценко Е. Г.* Литература путешествий в России в 1840–1850-е годы: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Редькина Т. Ю.* Речевая разработка темы «другая страна» // Русская речь в средствах массовой информации: речевые системы и речевые структуры / под ред. В. И. Конькова, А. Н. Потсар. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 70–123.
- Редькина Т. Ю.* Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале трэвел-текста) // Медиалингвистика. 2015. № 2(8). С. 104–116. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf.
- Словарь* Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847.
- Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
- Щеглова Е. А.* Неизвестные и малоизвестные номинации в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 (142). С. 47–50.

REFERENCES

- Dahl V. I.* Explanatory dictionary of the great live Russian language: 4 vol. [Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.]. Moscow, 1989–1991.
- Duskaeva L. R.* Cognitive-educational media-speech: representation of the travel media texts' communicative scenario [Poznavatel'no-prosvetitel'skaya mediarech': reprezentaciya kommunikativnogo scenariya trehvel-mediatekstov] // Nauch. vedomosti of Belgor. Univ. Humanities ser. [Nauch. vedomosti Belgor. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki]. 2014. No. 26 (197), is. 24. P. 85–92.

- Gal'perin I. R.* Text as object of a linguistic research [Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya]. Moscow, 1981.
- Goncharov I. A.* Frigate Pallada: travel sketches in two volumes [Fregat «Pallada»: ocherki puteshestviya v dvuh tomah] // Goncharov I. A. Complete collection of works and letters: 20 vol. [Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.]. Vol. 2. St Petersburg, 1997.
- Gorshkov A. I.* Russian in Russian literature [Russkij yazyk v russkoj slovesnosti]. Moscow, 2015.
- Gorshkov A. I.* Theory and history of the Russian literary language [Teoriya i istoriya russkogo literaturnogo yazyka]. Moscow, 1984.
- Kalinina Yu. M.* Composition of the literary text as a means of expressing its anthropoid-centrism: PhD thesis [Kompozitsiya hudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyrazheniya ego antropocentrichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Elets, 2009.
- Kon'kov V. I.* Genre as a speech structure [Zhanr kak rechevaya struktura] // Russian speech in the media: speech systems and voice structures: a collect. monogr. [Russkaya rech' v sredstvakh massovoj informacii: rechevye sistemy i rechevye struktury: kolektiv. monogr.]. St Petersburg, 2011. P. 198–209.
- Nikolaeva T. M.* Text [Tekst] // Linguistics: The Big Encyclopedic Dictionary [Yazykoznanie: bol'shoj lingv. slovar' / gl. red. V. N. Jarceva]. Moscow, 2000. P. 507.
- Ovchinnikov Vs.* Sakura and oak: impressions and reflections on Japanese and English [Sakura i dub: vpechatleniya i razmyshleniya i yaponchah i anglichanah]. Minsk, 1987.
- Paxman J.* England: portrait of the people [Angliya: portret naroda]. St Petersburg, 2009.
- Pokatilova N. V.* “Frigate Pallada” in I. A. Goncharov's creative evolution in 1840–1850: PhD thesis [«Fregat „Pallada“» v tvorcheskoj evolyucii I. A. Goncharova 1840–1850h godov: dis. ... kand. filol. nauk]. Leningrad, 1989.
- Protsenko E. G.* Travel literature in Russia in 1840–1850 years: PhD thesis [Literatura puteshestvij v Rossii v 1840–1850-e gody: dis... kand. filol. nauk]. Leningrad, 1984.
- Red'kina T. Yu.* Speech development of the topic “another country” [Rechevaya razrabotka temy «drugaya strana»] // The Russian speech in the media: speech systems and voice structures: a collect. monogr. [Russkaya rech' v sredstvakh massovoj informacii: rechevye sistemy i rechevye struktury: kolektiv. monogr.]. St Petersburg, 2011. P. 70–123.
- Red'kina T. Yu.* Verbal explication of a situational model: linguistic-praxeologic approach (on a travel-text) [Rechevaya ehksplikatsiya situacionnoj modeli: lingvopraksiologicheskij podhod (na materiale trevel-teksta)] // Media linguistics [Medialingvistika]. 2015. No. 8. P. 104–116. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf.
- Shcheglova E. A.* Unknown and little known nominations in I. A. Goncharov's travel sketches “Frigate Pallada” [Neizvestnye i maloizvestnye nominacii v ocherkah puteshestviya I. A. Goncharova «Fregat „Pallada“»] // The scientists' notes of Petrozavodsk State University [Uchyonye zapiski Petrozavod. gos. un-ta]. Ser. Social Sciences and Humanities. 2014. No. 5 (142). P. 47–50.
- Sorokin Yu. S.* Vocabulary development of Russian literary language in 30–90s years of the 19th century [Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gody XIX veka]. Moscow; Leningrad, 1965.
- The dictionary of Church Slavonic and Russian language, compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences [Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennij Vtorym otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk]. St Petersburg, 1847.*
- Vinogradov V. V.* On the language of fiction [O yazyke hudozhestvennoj literatury]. Moscow, 1959.
- Vinogradov V. V.* On the theory of fiction language [O teorii hudozhestvennoj rechi]. Moscow, 1971.
- Vinogradov V. V.* Sketches on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries [Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov]. Moscow, 1982.

..... ХРОНИКИ

УДК 81'33;
ББК 81'1;
ГРНТИ 16.31.5;
КОД ВАК 10.01.10; 10.02.19

В. И. Ивченко
Минск, Беларусь

СТИЛИСТИКА: ЯЗЫК, РЕЧЬ И ТЕКСТ

Виктор Иванович Ивченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.
220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 407.
E-mail: diskurs03@mail.ru.

© Ивченко В. И., 2017

23–24 февраля 2017 г. на базе Института журналистики Белорусского государственного университета в Минске состоялась IV Международная научно-практическая конференция «*Стилистика: язык, речь и текст*», посвященная 95-летию доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника образования Республики Беларусь *Михаила Евгеньевича Тикоцкого*.

Традиция. Научная конференция является регулярно проводимым научным форумом с периодичностью раз в пять лет и приобрела статус международного проекта, осуществляемого при участии Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, двух комиссий Международного комитета славистов — Медиалингвистической и Стилистической. В рамках конференции проходят заседания бюро комиссий. Решение о проведении заседаний комиссий обусловлено тем, что в Республике Беларусь создана фундаментальная теоретическая база в области стилистики, основателем которой заслуженно считается М. Е. Тикоцкий — первый заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования БГУ.

Международная научно-практическая конференция собрала представительный круг исследователей. В ней приняли участие ученые Российской Федерации (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Уральский федеральный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Южно-Уральский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), Украины (Киевский национальный

университет имени Тараса Шевченко, Национальный университет «Львовская политехника», Хмельницкий национальный университет, Сумской государственный педагогический университет имени А. С. Макаренко, Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко, Киевский университет культуры), Литвы (Вильнюсский университет), Японии (Университет Иватэ), Приднестровья (Приднестровский государственный университет).

Научное сообщество, представленное исследователями из Белорусского государственного университета, Национальной академии наук Беларуси, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Минского государственного лингвистического университета, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Белорусского национального технического университета, Академии МВД Республики Беларусь и других вузов страны, сердечно приветствовало своих коллег. Организаторы приложили должные усилия для обеспечения конструктивного научного диалога, создания вовлеченной в проблемное поле атмосферы.

Духовно-нравственный потенциал. Результативность конференции предварялась духовно-нравственным и воспитательным замыслом, журфаковской традицией, заложенной еще 15 лет назад, — проводить конференцию имени заслуженного ученого, тонкого стилиста, интеллигентного профессора, подарившего сотням журналистам свой удивительный научный мир, давшего им понимание профессии. Прижизненные юбилейные конференции имени М. Е. Тикоцкого имели широкий резонанс. Символичен тот факт, что именно в 2012 г., когда проводилась Третья конференция, возобновились научные связи с центрами лингвистической подготовки будущих журналистов. Начался новый период тесного сотрудничества кафедры стилистики и лтературного редактирования БГУ с кафедрой речевой коммуникации СПбГУ.

Нынешняя конференция проходила в память об ушедшем ученом. Для того чтобы не прерывалась связующая нить поколений, кафедра стилистики и литературного редактирования разработала цикл мероприятий, посвященных памяти профессора Тикоцкого. В них было совмещено празднование дорогих сердцу педагога и ветерана Великой Отечественной войны Дней — родного языка и защитника Отечества.

21 февраля 2017 г. в медиатеке имени М. Е. Тикоцкого под руководством доцента О. А. Горбач проведена литературно-музыкальная композиция «Родное слово: уроки Тикоцкого». Основными участниками мероприятия стали студенты, которые в цитатах, стихах и музыке ощутили вдохновение слова. Эстафета была подхвачена и в последующие дни. В рамках занятий в течение пяти учебных дней проводились лектории и академические студии «Жыццём і словам прысягаючы...» Для содержательного наполнения их на сайте факультета были размещены биография, видеоролики о фронтовой, научной и преподавательской жизни профессора (URL: www.journ.bsu.by).

Завершающей акцией явилась презентация учебника доцента кафедры А. А. Руденко «Язык и стиль СМК» и «Справочника по литературной правке» доцента П. П. Жолнеровича, вышедшего в Беларуси впервые. После серьезного научного разговора, состоявшегося на пленарном и секционных заседаниях конференции, на следующий день был организован мастер-класс кандидата социальной коммуникации доцента кафедры журналистики Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко (Украина) Г. А. Кудряшова «Редактор как конструктор книги». Книга была представлена в качестве важного инструмента

духовно-нравственного приобщения студентов к истокам культурного наследия, проиллюстрировано мастерство редактора в создании книги — от рукописи к изданию.

В приветствиях участникам конференции министра информации Республики Беларусь Л. С. Ананич, председателя республиканского фонда фундаментальных исследований академика С. В. Гапоненко, ректора Белорусского государственного университета академика С. В. Абламейко были очерчены ориентиры государственной информационной политики, стратегии фундаментальных разработок в разных сферах науки, в том числе подчеркнута особая роль гуманитарных исследований в университетском образовании. Министр обратила внимание на тот факт, что плеяда белорусских ученых XX в. заложила достойный фундамент для развития журналистики, отечественного и славянского языкознания. Посвятив себя науке, заботясь о родном языке, ученые-стилисты передали нынешнему поколению наследие, которое требует особого внимания, вдумчивых шагов по развитию достигнутого. Старательно накопленное в научной и творческой копилке дает импульс к последующим исследованиям, к постижению тайн речи, открывает путь к творческому поиску. Владение словом определяет, по словам министра, облик современного журналиста, его профессиональное мастерство, делает мобильным и успешным.

С. В. Гапоненко обратил внимание на географию участников конференции, подчеркнув тот факт, что научный форум собрал ученых из университетов «от далекой Японии до братских нам России и Украины».

Научная дискуссия. Исследование стилистических проблем на современном этапе представляется важным для языкознания и шире — филологии, поскольку именно стилистика, бурно развивавшаяся в прошлом веке, сегодня является уникальной дисциплиной, имеющей свою историю, прирастающей новыми эффективными концепциями и оригинальными методами исследования.

Обсуждение проблематики конференции началось с пленарного заседания, на котором было представлено 8 докладов. В основном докладе «Стилистические приоритеты вчера и сегодня: истоки творческого наследия профессора М. Е. Тикоцкого» речь шла об особенностях становления и развития белорусской стилистики. Как отметил профессор В. И. Ивченко (Беларусь), отечественная стилистика формировалась в условиях исследования публицистики, что связано с защитой Тикоцким в 1972 г. докторской диссертации «Проблемы языка и стиля публицистического произведения» и выходом его книги «Стилистика публицистических жанров» (1971). Советские исследования базировались на изучении эмпирического материала русской художественной литературы. В этом направлении были сделаны прорывные шаги в функциональной стилистике. В докладе фокусируется внимание на формировании стилистических учений от исследований раннего Г. О. Винокура до фундаментальной разработки проблем стилистики В. В. Виноградовым, работы которого стали основополагающими для развития стилистик национальных языков Советского Союза. Отражено взаимодействие разных научных школ современности, представлен взгляд на специфику включения стилистических проблем в круг смежных наук.

Доктор исторических наук профессор О. Г. Слука (Беларусь) в докладе «Концептуальное содержание „эстетики публицистического слова“» указал на философскую природу данного понятия, определил его в качестве категории, включающей в себя диалектическую парадигму развития творческого процесса, характерными особенностями которой, по мнению докладчика, являются: выбор автором общественно-ценностной проблемы, ее глубокая научная разработка и образное литературно-художественное

оформление. Концептуальная основа эстетики публицистического слова, резюмировал выступающий, в свое время была разработана выдающимся белорусским ученым профессором М. Е. Тикоцким, которая и на сегодня является методологической основой деятельности современных публицистов.

Проблеме типов изложения в журналистских речевых жанрах был посвящен доклад председателя Медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов профессора Л. Р. Дускаевой (Россия). Особо подчеркивалась мысль о том, что лингвистическое жанроведение, вызванное к жизни работами М. М. Бахтина, сегодня составляет дискуссионную платформу для ученых всего мира. Проводя грань между трактовкой жанров в журналистике и языкознании, докладчик экстраполировала исследовательский опыт на классификацию речевых жанров как типов изложения. Справедливо отмечалось, что традиционные журналистские жанры в журналистской практике представлены разными композиционно-речевыми формами — типами изложения, анализ которых позволяет выявить разные виды и формы речевой деятельности журналиста. Предложена авторская концепция системы речевых жанров журналистики, построенная на основании вычленения жанровых форм модусов (сообщения, оценки и побуждения) и денотатов, на которые направлены модусы. Оригинальный взгляд на интегрирование предложенной классификации в русле композиционно-стилистической организации современных медиатекстов в теорию и практику журналистики вызвал среди участников конференции живой интерес.

На материале публицистики базы данных Integrum (URL: www.integrumworld.com) исследователем Даики Хоригути (Япония) было собрано свыше 250 заимствованных глаголов с 20 префиксами. В докладе они проанализированы как элементные составляющие медиатекста с точки зрения метаязыковой рефлексии. Продуктивность данного исследования обеспечивается собранным автором апостериорным материалом, так как именно медиатекст в силу своей специфики (оперативности создания и распространения, коллективного авторства, коммуникативной функциональности) представляет благодатную почву для вживления в речь конструкций-рефлективов. Докладчик искусно апеллировал к слушателям, когда приводил неудобопроизносимые глаголы типа *сынтегрировать*, *перепозировать*, *прокомпенсировать*, *зарапортовываться*, *отпопуляризовать*, обращая внимание на то, что в тексте не являются столь важными ни имперфективирующий суффикс, ни перфективирующий префикс, и, следовательно, при редактировании аффикс может быть удален. Докладчик справедливо задает вопрос: почему в одном тексте глагол сохранен, а в другом — нет? У аудитории вызвала видимый отклик трактовка метаязыковой рефлексии в виде пояснительных комментариев. Докладчик убедительно показал, что в них автор текста выражается модально, обеспечивает понимание читателем образованного глагола с помощью разных пояснительных средств, а это в итоге обостряет языковое сознание в динамическом словообразовательном процессе.

В докладе председателя Стилистической комиссии при Международном комитете славистов профессора Н. И. Клушиной (Россия) «Стилистика информационной эпохи» актуализированы вопросы подходов к изучению стилистических явлений и к пониманию самой науки. По мнению докладчика, функциональная стилистика представляет собой научное достижение традиционной книжной эпохи, эпохи линейного текста. В ней стилистика организовывалась как система стилей. Сегодня, утверждает исследователь, в науке доминирует антропоцентрический подход, который выражается в развитии когнитивного, коммуникативного / дискурсологиче-

ского, интенционального и прагматического направлений, идущих «от человека», а не от «системы». Общеизвестно, что книжная эпоха сменилась информационно-медийной. Дискуссионным стало предположение автора о некритическом смешении стилистики и дискурсологии. Эта проблема, отметила Клушина, неоднократно обсуждалась на заседаниях Стилистической комиссии. Полемика вызвана, по-видимому, интегрирующим подходом к пониманию стиля и дискурса. Автор предложил проводить демаркационную линию между понятиями, определяя дискурс как совокупность текстов, а стиль как совокупность текстов, реализующих определенную функцию. Однако стилистика и формирующаяся дискурсология имеют разные пути исследования: интралингвистический (от формы к содержанию и связанные с этим философское и эстетическое) и экстралингвистический (не просто совокупность текстов, а коммуникативное явление, характеризующееся совокупностью факторов, непосредственно связанных с функционированием говорящего, представленное в тексте как иерархия знаний, стратегий и тактик, раскрывающих суть вопросов: кто создал текст, как, когда, зачем, почему...). Понятия «дискурс» и «стиль» не могут быть взаимозаменяемыми, они взаимообусловлены и взаимодополняемы, вызваны эволюционным ходом коммуникативного знания: слово — текст — дискурс. Историческая последовательность включения понятий в научное обозрение свидетельствует о таком векторном направлении.

В конце XX в. в отечественной лингвистике только начали подступать к дискурсу. И сделано это было, например, в белорусской традиции через призму стилистических учений. Понятия «стиль» и «дискурс» в то же время разнородны, их сближает базовый предмет — текст, но принципиально отличает друг от друга методология исследования, базирующаяся на принципах интра- и экстралингвистического порядка. По сути, автор доклада в итоге приходит к похожим выводам, поскольку определяет междисциплинарный характер медиастилистики и подчеркивает тесное взаимодействие ее с дискурсологией, с медиалингвистикой, с медиалогией.

На пленарном заседании профессор А. В. Емец (Украина) продолжил дискуссию по проблеме семантики и прагматики интертекстуальных аллюзий в газетных и художественных текстах. Для современных исследователей эта тема традиционна. Интересными были соображения, высказанные по поводу перевода аллюзий. Неточность перевода иногда может привести к искажению смысла журналистского материала. Выступающий проиллюстрировал это примером употребления переводной интертекстуальной аллюзии из известного рассказа О. Генри “The Roads We Take” («Дороги, которые мы выбираем»), где главный персонаж произносит циничную фразу “Bolivar can’t carry double” («Боливар не вынесет двоих»). Он отметил, что президентские выборы в Украине 2004 и 2010 гг. характеризовались яростной конкуренцией двух основных кандидатов. Поэтому в популярной газете «Зеркало недели» дважды использовался заголовок «Майдан не вынесет двоих», где интертекстуальный заголовок создал негативный, даже зловещий эффект.

На обширном материале украинский ученый показал, что в газетных и журнальных статьях, в художественных текстах чаще всего аллюзии являются основой для создания таких тропов, как метафора, сравнение, антономазия.

Профессор М. И. Конюшкевич (Беларусь) для разговора предложила интересную тему о текстообразующих фразеосхемах в современной коммуникации. Были представлены результаты анализа функциональных и структурных сдвигов в предикативных единицах, которые активно применяются в современной белорусскоязычной и русско-

язычной коммуникации в роли коннектора межфразовой связи. Изучение проводилось на примере конструкции *Дело в том, что...* Докладчик справедливо указала на тот факт, что сегодня фактически отсутствует (как в русском, так и в белорусском языках) инвентаризация не только коннекторов междиктеменной связи в текстах, но и вообще всех скреп, функционирующих между предикативными единицами даже в пределах одного высказывания. Традиционная лингвистика, с упреком отметила Конюшкевич, замкнулась на созданном ею собственном структурно-семантическом конструкте соединительных средств, в то время как круг этих единиц формируется авторитетной силой самого языка.

Слушателям был предложен внушительный иллюстративный ряд, позволивший докладчику резюмировать: речевая действительность демонстрирует множество средств, которые служат формантами минимальных текстовых единиц, и они требуют максимальной инвентаризации в рамках отдельного языка и подробного грамматического описания.

Завершилось пленарное заседание докладом доцента Г. А. Кудряшова (Украина), в котором был представлен опыт использования потенциала творческих проектов при преподавании дисциплины «Основы издательского дела и редактирования». Молодой исследователь предложил оригинальную методику чтения курса через призму четырех составляющих редакционно-издательского процесса — подготовительного, собственно редакторского, производственного и промоционного, показал этапы практического участия студентов в учебном процессе как издателей, редакторов и журналистов.

Дискуссия была продолжена на секционных заседаниях, на которых тематическое поле касалось блоков «Динамические процессы в языке и стиле СМИ», «Дискурсный анализ СМИ и медиариторика», «Слово в художественном и публицистическом текстах», «Типология публицистических жанров», «Журналистика: новая парадигма информационного взаимодействия».

На вечернем заседании конференции состоялось бюро Медиалингвистической комиссии, на котором профессор Л. Р. Дускаева ознакомила приглашенных с основными направлениями работы комиссии. Было отмечено расширение как тематического блока исследований, так и локального участия в них ученых. Медиалингвистическая научная платформа разрастается, в качестве ее разработчиков выступают ученые не только славянских, но и других стран. Потенциал их высок, авторитет возрастает, отметила профессор. Внесено предложение о масштабировании научной деятельности комиссии и придании ей более экспонированной формы.

В рамках заседания Стилистической комиссии, которое состоялось во второй день конференции, после вступительного слова председателя комиссии Н. И. Клушиной, определившей приоритеты ее деятельности, Л. Т. Касперова доложила об участии членов комиссии в Конгрессе славистов в Белграде в 2018 г. Тематический блок «Медиакультура и стиль», отметила она, посвящен проблемам развития медиакультуры в современном информационном обществе. В основном докладе профессора Ст. Гайды (Польша) будут сформулированы теоретические основы соотношения медиакультуры и стиля. В докладах участников блока планируется обсудить вопросы, касающиеся аксиологии современных медиа (проф. Т. В. Кузнецова, проф. Л. И. Шевченко — Украина), гуманитарных стратегий медиакультуры (профессор Н. И. Клушина, доцент Н. В. Смирнова — Россия), влияния экстралингвистических факторов медиадискурса на культуру (профессор В. И. Ивченков — Беларусь), стилистических и когнитивных механизмов формирования медиакуль-

туры (профессор А. Гуркова — Македония и Г. Милашин — Сербия).

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции.

Заинтересованное обсуждение проблем языка и стиля современных СМИ, медиа-лингвистики укрепило участников конференции во мнении приоритетного характера проведения подобных исследований, что придаст новый импульс в выработке объективных, системно организованных и обоснованных знаний о языке, человеке и медийной эпохе.

УДК 81-119
ББК 72.4
ГРНТИ 16.01.13
КОД ВАК 10.02.01

.....
В. И. Коньков
Санкт-Петербург, Россия

**РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА СМИ
И ИНТЕРНЕТА
В АСПЕКТЕ СТИЛЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

.....
Владимир Иванович Коньков, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26, ауд. 703. E-mail: v_konkov@mail.ru.

© Коньков В. И., 2017

13 апреля 2017 г. в рамках Международного научного форума «Медиа в современном мире. 56-е Петербургские чтения» прошло заседание круглого стола «Коммуникативная среда СМИ: проблемы стилового взаимодействия». В целом в работе круглого стола очно и заочно приняли участие 34 человека.

Дискуссия развернулась на основе докладов Л. Р. Дускаевой, В. В. Славкина, В. В. Волковой.

Л. Р. Дускаева уточнила применительно к традициям и современному состоянию стилистики содержание базовых категорий, позволяющих изучать проблемы стилового взаимодействия на строгой научной основе: различные истолкования категории стиля, принципиальную важность для стилистических исследований категории речевой системности и категории текста.

В. В. Славкин представил заявленную для круглого стола проблематику на примере разграничения явлений стилистического контраста, понимаемого как прием, и стилистического диссонанса, который скорее можно квалифицировать как стилистическую неудачу.

В. В. Волкова продемонстрировала специфику проблематики стилового взаимодействия на примере поликодового телевизионного текста, сформированного как вербальными, так и невербальными знаковыми системами. Н. Г. Бойкова, анализируя поликодовый текст ток-шоу, отметила, что стихия сниженной разговорности все более теснит в обозначенной сфере кодифицированный литературный язык. М. И. Маевская продемонстрировала, как при тесном соседстве различных видов телевизионной речи один из двух текстов, принадлежащих разным авторам, оказывает воздействие на другой текст на основе наличия общей для двух текстов коммуникативной цели. Разговорность как коммуникативную основу современных телевизионных ток-шоу подвергли

анализу М. Я. Запрягаева и А. М. Шишляникова. Е. П. Мурашова представила результаты изучения конститутивных признаков дискурса политической рекламы на основе анализа рекламного видеоролика.

В. И. Коньков представил проблему стилового взаимодействия как использование в речевой практике медиа речевого опыта, накопленного в речевой практике общества в целом, что позволяет говорить о некоторой изоморфности структуры части и целого. И. Г. Гулякова показала, что принцип чередования экспрессии и стандарта носит достаточно универсальный характер и проявляется в любых текстах, рассчитанных на массовую аудиторию, в том числе и в текстах русского городского романа.

Т. И. Попова проанализировала стилистическую многослойность сатирического политического печатного креолизованного текста как средство создания иронии. Н. П. Беневоленская изучила стилистические средства создания гендерного Burda-инварианта (штампы и культурные речевые клише), обеспечивающие демонстрацию непреходящих семейных ценностей и счастливых финалов.

В. В. Васильева установила на примере анализа текста анекдота, что, переходя из одной среды коммуникации (медиасреда) в другую (профессиональную), текст может терять свои базовые коммуникативные качества (в данном случае – комический эффект).

В материалах участников дискуссии анализировалась также коммуникативная среда Интернета. Т. Л. Каминская при исследовании образа ученого в социальной сети установила, что поведение ученого при самопрезентации личности отличается ориентацией на целевую аудиторию учеников, социальный оптимизм, акцент на культурных ценностях и исторический контекст личности. А. А. Горячев показал, что в ситуации репостинга в социальных медиа несовпадение стилей комментария и первичного текста становится ключевым инструментом воздействия. Е. Н. Басовская отметила такую характерную черту интернет-рецензии, как агрессия, а также периодическую актуализацию советизмов. А. Г. Кротова исследовала стилистический потенциал интернет-мемов. Т. А. Спирчагова говорит о проблеме этики речевого поведения, связанных с употреблением отдельных хештегов и мемов. А. Г. Шилина пишет о необходимости включения инстаграм-коммуникации в сферу компетенции медиалингвистики. Л. Л. Сандлер посвятила свою работу исследованию интервью-конфронтации как способа коммуникативного взаимодействия, где дискурсивные характеристики личности влияют на выбор коммуникативных стратегий и тактик. В. Д. Наливалкин установил, что жанрово-стилевая инверсия нечетественной рок-музыки является инструментом манипуляции молодежным сознанием. О глумлении как деструктивной форме троллинга в медиатексте пишет Ю. М. Коняева.

Т. Ю. Редькина исследовала стилистическую полифонию в текстах трэвел-сайта. Стилистическая неоднородность данных текстов, показывает автор, зависит от коммуникативной ситуации. Т. И. Краснова доказывает, что стилевые смешения в синтагматической цепочке связываются с прагматическим фактором референции: соединение элементов разных стилей необходимо для достижения конкретных коммуникативных задач.

О разных видах полистилизма как особенности современной публицистики пишут Е. А. Барашкина, Н. Ю. Бердышева, Е. В. Выровцева, Л. Ю. Иванова (Леонтьева). Н. А. Прокофьева высказала идею, согласно которой взаимодействие стилей (публицистического и разговорного) приводит к появлению новых жанровых форм. О стилистической неоднородности информации корпоративного издания в коммуникативной

среде СМИ пишет В. И. Ивченков. О. В. Красовская показала, что неофициальные антропонимы в современном медийном тексте используются как имиджевый ресурс.

Исследованию употребления междометий в электронных СМИ посвятила свою работу И. А. Чуносова. Л. Г. Рябова обратила внимание на роль СМИ в формировании языковой политики на примере использования иноязычной и стилистически сниженной лексики.

Проблемам исторической стилистики посвящены работы А. А. Малышева («Свадьба Анны Леопольдовны и Антона Ульриха Брауншвейгского как коммуникативное событие на страницах «Примечаний к Санкт-Петербургским ведомостям» (1739 г.)» и Е. А. Щегловой («Термин и образ в путевых очерках второй половины XIX века»).

Заседание круглого стола показало, что проблема стилового взаимодействия – одна из актуальнейших проблем как современной речевой практики, так и теоретической стилистики.

АННОТАЦИИ

В. И. Ивченков
Минск, Беларусь

МЕДИАЛИНГВИСТИКА В БЕЛАРУСИ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

В статье описываются условия формирования и особенности развития медиалингвистики в Республике Беларусь, прослеживается путь от исследования стилистических явлений в текстах СМИ до дискурсного анализа СМИ, определяется онтология такого взаимодействия, выявляется связующая роль стилистики в изучении языкового факта как социального действия. Показывается историческая связь изучения языка и стиля СМИ советскими учеными с работами современных медиалингвистов, особое внимание уделяется творческому наследию профессора М. Е. Тикоцкого, основателя белорусской стилистики.

Медиалингвистические центры, сформированные на профильных кафедрах факультетов журналистики, развивались в русле исследования стилистических проблем, чем обуславливалась специфика преподавания языковых дисциплин будущим журналистам. К концу XX в. стилистика подверглась переустройству, на первый план был выдвинут речеведческий аспект. Медиатекст стал рассматриваться в качестве конструкта действительности в соотнесенности с автором.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиалингвистика, стилистика, текст, дискурсный анализ СМИ, публицистика.

Виктор Иванович Ивченков, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 407. E-mail: diskurs03@mail.ru.

М. И. Конюшкевич

Гродно, Беларусь

**ДВУЯЗЫЧНОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО. Статья вторая.
ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
НА ТЕКСТЫ БЕЛОРУССКИХ СМИ**

В статье на основе исследований предшественников и на материале районных печатных СМИ объясняются факторы доминирования русского языка в белорусской печати: ведущая роль русского языка на протяжении истории Беларуси XX–XXI вв.; функции русского языка в качестве посредника заимствований из других языков; роль русского языка как катализатора, возбуждающего в системе белорусского языка собственные ресурсы; иллюзия тождества близкородственных систем; влияние парадоксов самой языковой ситуации в Беларуси; конкуренция норм белорусского языка. Отмечается наличие в белорусскоязычных газетных текстах элементов «трасянки», советизмов, газетных штампов времен советского новояза, вариативность единиц на пересечении норм белорусского языка. На примере предлогов демонстрируется продуктивное образование и варьирование собственных средств белорусского языка.

Констатируется, что местные СМИ еще не готовы использовать выразительную и информативную палитру периферийных средств белорусского языка, ограничиваясь немногочисленным ядром средств, близких к русским или совпадающих с таковыми. Близкородственный характер белорусско-русского двуязычия и превалирование русскоязычных текстов обусловили отсутствие в белорусскоязычных медиатекстах преднамеренных включений элементов русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: двуязычие, белорусский язык, русский язык, печатные СМИ.

Мария Иосифовна Конюшкевич, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

230022, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22, к. 319. E-mail: marikon9@mail.ru.

О. И. Десюкевич

Минск, Беларусь

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ: КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ЖАНРА**

В статье предлагается семиотический анализ произведений Светланы Алексиевич с целью уточнения их жанровой природы. Рассматриваются в семантическом аспекте способы конденсации информации, в том числе концептуальные метафоры, оксюмороны, а также имплицитные способы выражения концептуального содержания текстов, выявляется особая роль эпиграфов и интертекста в целом; эксплицируется

содержание ключевых языковых знаков посредством анализа их сочетаемости с глагольными предикатами; конструкции с семантикой неагентивности описываются в связи с феноменом несвободы.

В прагматическом аспекте анализируется образ автора как единство человека частного и социального, выясняются типы диалогического взаимодействия голосов персонажа с авторским дискурсом. В композиции особое внимание уделяется вступительной главе, представляющей собой минимализацию целого произведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образ автора, концептуальная метафора, интертекст, полифоническая структура.

Ольга Ивановна Десюкевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405. E-mail: olga_des@rambler.ru.

О. М Самусевич

Минск, Беларусь

ФЕНОМЕН РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматриваются изменения в публицистическом дискурсе, связанные с активизацией различных форм речевой агрессии в белорусской прессе, а также выявляются экстралингвистические факторы, трансформирующие речевой идеал современных СМИ. Анализируются медиатексты с точки зрения использования таких приемов, как перенасыщение текста средствами негативной оценки и негативной тональности, агрессивные метафоры, сравнения, ассоциации, ирония и стеб, «спекуляция» национальными ценностями, распространение лживых сведений, сплетен как проявлений активной непрямой агрессии.

Изучаются тенденции в речемышлительной сфере, обусловленные либерализацией общественных отношений и демократизацией норм литературного языка, что делает актуальными вопросы гуманизации медиасферы и вербальной агрессии в белорусском социуме в целом и в средствах массовой информации Республики Беларусь в частности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: речевая агрессия, белорусский медиадискурс, национальный литературный язык, культура речи журналиста, речевой идеал.

Ольга Михайловна Самусевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой периодической печати, заместитель директора Института журналистики Белорусского государственного университета.

220009, Беларусь, г. Минск, Кальварийская ул., 9, к. 402. E-mail: s.olga.m@rambler.ru.

А. В. Дубровский

Минск, Беларусь

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
(на материале публикаций в еженедельнике «Літаратура і
мастацтва»)**

В статье рассматриваются жанрово-стилистические трансформации современной белорусской литературной рецензии на материале публикаций в еженедельной газете «Літаратура і мастацтва». Внимание акцентируется на рецензиях, посвященных поэтическим сборникам. В жанровом отношении основные трансформации сводятся к тому, что рецензия либо лишается основных структурных элементов, либо приобретает элементы иных жанров. Читатель сталкивается либо с такой рецензией, которая уже не является аналитическим жанром, а относится, скорее, к жанрам информационным, либо с текстом гибридной жанровой природы. И лишь иногда мы видим классическую рецензию.

В стилистическом плане наиболее серьезными недостатками в современной рецензии являются речевые штампы, элементы архаичного орнаментального стиля, случаи нарушения коммуникативных качеств речи (правильности, точности, логичности).

К л ю ч е в ы е с л о в а: критика, рецензия, жанр, стиль, трансформация.

Александр Владимирович Дубровский, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 406. E-mail: dubrovski@list.ru.

П. П. Жолнерович

Минск, Беларусь

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРОКА НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ ЭКРАНЕ

В статье рассматриваются классификация, структура и основные лингвистические характеристики хроникальных сообщений, которые включаются в информационную строку на телевизионном экране. Данный вид сообщений является своеобразным видом медиатекста, в одном предложении которого заключена главная новостная информация, что предъявляет к нему определенные требования. Характерной чертой жанра хроникального сообщения информационной строки является его письменный характер (как в печатных СМИ) и одновременно принадлежность к электронным медиа.

Автор классифицирует информационные строки на экстренные и эпизодические, постоянные и новостные, бегущие и всплывающие (сменяемые), одноуровневые и двухуровневые, указывает на наличие в строке дополнительных ссылок на источник информации, рассматривает проблему длины строки и ее смыслового наполнения. В статье выработаны рекомендации по устранению недостатков, выявленных в подобных медиасообщениях на телевизионных каналах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *информационная строка, бегущая строка, хроникальное сообщение.*

Петр Петрович Жолнерович, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 406. E-mail: zhaunier62@tut.by.

Л. П. Саенкова-Мельницкая

Минск, Беларусь

ФУНКЦИИ АВТОРСКОЙ КОЛОНКИ О КИНО КАК КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОГО МЕДИАТЕКСТА

В статье рассматриваются культурно значимые особенности авторской колонки в массовом печатном издании. Обосновывается термин арт-колумнистика и особенности развития этого жанра в белорусском печатном медиасегменте. Констатируется, что одним из признаков культурной состоятельности современных медиатекстов является наличие гуманистического потенциала, который раскрывается через определенные авторские стратегии. Доказывается, что арт-колумнистика, реализуя разнообразные функции культурологического плана, обладает весомым потенциалом в выборе ценностных предпочтений общества. Арт-колумнистика, ставшая постоянной и неотъемлемой частью некоторых белорусских изданий, свидетельствует о насущной потребности приобщения к общечеловеческим ценностям посредством искусства.

Акцентируется внимание на авторской колонке «Кинодом», посвященной вопросам киноискусства. Выявляются те функциональные особенности данной колонки, которые соотносимы с основными функциями культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиатекст, авторская колонка, арт-колумнистика, культурная значимость, функции.*

Людмила Петровна Саенкова-Мельницкая, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературно-художественной критики Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 318. E-mail: sayenkova@gmail.com.

Ю. Н. Лукьянюк, Л.Г. Шестернёва
Минск, Беларусь

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКА В БЕЛОРУССКИХ СМК: СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

В статье рассмотрено включение в структуру медиатекста стилистически маркированных пластов лексики — наиболее частотных структурных типов компьютерных терминов и жаргонизмов. Показано, что основными источниками формирования компьютерной лексики на современном этапе ее развития являются заимствования из английского языка, интернациональный фонд и семантические, морфемные и синтаксические способы образования новых лексических единиц с учетом когнитивного потенциала белорусского языка. Терминообразование в сфере компьютерной лексики и жаргонизация ее имеют специфическую эмпирическую базу по стилистической маркированности, структурной организации и моделированию.

Материалом исследования является картотека компьютерных терминов и жаргонизмов (200 единиц), извлеченных из материалов как общественно-политических изданий «Звезда», «СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка», так и специализированного информационного портала «Компьютерные вести».

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиатекст, терминообразование, компьютерная терминология, компьютерные жаргонизмы, структурная модель, аббревиация.

Юлия Николаевна Лукьянюк, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405. E-mail: lukianqk@mail.ru.

Лилия Георгиевна Шестернёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220030, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 405. E-mail: lilija-shesternjova@rambler.ru.

И. И. Минчук
Гродно, Беларусь

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ В ЭФИРЕ БЕЛОРУССКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

В статье рассматриваются особенности функционирования государственных языков в рамках республиканских, региональных, местных белорусских телеканалов и белорусских телевизионных проектов. Установлено, что белорусский телевизионный эфир двуязычен — в программе может использоваться: а) только белорусский язык, б) только русский язык, в) русский и белорусский языки одновременно.

Языковой код реализуется как на уровне текста (речи участников телевизионных программ — ведущих и героев), так и на уровне паратекста (в графической упаковке телепрограммы: заставках, рубрикаторах, титрах). Выбор языка телепрограммы может быть обусловлен: а) концепцией телеканала, б) жанром телепрограммы, в) ее тематикой, г) языковыми предпочтениями ведущего программы и гостя. Переключение языкового кода в рамках отдельной программы может быть как запланированным (вненесенным в концепцию телепрограммы), так и незапланированным (обусловленным языковыми предпочтениями участников).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дваязычие, русский язык, белорусский язык, телеканал, телепрограмма.*

Инна Ивановна Минчук, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

230022, Республика Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22, к. 319.

E-mail: inn-zhuk@yandex.ru.

Е. А. Щеглова

Санкт-Петербург, Россия

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»)

Статья посвящена рассмотрению лексико-стилистических особенностей путевого очерка в свете текстообразующей роли лексики на примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“». Были выделены группы лексики, образующей словесную композицию текста, т. е. выполняющей в очерках текстообразующую функцию. Было установлено, что реализация текстообразующей функции происходит различно: линейно или нелинейно.

К лексике, реализующей данную функцию линейно, были отнесены этнонимы, топонимы, наименования экзотических реалий, региональная лексика, морская лексика. Лексические единицы данных групп равномерно распределены по тексту и образуют словесный «стержень» произведения. К лексике, реализующей данную функцию нелинейно, были отнесены ключевые слова тех фрагментов очерков, которые содержат концептуальное видение автором картины мира. Лексика обоих типов составляет жанрово-стилевое своеобразие очерков и отражает два этапа познания — наблюдение и осмысление.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *путевые очерки, И. А. Гончаров, лексика, текстообразующая функция, историческая стилистика.*

Екатерина Александровна Щеглова, ст. преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703. E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

В. И. Ивченков
Минск, Беларусь

СТИЛИСТИКА: ЯЗЫК, РЕЧЬ И ТЕКСТ

В хронике речь идет о прошедшей в Минске (Беларусь) IV Международной научно-практической конференции «Стилистика: язык, речь и текст», посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника образования Республики Беларусь М. Е. Тикоцкого. Дана информация о проблематике форума, о сложившейся традиции проводить именные конференции, их духовно-нравственном наполнении, обозначен круг дискуссионных вопросов, затрагивающих как сугубо стилистические, так и междисциплинарные аспекты. Представлена краткая характеристика мероприятий, предваряющих конференцию (студенческие акции, академические студии, лектории) и завершающих ее (презентации учебных изданий по языку и стилю СМИ, литературной правке).

Внимание обращено на состоявшиеся заседания комиссий при Международном комитете славистов — медиалингвистической и стилистической, на которых обобщена проблематика исследований и определены дальнейшие действия в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова: конференция, стилистика, язык, речь, текст, медиалингвистика.

Виктор Иванович Ивченков, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета.

220004, Беларусь, Минск, Кальварийская ул., 9, к. 407. E-mail: diskurs03@mail.ru.

В. И. Коньков
Санкт-Петербург, Россия

РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА СМИ И ИНТЕРНЕТА В АСПЕКТЕ СТИЛЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблематика стилового взаимодействия рассматривается в нескольких аспектах: традиционное заимствование элементов одного стиля другим стилем; принципы организации речевого материала, общие для нескольких стилей; взаимное влияние текстов внутри одного коммуникативного целого; стилистические изменения текста при его перемещении в другую коммуникативную среду; влияние стилового взаимодействия на жанровую природу текста.

Ключевые слова: стиль, жанр, среда коммуникации, принципы организации речевого материала, стиловое взаимодействие.

Владимир Иванович Коньков, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: v_konkov@mail.ru.

ABSTRACTS

V. I. Ivchenkov

Minsk, Belarus

MEDIALINGUISTICS IN BELARUS: CONDITIONS OF FORMATION AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT

The conditions of formation and the features of development of mediallynguistics in the Republic of Belarus are described, the path from the study of stylistic phenomena in texts of mass media to discourse analysis of media is being traced, the ontology of this interaction is determined and the coordinating role of stylistics in the study of language facts as social action is revealed. Historical relationship of the study of language and mass media style by Soviet scientists with the works of contemporary mediallynguists is shown, special attention is paid to the creative heritage of Professor M. E. Tikotsky, the founder of the Belarusian stylistics.

Mediallynguistical centers formed at the relevant departments of the faculties of journalism evolved in line with the study of stylistic problems and stipulated the specifics of teaching language to future journalists. By the end of the twentieth century the stylistics has undergone a reconstruction, speech functioning aspect was put at the foreground. Media text came to be regarded as a construct of reality in correlation with the author.

Key words: media linguistics, stylistics, text, discourse analysis of media, journalism.

Viktor Ivanovich Ivchenkov, Doctor of Philology, Professor, Head of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism of the Belarusian State University.

220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 407. E-mail: diskurs03@mail.ru.

M. I. Konushkevich

Grodno, Belarus

BILINGUAL MEDIA SPACE. The second article. THE RUSSIAN LANGUAGE INFLUENCE ON THE BELARUSIAN MASS MEDIA TEXTS

On the predecessors research basis and regional printed mass media material the factors of Russian language domination in the Belarusian press are explained: the leading role of the

Russian language throughout the history of Belarus XX–XXI centuries; the Russian language functions as a mediator of borrowing from other languages; the Russian language role as a catalyst which stimulates in the Belarusian language system its own resources; the illusion of closely related systems identity; the influence of paradoxes in the language situation in Belarus; the competition of Belarusian language norms. It is noted the presence of the elements of “trasianka”, sovietisms, newspaper stamps since the Soviet Newspeak, the units variability at the intersection of Belarusian language norms in the Belarusian-language newspaper texts. On the prepositions example the productive formation and variation of Belarusian language own means is demonstrated. It is stated that the local media are not ready to use the expressive and informative palette of peripheral resources of Belarusian language yet, limited with not numerous core resources, similar or identical to the Russian.

The Belarusian-Russian bilingualism closely related character and the Russian texts prevalence have caused the absence of deliberate inclusion of Russian language elements in Belarusian-media texts.

Key words: bilingualism, the Belarusian language, the Russian language, print media.

Maria Iosifovna Koniushkevich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Journalism, Yanka Kupala Grodno State University.

230022, Republic of Belarus, Grodno, Ozheshko Str., 22, r. 319. E-mail: marikon9@mail.ru.

O. I. Desyukevitch

Minsk, Belarus

CONCEPTUAL JOURNALISM OF SVETLANA ALEKSIEVICH: GENRE'S CRYSTALLIZATION

The paper proposes a semiotic analysis of the works of Svetlana Alexievich which aims to clarify the nature of their genre. In the semantic aspect, the methods of condensation of information, including conceptual metaphors, oxymorons and implicit ways of expressing of the conceptual content of the texts are considered, the special role of the epigraphs and intertextuality as a whole is revealed; the content of key linguistic signs through the compatibility with the verbal predicates is explicated; the semantics of “irrational” grammar constructions is described in connection with the phenomenon of denial of freedom.

In the pragmatic aspect, the image of the author is analyzed as a unity of private and social, the types of dialogic interaction of characters' voices with the author's discourse are clarified. The introductory chapter is regarded as the “minimization” of the work.

Key words: image of the author, conceptual metaphor, intertext, polyphonic structure.

Olga Ivanovna Desyukevitch, Doctor of Philology, Assistant Professor of the Chair of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism of the Belarusian State University.

220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 405. E-mail: olga_des@rambler.ru.

O. M. Samusevich

Minsk, Belarus

PHENOMENON OF SPEECH AGGRESSION IN THE BELARUSIAN PRESS

The article considers changes in journalistic discourse associated with the recent actualization of different forms of speech aggression in Belarusian press, and identifies extra-linguistic factors transforming speech ideal of modern media. The focus of media texts analysis is made on the overuse of such methods as negative assessment, aggressive metaphors, comparison and associations, irony and mockery, negative tone, national values 'speculations', false information, and rumors as manifestations of active indirect aggression.

The trends in the speech and intellectual sphere are studied, they are determined by the liberalization of public relations and democratization of the norms of the literary language, which makes it relevant to the issues of humanization in mediasphere and verbal aggression in Belarusian society in general and in the mass media of the Republic of Belarus in particular.

Key words: speech aggression, Belarusian media discourse, national literary language, speech culture of a journalist, speech ideal.

Olga Mikhailovna Samusevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Periodical Press, Deputy Director of Institute of Journalism, Belarusian State University.

20004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 402. E-mail: s.olga.m@rambler.ru.

A. V. Dubrouski

Minsk, Belarus

CONTEMPORARY REVIEWS OF LITERARY WORKS AS AN OUTCOME OF GENRE AND STYLISTIC TRANSFORMATIONS (BASED ON PUBLICATIONS IN THE LITERATURE AND ART JOURNAL)

The article is dedicated to the genre and stylistic transformation of modern-day Belarusian reviews of literary works with the examples taken from publications in the weekly journal Literature and Art. Our attention is focused mainly on the reviews dealing with collections of poetry. The main aspects of transformation can be narrowed down to the fact that a review either is deprived of its basic structural elements or acquires elements of the other genres. The reader encounters either a review, which does not longer belong to analytical genre and rather relates to informational genre, or a text of hybrid stylistic nature. Only occasionally we find a classic review.

Stylistically, the most negative phenomena in contemporary reviews are clichés, archaic ornamental elements, and misapplication of communicative features of speech (correctness, precision, consistency).

Key words: criticism, review, genre, style, transformation.

Aleksandr Vladimirovich Dubrovski, Doctor of Philology, Associate Professor of the Literary Stylistics and Editorship Department, Institute of Journalism, Belarusian State University.
220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 406. E-mail: dubrovski@list.ru.

P. P. Zhauniarovich

Minsk, Belarus

INFORMATION LINE ON THE TV SCREEN

The article discusses the classification, structure and basic linguistic characteristics of the chronicle news messages that are included in the information line on the screen. This type of message is a specific type of media text, one sentence of which contains the main news information. Certain requirements are demanded from this sentence. A distinctive feature of the genre of the chronicle news message in the information line is its written character (as in print media) and at the same time its belonging to the electronic media.

The author classifies the information line for emergency and episodic, persistent and news, running and pop-up (alternate), single-level and two-level, indicates the presence in the line of additional links to sources of information, considering the problem of the length of the line and its semantic content. The article offers recommendations for the elimination of deficiencies identified in such media texts on various television channels.

Key words: information line, running line, chronicle message.

Piotr Piatrovich Zhauniarovich, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Stilistik and literary redaction, Belarusian State University.

220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 406. E-mail: zhaunier62@tut.by.

L. P. Sayenkova-Melnitskaya

Minsk, Belarus

THE AUTHOR'S COLUMN ABOUT THE MOVIE FUNCTIONING AS CULTURALLY RELEVANT MEDIA TEXTS

The article deals with culturally significant peculiarities of an author's column in print mass media. The term "art-kolumnistika" is explained as well as distinctive features of this genre development in the Belarusian printed media are examined. The author states that one of the signs of mediatexts cultural value is that they possess a humanistic potential, which is revealed through specific author's strategies. Moreover, the author proves that art-kolumnistika, fulfilling various cultural functions, holds considerable value potential in the society. Art-kolum-

nistika has become a permanent and indispensable part of some Belarusian editions, which reflects an urgent need for introducing people to universal values with the help of art.

The article attaches special importance to the author's column "Kinodom", which is devoted to cinema art issues. Finally, the article identifies those functional features of this column that correlate with the basic cultural functions.

Key words: media text, authorial column, art-column, cultural meaningfulness, functions.

Ludmila Petrovna Sayenkova-Melnitskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of literary-art criticism of the Institute of Journalism, Belorussian State University. 220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 318. E-mail:sayenkova@gmail.com.

Ju. N. Lukyanyuk, L. G. Shesternyova
Minsk, Belarus

**STYLISTICALLY MARKED COMPUTER VOCABULARY
IN BELARUSIAN QMS:
STRUCTURAL TYPES, AND MODELING**

The article considers the inclusion in the structure of the media text stylistically marked vocabulary layers: the most frequency structural types of computer terms and jargon. It is well-proven that the basic sources of forming of computer vocabulary on the modern stage of her development are borrowing from English, international fund and semantic, morpheme and syntactic methods of formation of new lexical units taking into account the cognitive potential of the Belarusian language.

A research base is a card index of the computer terms and jargon (200 units), extracted from materials such social and political editions as "Zvyazda", "SB. Belarus Segodnya", "Respublika", as well as specialized information portal "Kompyuternye Vesti".

Key words: word formation, media text, computer terminology, computer jargon, a structural model abbreviation.

Julia Nikolaevna Lukyanyuk, Candidate of Philology, Associate Professor of stylistics and literary editing of the Institute of Journalism, Belarusian State University. 220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 405. E-mail: lukianqk@mail.ru.

Lilia Georgievna Shesternyova, Candidate of Philology, Associate Professor of stylistics and literary editing of the Institute of Journalism, Belarusian State University.

220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 405. E-mail: lilija-shesternjova@rambler.ru.

I. I. Minchuk
Grodno, Belarus

THE RUSSIAN AND THE BELARUSIAN LANGUAGES ON BELARUSIAN TELEVISION

The article analyzes functioning of the official languages on republican, regional and local Belarusian TV channels and Belarusian TV projects. It is found that Belarusian television is bilingual: a TV program can use a) only the Belarusian language, b) only the Russian language, c) both the Belarusian and the Russian languages at the same time.

Language code is realized on the text level (speeches of participants of the program — anchor men and characters of a program), as well as on the level of paratext (in the form of graphical content — splash screens, rubricators, titles). Choice of the language of a TV program can be determined by a) conception of a TV channel, b) genre of a TV program, c) its subject matter, d) language preferences of anchor men and characters of a program. Change over from one language to another within a separate TV program can be planned (part of TV program conception), as well as unplanned (determined by language preferences of participants).

Key words: bilingualism, the Russian language, the Belarusian language, TV channel, TV program.

Inna Ivanovna Minchuk, Doctor of Philology, Assistant Professor of Journalism Department, Yanka Kupala State University of Grodno.

230022, Republic of Belarus, Grodno, Ozheshko Str., 22, r. 319. E-mail: inn-zhuk@yandex.ru.

E. A. Shcheglova
Saint Petersburg, Russia

TEXT-FORMING ROLE OF VOCABULARY IN TRAVEL SKETCHES (ILLUSTRATED WITH TRAVEL SKETCHES BY I. A. GONCHAROV “FRIGATE PALLADA”)

The article deals with lexical-stylistic features of a travel narrative in the light of the text-forming role of the lexicon illustrated with travel sketches by I. A. Goncharov in “Frigate Pallada”. There were allocated some vocabulary groups, which form the lexical composition of the text, i. e. performing the text-forming function in the sketches. It was found that the implementation of the text-forming function occurs differently: linear or nonlinear way. The vocabulary that implements this function in a linear way includes ethnonyms, toponyms, names of exotic realities, regional language, marine language. Lexical units of these groups are evenly distributed all over the text and form the lexical “core” of the work.

The vocabulary that implements this function in a nonlinear way includes key words of those parts of sketches that contain the author’s conceptual vision of the world image. The

vocabulary of both types makes up the sketches' genre and stylistic originality and reflects two stages of knowledge — observation and reflection.

Key words: travel sketches, I. A. Goncharov, vocabulary, a text-forming function, historical stylistics.

Ekaterina Alexandrovna Shcheglova, Lecturer of the Department of speech communication, St Petersburg State University.

199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703. E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

V. I. Ivchenkov

Minsk, Belarus

STYLISTICS: LANGUAGE, SPEECH AND TEXT

The chronicle describes the 4th International scientific and practical conference “Stylistics: language, speech and text” which was held in Minsk (Belarus). The conference was devoted to the 95th anniversary of M. Tsikotskij, Doctor in Philological Sciences, Honoured Worker in Education of the Republic of Belarus. The information about the forum's issues, about the tradition to organize personalized conferences, their spiritual and moral filling is given. A range of questions for discussion touching upon stylistic as well as interdisciplinary aspects is stated. A short characteristic of activities preliminary to the conference (students' activities, academic studios, lecturing centers and presentations of textbooks about the language and style of mass media and literary editing) is given.

Attention is paid to the meetings of Medialinguistics and Stylistics Commissions within the International Committee of Slavonic Scientists. The research problems were generalized and the future activities within the international cooperation were defined.

Key words: conference, stylistics, language, speech, text, medialinguistics.

Viktor Ivanovich Ivchenkov, Doctor of Philology, Professor, Head of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism of the Belarusian State University.

220004, Republic of Belarus, Minsk, Kalvariyskaya Str., 9, r. 407. E-mail: diskurs03@mail.ru.

V. I. Konkov

St Petersburg, Russia

SPEECH PRACTICE OF THE MEDIA AND THE INTERNET IN THE ASPEKT OF STYLE INTERACTION

In the article style interaction is represented as the borrowing of elements of one style by another style; Universal organization of speech material; Interaction of texts of communicative

unity; Stylistic changes in the text as it moves into another communicative environment; The influence of style interaction on the genre nature of the text.

K e y w o r d s: style, genre, communication principles Wednesday speech material style interaction.

Vladimir Ivanovich Konkov, Doctor of Philology, Professor Chair of speech communication of St Petersburg State University.

199004, St-Petersburg, 1st Line V. O., 26, r. 703.

E-mail: v_konkov@mail.ru.

Макет: *С. Е. Курочкин*
Оформление обложки: *П. Ч. Хан*
Верстка: *Е. П. Смирнова*

Подписано в печать 02.06.2017.
Формат 60x84/8. Гарнитура CharterITC. Печ. л. 15.
Тираж 50 экз. Заказ 135.

Отдел допечатной подготовки
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26.